

ИЗВЕСТИЯ

**ВОЛГОГРАДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
СОЦИАЛЬНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

**№1 (05)
2024**

ИЗВЕСТИЯ

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
СОЦИАЛЬНО - ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

№1(05)

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

2024 г.

ОСНОВАН
в 2023 г.

Учредитель:
Федеральное
государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»

Издатель:
ВГСПУ.
Научное издательство
ВГСПУ «Перемена»

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций

ПИ № ФС77-84741
от 17 февраля 2023 г.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

КРАСАВСКИЙ Н.А. Триада ключевых эмоциональных концептов «страх», «душевные страдания» и «отчаяние» в повести Германа Гессе «Кляйн и Вагнер».....	4
АСАДУЛЛАЕВА А.В. Лингвокультурный концепт «убийство» в русской и английской картинах мира: понятийный аспект.....	14
МАНСУР М.Х.С. Образные характеристики лингвокультурного типажа «дервиш» в арабском и русском языковом сознании	20
ЛЕОНТОВИЧ О.А. Механизмы бесконфликтного общения в России и испаноязычных странах: сопоставительный аспект.....	28
УВАРОВ А.А. К проблеме определения понятия «коммуникативная категория».....	35
БОБЫРЕВА Е.В., КОРОВИНА К.Г. Лингвокультурное моделирование адресата в религиозной телепроповеди.....	40
КУЗНЕЦОВА В.В. Классификация жанров медийно-развлекательного дискурса	47
МИХАЙЛИН И.А. Жанровая специфика имен собственных в компьютерной игре Blasphemous II.....	53
БУРЯКОВСКАЯ В.А. Локализация компьютерных игр как переводческая проблема.....	58

Главный редактор

Н.А. Красавский,
д-р филол. наук, проф.

Зам. главного редактора

К.И. Декатова, д-р филол. наук, доц.

Редакционная коллегия

Е.В. Брысина
С.Г. Воркачев
В.В. Дементьев
А.Х. Гольденберг
Л.В. Жаравина
В.И. Карасик
А.А. Кораблёв
Л.П. Крысин
М.Ч. Ларионова
О.А. Леонтович
Г.Б. Мадиева (Казахстан)
В.М. Мокиенко
С.А. Мызников
Н.Н. Панченко
С.В. Перевалова
Л.Н. Савина
В.И. Супрун
Н.Е. Тропкина
А.А. Фокин
Ван Цзиньлин (КНР)
Э.Ф. Шафранская

Научно-редакционный совет

А.М. Коротков
Н.А. Красавский
М.В. Великанов

ИОНОВА Т.А. Лингвокультурная адаптация кинотекста в свете интерпретативной теории перевода (на материале англоязычных сериалов).....63

БУДАРИНА Ж.С., ШЕЙКО А.М. Ошибка или опыт? К вопросу о классификации ошибок в письменном переводе72

КАРМОВА М.Р. Роль миноритарного языка и культуры в VUCA-мире.....79

ШУЛЯТЕВА Э.В. Исторические вехи становления языковой политики Испании.....83

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

МОСКВИН В.П. Стилистический анализ спектакля К.Г. Треплева как составной части пьесы А.П. Чехова «Чайка».....90

ИСКАНДАРИ М. «Толковый словарь русского языка» Д.Н. Ушакова в Иране 101

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

ГОРБАТОВСКИЙ А.С. К вопросу о композиционной вариативности немецких легенд об основании соборов (“Dombausagen”)..... 110

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РАЦ И.М. Изображение внутреннего пространства измененного сознания в прозе И.А. Бунина 116

ХРОНИКА И РЕЦЕНЗИИ

КАТЕРМИНА В.В. Рецензия на монографию Д.Ю. Гулинова, О.А. Дмитриевой «Письма счастья»: эволюция, структура, типаж 124

Перевод на английский язык
А.С. Караваевой.

Подписано в печать
15.03.2024

Формат 60×84/8.
Бум. офс. Уч.-изд. л. 14,6
Тираж 1000 экз.

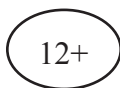
Адрес издателя, редакции:
400005, Волгоград,
пр. им. В.И. Ленина, 27,
ВГСПУ.

Великанову М.В.
☎(8442)60-28-86
E-mail: philolog-izvestia@mail.ru

Отпечатано в типографии
ИП Миллер Андрей Георгиевич
400005, Волгоград,
пр. им. В.И. Ленина, 27.
Заказ № 30/03/1

Выход в свет
30.03.2024

Цена свободная

© Волгоградский государственный
социально-педагогический
университет, 2024

СЕДЫХ А.П. От коллективных к индивидуально-авторским
концептосферам: тенденции развития современной линг-
воконцептологии (рецензия на книгу: Красавский Н.А.
Индивидуально-авторские концептосферы эмоций Гер-
мана Гессе, Стефана Цвейга и Роберта Музиля: моногра-
фия. Волгоград: «Перемена», 2023. 225 с.)..... 127

Сведения об авторах.....130

Information about authors.....132

Состав редакционной коллегии134

Состав научно-редакционного совета.....134

Н.А. КРАСАВСКИЙ
Волгоград

ТРИАДА КЛЮЧЕВЫХ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ «СТРАХ», «ДУШЕВНЫЕ
СТРАДАНИЯ» И «ОТЧАЯНИЕ» В ПОВЕСТИ ГЕРМАНА ГЕССЕ «КЛЯЙН
И ВАГНЕР»

Посредством интерпретативного анализа повести «Кляйн и Вагнер» определены коммуникативный замысел, базовая идея ее автора – Германа Гессе, равно как и выявлены ключевые концепты этого произведения – страх, душевные страдания и отчаяние, оказавшиеся в нем коммуникативно востребованными и психологически релевантными. Критериями отнесения этих эмоциональных концептов к ключевым являются высокая частотность использования их лексических репрезентантов и экспликантов и суждения литературных критиков. Значительное внимание в статье уделяется установлению перцептивно-образных признаков у названных выше концептов. Некоторые из данных признаков индивидуально-авторские.

Ключевые слова: *концепт, концептосфера, текст, образ, повесть, страх, душевные страдания, отчаяние.*

Современная лингвистика, как известно, полипарадигмальна. К числу ее центральных направлений относится лингвоконцептология, пережившая семимильное триумфальное шествие в первое десятилетие XXI в. [4; 6, с. 7–23; 8; 10; 17; 18; 21]. Лингвоконцептология выступает своеобразным интегрирующим звеном для целого ряда гуманитарных и социальных наук. Она содержательно обогатила их фактографией и отчасти теоретическим багажом. Описание значительного числа концептов национальных языков выявило дифференциации и сходства в осмыслении членами разных лингвокультурных сообществ множества актуальных для гуманитарно-социальной отрасли знания феноменов. Примерами могут служить такие уже фундаментально описанные концепты, как «дружба», «любовь», «пунктуальность», «гостеприимство». Это список можно расширять и расширять.

Лингвоконцептологические работы выполнялись и выполняются преимущественно в сопоставительном ключе – материалом для них служат разные языки. Изучение национальных (коллективных) концептов позволило, во-первых, определить их значимый статус в разных лингвокультурах (например, концепт пунктуальности для немцев значительно важнее, чем для русских), выявить ценность того/иного феномена для их представителей, во-вторых, увидеть динамику развития концептов в диахронии функционирования социума, что, вне сомнений, важно в том числе и для социально-гуманитарного блока науки.

Факт изобилия лингвоконцептологических работ при этом вряд ли можно оценивать как их деактуализацию, как закрытие исследовательской ниши. Лингвоконцептология продолжает развиваться благодаря выявляемым учеными лакунам. Так, в частности, инновационной и оправдавшей себя оказалась идея известного лингвиста В.И. Карасика, выделившего в отдельную разновидность концепта лингвокультурные типажы. Под

лингвокультурным типажом автором предлагается понимать «обобщенные узнаваемые образы представителей той или иной культуры» [7, с. 221]. За последние полтора десятилетия вышла в свет целая серия работ, посвященная лингвокультурным типажам [1; 19; 25]. Этими трудами, естественно, не закрывается лингвоконцептологическая парадигма. Характеризуя современное состояние лингвоконцептологии, отметим устойчивый тренд переключения внимания с изучения коллективных концептосфер национальных языков на исследование индивидуально-авторских концептов и в целом индивидуально-авторских концептосфер [5; 11; 14, с. 100–104; 24]. Как правило, исследователи фокусируют внимание на ценностной составляющей индивидуально-авторских концептов, а не только на языковых средствах их объективации в индивидуально-авторской картине мира, исходя при этом из толкования концепта как триады, состоящей из понятийного, (перцептивно)-образного и ценностного признаков. Аксиологический подход к описанию индивидуально-авторских концептов, как представляется, хранит в себе потенциал раскрытия иерархии ценностей, их приоритетов в картине мира создателя текста. Более того, при изучении концептосфер известных писателей, публицистов, ученых, государственных деятелей может быть обнаружена иерархия в системе их ценностных приоритетов. Вскрытие шкалирования ценностных приоритетов может быть интерпретировано и как диагноз современного состояния общества (напр., дефицит милосердия, сострадания как призыв к гуманизации социума), и как пробивающая себе дорогу гуманистическая тенденция к необходимым трансформациям в нем. Иными словами, ценности выступают характеристикой цивилизации на определенном этапе ее развития, равно как и отдельного индивида в конкретный период его жизни. Отсюда и постоянный интерес ученых, работающих в разных областях знания, к обсуждению вопроса ценностей. Отечественный исследователь Д.А. Леонтьев верно замечает: «И философ, и социолог, и психолог, и совсем далекий от науки человек согласятся с утверждением, что проблемы, связанные с человеческими ценностями, относятся к числу важнейших для любой из наук, занимающихся человеком и обществом. Важнейших прежде всего в силу того, что ценности выступают интегративной основой как для отдельно взятого индивида, так и для любой малой или большой социальной группы, культуры, нации, наконец, для человечества в целом» [13, с. 15].

В ценностях отражаются оценки, которыми оперирует человек в своей квалификационной деятельности. Обе категории – ценность и оценка – взаимообуславливают друг друга, находятся в неразрывной связи друг с другом. Они легко обнаруживают себя в речевых поступках человека, в самых различных типах общения, в различных коммуникативных практиках, одной из которых являются художественные тексты. Именно художественный дискурс, по замечанию В.И. Карасика, «наиболее тесно связан с традициями мировосприятия определенного этноса» [9, с. 389]. Художественный дискурс немыслим без речевого воплощения в нем эмоциональных концептов. В коммуникативный замысел авторов художественных произведений, как известно, входит множество задач, в том числе и изображение богатого и разнообразного мира чувств и эмоций человека, его психических переживаний. Данным обстоятельством, на наш взгляд, объясняется выбор лингвоконцептологов, изучающих индивидуально-авторские концептосферы художественного дискурса [2; 5; 22; 23, с. 53–61]. Как правило, фактографической базой для исследования при этом становятся произведения наиболее известных писателей, повлиявших своим творчеством на умы и сердца многочисленных читателей, следовательно, внесших в их картину мира определенные изменения. Заметим: именно художники слова, наиболее тонко и глубоко чувствующие дух своей эпохи, тенденции в духовном развитии общества, его нравственные изъяны и деформации, выступают в качестве своеобразного безошибочного барометра, фиксирующего состояние системы ценностей социума, его отдельных групп, в том числе и элиты.

К числу глубоких мыслителей прошлого века и мастеров художественного слова относится, вне сомнений, немецко-швейцарский писатель Герман Гессе (1877–1962 гг.). Его творчество уже неоднократно становилось объектом исследования, в особенности в литературоведении [3; 12; 15; 16, с. 169–219]. Однако работ, авторы которых рассматривали бы его произведения, в частности прозу, в лингвоконцептологическом аспекте, мало. Эмоциональные индивидуально-авторские концепты Г. Гессе крайне редко становились объектом специального анализа.

Задачи, решаемые в предлагаемой статье: а) определение ключевых эмоциональных концептов в повести Германа Гессе «Кляйн и Вагнер» («Klein und Wagner»); б) установление перцептивно-образных признаков данной группы концептов; в) выявление способов их речевого воплощения в этом произведении.

Упомянутая повесть относится к числу самых первых произведений писателя. Она вышла в свет в 1920 г. Исторические события первой четверти XX в. не могли не оказать влияния на умонастроения живших в ту эпоху людей. Первая мировая война, революции как социальное явление, имевшее экономические и социальные последствия, негативно сказались на атмосфере в европейском обществе, в частности в Германии. Свой след они оставили и в творчестве писателей данного исторического периода. В повести «Кляйн и Вагнер», оцениваемой нами как глубокая драма отдельного индивида (протагониста Фридриха Кляйна), читатель, судя по сюжету, не обнаруживает эксплицитно выраженной социальной проблематики, но имплицитно она имеет место. В повести психологически тонко, мастерски показан противоречивый мир Фридриха Кляйна, оказавшегося в результате продолжительной и глубокой депрессии, вызванной в первую очередь обстоятельствами семейной жизни, на грани безумия. Эмоциогенный сюжет, подчиненный выполнению коммуникативного замысла писателя, – показать хрупкость человеческой души, ее уязвимость, неспособность человека противостоять внешним, жестоким жизненным обстоятельствам, сама базовая идея произведения – формируют его концептосферу, в частности концептосферу эмоций повести «Кляйн и Вагнер», занимающую в ней значительные позиции. В этом произведении по указанным выше причинам статус доминирующих имеют ярко выраженные негативные психические переживания, испытываемые протагонистом. К их числу мы бы отнесли в первую очередь страх, отчаяние и душевные страдания.

При выявлении ключевых эмоциональных концептов перед исследователем встает трудная задача – создание критериальной базы для определения их статуса. Применение критериальной базы позволяет вычленить действительно центральные (основные, стержневые) концепты. Основными критериями ключевого статуса концептов страха, отчаяния и душевных страданий предлагается считать следующие: 1) количественные показатели их вербализации – многочисленные номинации и выражения, высокочастотно используемые в повести; 2) суждения специалистов, экспертов по творчеству того или иного писателя. Страх, отчаяние и душевные страдания многими гессеведами относятся к числу базовых психических переживаний повести «Кляйн и Вагнер» [3; 12; 15].

В интересующей нас повести репрезентанты эмоционального концепта «страх» обладают высоким индексом частотности употребления. Мы имеем в виду как его номинанты (прямые обозначения), так и экспликанты (т. е. слова, выражающие концепт). Под обозначением концепта мы вслед за В.И. Карасиком понимаем «присвоение фрагменту осмысливаемой действительности специального знака», а под выражением концепта – «всю совокупность языковых и неязыковых средств, прямо или косвенно иллюстрирующих, уточняющих и развивающих его содержание» [8, с. 130–131]. Концепт «страх» в немецком языке обозначается следующими синонимичными словами: *die Angst, die Furcht, die Scheu, der Schreck, der Schrecken, die Beklemmung, das Grauen, das Grausen, das Entsetzen, die Bangnis* [20, с. 36]. Для характеристики эмоционально-психического

состояния Фридриха Кляйна из числа названных выше используются следующие номинанты эмоций и их производные: *die Angst* (56 словоупотреблений) – *ängstlich* (5 словоупотреблений), *die Todesangst*, *die Kinderangst*, *die Schicksalsangst*, *das Angstgefühl*, *geängstigt*, *die Beängstigung*, *geängstet* (по одному словоупотреблению). Номинант *die Furcht* используется в повести 5 раз, его производные *furchtbar* 12 раз, *fürchten* 5 раз, *zerfurcht* 1 раз. Обозначающие концепт страха слова с корневой морфемой *bang* использованы 4 раза (слово *bang* употреблено дважды, слова *die Bangigkeit*, *die Todesbangigkeit* по одному разу). Значительно выше индекс частотности употребления у слова *der Schreck* и его производных. Он составляет суммарно 12 позиций (*der Schrecken*, *schrecken*, *aufschrecken*, *erschrecken*, *zurückschrecken*, *schrecklich*). Несколько реже употреблены субстантив *das Grauen* и его дериват – *grauenhaft*. Один раз использован дериват субстантива *das Entsetzen* – *entsetzlich*. Субстантив *die Beklemmung* употреблен 3 раза. Суммарный индекс частотности употребления номинантов страха вместе с дериватами в повести составляет 112 позиций. Страх, как позволяет заключить сюжет, на протяжении всего произведения выступает постоянным спутником протагониста.

Фридрих Кляйн, женившийся не по любви и страдавший годами под семейным гнетом (под давлением жены), бежит на юг Италии, предусмотрительно украв большую сумму денег у своего директора фирмы. Он испытывает, однако, в результате бегства не облегчение, а целый комплекс глубоких, нередко противоречивых переживаний, приводящих его к состоянию жуткого страха – страха смерти: “*Alle die widerlichen Gefühle, die in ihm stritten, vereinigten sich zu einer furchtbaren, erstickenden, tödlichen Angst, zu einem teuflischen Alpdruck auf Herz und Lunge, der sich immer von neuem bis an die Grenze des Unerträglichen steigerte. Was Angst war, hatte er ja längst gewußt, seit Jahren schon, und seit den letzten Wochen und Tagen erst! Aber so hatte er sie noch nie an der Kehle gefühlt!*” (Н. Гессе. Klein und Wagner*). Невыносимое психоэмоциональное состояние протагониста ярко и экспрессивно передано эпитетами перед самим номинантом эмоции *die Angst* (страх) – *furchtbar* (ужасный), *erstickend* (удушающий), *tödlich* (смертельный). В этом же эмоциогенном текстовом пассаже душевное состояние Фридриха Кляйна передается не только посредством номинанта чувства страха, но и выражается через использование лексемы *das Herz* (сердце). Сердце протагониста при воспоминании о содеянном испытывает дьявольское давление (*teuflisch*). Применение в повести соматизма *die Kehle* (горло) дополняет яркими красками удручающее состояние Кляйна, который не имеет возможности избавиться от чувства страха. Фридрих Кляйн, живший длительное время в состоянии боязни и тревоги, ранее никогда не испытывал страха, сдавливающего горло с такой силой (*noch nie an der Kehle gefühlt*). В нижеследующем отрывке повести читатель видит одинокого и беспомощного протагониста в гостинице. Фридрих Кляйн испытывает смертельный страх (*die Todesbangigkeit*), хотя ему, казалось бы, никто и ничто не угрожает – он далеко уехал из своего города, из страны. Переживание страха мастерски передано Германом Гессе посредством образа птицы, оцепеневшей при виде перед ней змеи (*gegenüber wie ein Vogel der Schlange*). Как и в предыдущем текстовом эпизоде Кляйн и здесь испытывает болезненное давление в области сердца и лихорадку: “*Angespannt setzte er sich im Bett aufrecht und suchte das Gefühl seiner Lage auszuschöpfen, um einmal damit fertig zu werden. Aber es war immer dasselbe: Einsam und hilflos saß er, mit fieberndem Kopf und schmerzlichem Herzdruck, in Todesbangigkeit dem Schicksal gegenüber wie ein Vogel der Schlange, festgebannt und von Furcht verzehrt*» (Там же). Обращает на себя внимание использование лексемы *das Schicksal* (судьба), сигнализирующей о предопределенной свыше жизненной траектории человека, равно как и использование метафоры *von Furcht verzehrt* (поглощенный страхом; букв. съеденный страхом). Примененная

* Hesse H. Klein und Wagner // Kinderseele. S. Fischer Verlag. Berlin, 1920.

метафора показывает анатомию, механизм поглощения личности, индивида глубоким психическим переживанием, по сути, его деморализацию как результат собственной деструктивной рефлексии.

Концепт страха не только вариативно обозначается синонимичными лексемами, но и выражается без их употребления. Приведем пример: «*Er sah eine kleine blaue Schachtel, aus der er mit zitternder Hand das Amtssiegel seines Chefs herausnahm*» (Там же). Трясущаяся, дрожащая рука, взявшая чужие денежные банкноты, – симптоматический признак обуявшего Кляйна страха. Этот эпизод своей жизни протагонист часто вспоминает.

В повести у эмоционального концепта «страх» выявлены на основе анализа языкового материала следующие перцептивно-образные признаки: “удушьё” (*erstickend, würgend*), “сжатие горла” (*an der Kehle*), “затрудненное дыхание” (*das Atem*), “пот на лице” (*der Schweiß*), “учащенное сердцебиение” (*das Herzklopfen*), “давление на сердце” (*der Druck im Herzen*), “дрожащая рука” (*die zitternde Hand*), “дрожащее тело” (*zitternder Leib*) “пронизывающий холод” (*schneidend kalt*), “цепи” (*Ketten von Ängsten*). Указанные признаки свидетельствуют о значительной степени деструктивности страха как на психическое, так и на физиологическое состояние протагониста. Данные перцептивно-образные признаки эмоционального концепта «страх» показывают его разветвленную ассоциативную сеть ярко акцентированной негативной направленности.

У эмоционального концепта «душевные страдания», как и у вышерассмотренного концепта, также значительны позиции в концептосфере эмоций повести «Кляйн и Вагнер».

Концепт «душевные страдания» в немецком языке обозначается следующими словами: *das Leid, die Leiden, der Schmerz, die Qual, das Weh, die Pein, die Marter, die Plage* [20, с. 402]. Все они, кроме двух последних лексем, использованы в повести. Этот лингвистический факт мы оцениваем как коммуникативную востребованность феномена душевных страданий, как их психологическую актуальность для раскрытия образа протагониста и в целом коммуникативного замысла Г. Гессе.

Душевные страдания главного персонажа вариативно обозначаются в этом произведении. Суммарный индекс частотности их употребления равен 93. Наиболее часто этот концепт обозначается словом *die Qual* и его многочисленными производными: *quälen* (5), *quälend, qualvoll, die Selbstquälerei, selbstquälerisch, der Qualschrei* (по одному словоупотреблению). Само же слово *die Qual* использовано в повести 20 раз. Индекс частотности применения синонимичного этому субстантиву слова *das Leid* и его формы во множественном числе *die Leiden* равен 13 позициям. Укажем частотность использования его производных: *leiden* (3), *der Leidende* (1), *leidvoll* (1). Душевные переживания в повести также обозначены словом *der Schmerz* и формой его множественного числа *die Schmerzen* (8 словоупотреблений). Заметно реже использованы лексемы *schmerzend* (2), *schmerzvoll* (1), *schmerzlich* (1). Обозначающие крайнюю степень душевных страданий слова *das Weh* и *weh* имеют индекс частотности применения 12. Слово *die Pein* и его дериваты *die Todespein, die Selbstpeinigungen, peinigen* употреблены по одному разу.

В следующем текстовом пассаже образно передано эмоциональное состояние Фридриха Кляйна, который в состоянии активно протекающей длительной депрессии не может различать переживаемые им чувства – наслаждение, сладострастие (*die Wollust*) или мучительное страдание (*die Qual*), близкое к безумию: “*Der Andrang wurde zur Qual, zu einer Qual, die von höchster Wollust nicht zu unterscheiden war. Sein Herz schlug rasch, Tränen standen ihm in den Augen. Er begriff, daß er nahe am Wahnsinn stehe, und wußte doch, daß er nicht wahnsinnig werden würde...*” (H. Hesse. Klein und Wagner). Симптоматическими признаками глубокого душевного страдания выступают лексические маркеры *das Herz* (учащенно пульсирующее сердце) и *die Tränen* (слезы в глазах). Еще в более жутком состоянии читатель обнаруживает Фридриха Кляйна, страстно мечтающего о

смерти под колесами поезда, о смерти, способной избавить его от невыносимых мук: *“Tief fraß sein Leid sich in diese Visionen ein, mit Beifall und Wollust hörte, sah und schmeckte er die gründliche Zerstörung des Friedrich Klein, fühlte sein Herz und Gehirn zerrissen, verspritzt, zerstampft, den schmerzenden Kopf zerkracht, die schmerzenden Augen ausgelaufen <...>, die Knochen, Knie und Kinn zerpulvert”* (Там же). Метафорой *fraß sein Leid sich in diese Visionen ein* (букв. страдание въедалось в его видения) образно выражены душевные муки протагониста. Большое воображение Кляйна, измученное бесконечными переживаниями, живо и в деталях рисует сцену его гибели – разорванное сердце, растоптанный и разбрызганный мозг на рельсах, вытекшие глаза, измельченные в порошок кости, колени и подбородок.

Эмоции, чувства человека, как известно, переживаются кластерно. Они не изолированы друг от друга, а представляют собой определенным образом организованные комплексы переживаний как реакции на события, как правило, извне. В нижеприведенном отрывке повести душевные страдания Кляйна сочетаются с чувством страха, ужаса, отвращения и презрения к самому себе: *“Langsam richtete er sich auf. Nun kamen die Qualen wieder, nun war ihm wieder beschieden, Stunde um Stunde zu liegen, Weh und Angst im Herzen, allein, nutzlose Leiden leiden, nutzlose Gedanken denken, nutzlose Sorgen sorgen. Aus dem Alpdrücken, das ihn geweckt hatte, krochen schwere fette Gefühle ihm nach, Ekel und Grauen, Selbstverachtung”* (Там же). Страх смерти, переходящий в панический ужас, отвращение к себе, вызванное состоянием собственной беспомощности, презрение к себе как реакция на безнравственные поступки (кража денег, бегство из семьи и оставление детей) – широкая палитра эмоций и чувств, тяжелым бременем легшая на сердце Фридриха Кляйна. Примечательно указание на локус переживаний – сердце, аккумулирующее в себе все психические процессы. Свежестью и оригинальностью отличается использованная глагольная метафора *krochen schwere fette Gefühle ihm nach*, художественно изображающая терзающие душу Кляйна тягостные чувства. Отвращение, ужас и презрение к себе метафоризируются глаголом *kriechen* (ползти), вызывающим ассоциации медленно подкрадывающихся змей, символизирующих неизбежную гибель человека.

Помимо вариативной системы обозначения душевные страдания в повести часто выражаются. При этом нередко Г. Гессе используются оригинальные стилистические средства, в экспрессивной, образной форме обращающие внимание читателя на глубину переживаний протагониста: *“Niemals seit seiner Jugendzeit war Klein so unmittelbar und so einsam seinen Gefühlen überlassen gewesen, niemals so in der Fremde, niemals so nackt und senkrecht unter der unerbittlichen Sonne des Schicksals”* (Там же). Отсутствие друзей, социальных контактов, глубокое одиночество вызывают в Кляйне глубокие переживания, депрессию. Концепт душевных страданий в приведенном отрывке повести выражен лексемой *einsam*, словом-интенсификатором *so*, метафорическим оборотом *unter der unerbittlichen Sonne des Schicksals*, раскрывающим перцептивно-образный признак эмоционального концепта «душевные страдания» (*беспощадное солнце судьбы*). Беспомощность и незащищенность Фридриха Кляйна выражены оригинально использованными в приведенном выше тексте словами *nackt* (голый, обнаженный, неприкрытый) и *senkrecht* (вертикальный).

Проанализированный материал позволяет выделить следующие перцептивно-образные признаки у концепта «душевные страдания»: «учащенное сердцебиение, удары сердца» (*das Herz schlug rasch*), «слезы в глазах» (*Tränen in den Augen*), «дрожащая рука» (*die zitternde Hand*), «искаженное лицо» (*verzerrtes Gesicht*), «бледное лицо» (*bleiches Gesicht*), «застывшее, неподвижное лицо» (*starres Gesicht*). Эти признаки – свидетельство значительной степени негативного влияния душевных страданий на психическое и физиологическое состояние протагониста. Посредством перцептивно-образных признаков рассматриваемого концепта раскрываются его широкая ассоциативная сеть,

место этого феномена в языковом сознании индивида. Данные признаки, на наш взгляд, носят узуальный характер. Они конвенциональны, не обладают индивидуально-авторским почерком.

Граничащим с душевными страданиями в повести выступает отчаяние. Эти явления онтологически близки друг другу. Эмоциональный концепт «отчаяние» обозначается в немецком языке двумя лексемами *die Verzweiflung* и *die Verzagtheit* [20, с. 622]. Этот концепт, в отличие от вышерассмотренных, не обладает вариативной системой обозначений. Его номинант *die Verzagtheit*, равно как и производные данной лексемы, ни разу не употреблены в повести. Однако индекс частотности использования слова *die Verzweiflung* и его дериватов достаточно высок (14 позиций). Данный эмоциональный концепт обнаруживает при этом в повести высокочастотное выражение. Приведем в качестве примера два отрывка из текста произведения.

“Verzweifeld schlug er sich mit der Faust an die Stirn. Gott im Himmel, laß mich den Schlüssel finden! Laß mich nicht so umkommen, so jammervoll, so dumm, so traurig! In Fetzen gelöst wie Wolkentreiben im Sturm floh seine ganze Vergangenheit an ihm vorüber, Millionen Bilder, durcheinander und übereinander, unkenntlich und höhrend, jedes an irgend etwas erinnernd – an was? An was?” (H. Hesse. Klein und Wagner). Состояние отчаяния обозначено лексемой *verzweifeld* (отчаявшийся). Степень его интенсивности в тексте раскрывается посредством экспрессивного фразеологизма *sich mit der Faust an die Stirn schlagen* (ударять себя кулаком в лоб), наглядно иллюстрирующего соматическую реакцию Фридриха Кляйна на его сложившееся бедственное положение, оценочных лексем *jammervoll* (жалко, плачевно), *dumm* (глупо) и слова-интенсификатора *so* (так), показывающих невыносимость жизненных условий протагониста. Во втором примере автор повести художественно изображает противоречивость ментального мира и эмоционального мира Фридриха Кляйна, испытывающего экзистенциальный страх, но в то же время стремящегося к переживанию страданий, спешащему к часу гибели: *“Aber alles, wovor er Angst empfand, das begehrte und ersehnte er dennoch zugleich – er war voll brennender Sehnsucht und Neugierde nach Leid, nach Untergang, nach Verfolgung, nach Wahnsinn und Tod”* (Там же). Оценочно-экспрессивным эпитетом *brennend* (жгучий) подчеркиваются любопытство и страсть поиска ухода из жизни Фридриха Кляйна.

Состояние отчаяния, страха и душевных страданий описывается посредством лексем *das Herz* (сердце) и *die Seele* (душа), выступающих нередко в составе метафор. При этом часто в метафорических конструкциях используются номинанты эмоциональных концептов. Приведем несколько примеров. *“<...> Empfand er im voraus Enttäuschung und Druck im Herzen, er fühlte das Schlimme wiederkommen: die Angst”* (Там же). *“Und er würde neben ihr liegen, schlaflos, mit flackernden Nerven, das Herz voll Pein”* (Там же). В первом примере переживание разочарования, отчаяния и страха оставляет «анатомические» следы на сердце Кляйна – до физической боли ощущаемое им жуткое давление в области сердца. Во втором примере протагонист чувствует, что его сердце заполнено до краев душевным мучением (*die Pein*), страданием. В нем нет более места для иных чувств. Примечательно, что реже, но с большим эстетическим изыском Германом Гессе используется система художественно-выразительных средств (метафор и эпитетов), включающая такой компонент, как лексема *die Seele* (душа). Для иллюстрации этого утверждения приведем примеры. В нижеприводимом текстовом фрагменте, изображающем психоэмоциональное состояние глубочайшего отчаяния Фридриха Кляйна, его душа, подобно материальному объекту – одежде, разорвана. Ее усталость, истерзанность, нежизнеспособность выражены выступающим в функции эпитета причастием *zerrissen* (разорванный): *“Ein Funke schwamm hier in seiner Finsternis, an den hing er als bald alle Inbrunst seiner zerrissenen Seele”* (Там же). В следующем примере через при-

частие *geschüttelt* (*номтрясенный*) в экспрессивной форме показано душевное состояние протагониста: “*Er war bereit, er sehnte sich mit jeder Zuckung seines von Ermattung zitternden Leibes, seiner von Todespein geschüttelten Seele*” (Там же). Душа Кляйна, терзаемая смертельной мукой (*seiner von Todespein geschüttelten Seele* – *schütteln* – букв. *трясти, вытрясти*; ср. рус. *душу вытрясти*), уподобляется некой живой, физически существующей субстанции. Душа, как следует из следующего примера, персонифицируется. Она способна хранить молчание, подобно заблудившемуся, уставшему до смерти, испуганному человеку: “*Er hatte den Zweck seiner triebhaften Irrfahrt erreicht: er war so totmüde, daß die geängstigte Seele schwieg*” (Там же).

Посредством художественно-выразительных языковых средств ярко актуализируются перцептивно-образные признаки эмоционального концепта «отчаяние». К их числу, как показывает материал, относятся следующие: “сжимающая сердце боль” (*Druck im Herzen*), “удар кулаком” (*mit der Faust schlagen*), “жжение в теле” (*brennend*), “сжатие рук” (*die Hände ballen*), “искаженное лицо” (*verzogenes Gesicht*), “лицо в трещинах” (*zersprungenes Gesicht*). К индивидуально-авторским мы бы отнесли следующие перцептивно-образные признаки – “жжение в теле”, “лицо в трещинах”.

Резюмируем изложенное выше.

К ключевым в повести Германа Гессе «Кляйн и Вагнер» относятся эмоциональные концепты «страх», «душевные страдания» и «отчаяние». Их ключевой статус в эмоциональной концептосфере этого произведения обусловлен сюжетом и коммуникативным замыслом адресанта. Названные концепты удовлетворяют требованиям, которые, на наш взгляд, могут быть представлены в качестве критерия к ключевым концептам – суждения экспертов (преимущественно литературоведов, в особенности гессеведов) и количественные показатели репрезентантов того или иного концепта. Высокая частотность употребления слов, обозначающих концепты эмоций, служит аргументом в пользу признания за ними ключевого статуса. Поскольку концепт не только обозначается, но и выражается, то следует учитывать частотность использования и его экспликантов. Индекс частотности их применения значительный. Эмоциональные концепты «страх», «душевные страдания» и «отчаяние» чаще выражаются, чем обозначаются. Данный вывод касается в особенности эмоционального концепта «отчаяние», что объясняется скудной системой его номинаций по сравнению с двумя другими эмоциональными концептами. В многочисленных контекстах имеет место комбинированное использование обоих способов речевого воплощения ключевых эмоциональных концептов, что, видимо, продиктовано в первую очередь стремлением автора текста к адекватному выражению своего мироощущения в целом и в частности раскрытию образов персонажей, их внутреннего мира.

Для осмысления сущности индивидуально-авторских эмоциональных концептов важен учет их перцептивно-образных признаков, показывающих ассоциативную сеть адресанта. Данные признаки у рассматриваемых концептов в основном различны, но есть признаки, совпадающие среди них.

У эмоционального концепта «страх» установлены следующие перцептивно-образные признаки: “удушьё”, “сжатие горла”, “затрудненное дыхание”, “пот на лице”, “учащенное сердцебиение”, “давление на сердце”, “дрожащая рука”, “дрожащее тело”, “пронизывающий холод”, “цепи”. Эти признаки, как можно видеть, во-первых, преимущественно соматичны, во-вторых, указывают на явно отрицательную модальность переживаемого чувства. Ярко выраженной аналогичной модальностью обладают и признаки эмоционального концепта «душевные страдания»: “учащенное сердцебиение, удары сердца”, “слезы в глазах”, “дрожащая рука”, “искаженное лицо”, “бледное лицо”, “застывшее, неподвижное лицо”. Такие перцептивно-образные признаки, как “учащенное сердцебиение”, “дрожащая рука”, являются общими для обоих концептов.

Эмоциональный концепт «отчаяние» в повести обладает следующими перцептивно-образными признаками: «сжатое сердце», «удар кулаком», «жжение в теле», «сжатие рук», «искаженное лицо», «лицо в трещинах». Названные признаки имеют в контексте произведения отрицательную модальную направленность. Многие из перцептивно-образных признаков эмоциональных концептов выражены эпитетами и метафорами, большинство из которых узуальны.

Список литературы

1. Асадуллаева А.В. Исторический криминальный лингвокультурный типаж «английский пират»: автореф. дис. ... канд филол. наук. Волгоград, 2011.
2. Ашихманова Н.А. Трансформация ценностей в индивидуально-авторской концептосфере (на материале произведений Джона Барта): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009.
3. Березина А.Г. Герман Гессе. Л., 1976.
4. Воркачев С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт: монография. М., 2007.
5. Выстопова О.С. Индивидуально-авторская концептосфера Роберта Бёрнса: монография. Казань, 2020.
6. Дженкова Е.А. Концепты «стыд» и «вина» в немецкой лингвокультуре // Немецкая концептосфера: национальные и индивидуально-авторские концепты: кол. монография / науч. ред. В.И. Карасик. Волгоград, 2012. С. 7–23.
7. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. Волгоград, 2010.
8. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
9. Карасик В.И. Языковые картины бытия: монография. М., 2020.
10. Кононова И.В. Структура и языковая репрезентация британской национальной морально-этической концептосферы (в синхронии и диахронии): автореф. ... дис. д-ра филол. наук. СПб., 2010.
11. Красавский Н.А. Индивидуально-авторские концептосферы эмоций Германа Гессе, Стефана Цвейга и Роберта Музиля: монография. Волгоград, 2023.
12. Лазуткина О.А. Концепция человека в циклах рассказов Германа Гессе «По эту сторону», «Соседи», «Окольные пути»: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008.
13. Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 15–26.
14. Макарова О.С. Концепты «Macht» и «Glück» в концептосфере Ф. Ницше // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 1(01). С. 100–104.
15. Малащенко В.В. Феномен игры в прозе Германа Гессе: «Демиян», «Кляйн и Вагнер», «Последнее лето Клигзора»: дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2008.
16. Науменко А.С. Писатель, околдованный книгой // Г. Гессе. Магия книги. М., 1990. С. 169–219.
17. Немецкая концептосфера: национальные и индивидуально-авторские концепты: кол. монография / науч. ред. В.И. Карасик. Волгоград, 2012.
18. Пименова М.В. Концепт сердце: Образ. Понятие. Символ: монография, Кемерово, 2007.
19. Попова С.В. Лингвокультурный типаж «школьная учительница»: субъектное позиционирование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012.
20. Рахманов И.В. Немецко-русский синонимический словарь / И.В. Рахманов, Н.М. Минина, Д.Г. Мальцева, Л.И. Рахманова. М., 1983.
21. Стефанский Е.Е. Концептуализация негативных эмоций в мифологическом и современном языковом сознании (на материале русского, польского и чешского языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2009.
22. Стефанский Е.Е. Разгадать послание предков. Милан Кундера и древнейшие матрицы культуры славян. Самара, 2023.
23. Стихарная В.Б. Об объективации концепта «семья» в художественном дискурсе Ф. О'Нилл // Известия южного федерального университета. Филологические науки. 2022. Т. 26. № 3. С. 53–61.

24. Шаюк А.Ю. Эмоциональный лингвокультурный концепт Angst / страх и способы его репрезентации в авторском идиостиле Ф. Кафки: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2009.

25. Ярошенко О.А. Эволюция лингвокультурного типажа «русский интеллигент» (на материале произведений русской художественной литературы второй половины XIX – начала XXI вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2011.

* * *

1. Asadullaeva A.V. Istoricheskij kriminal'nyj lingvokul'turnyj tipazh «anglijskij pirat»: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2011.

2. Ashihmanova N.A. Transformaciya cennostej v individual'no-avtorskoj konceptosfere (na materiale proizvedenij Dzhona Barta): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2009.

3. Berezina A.G. German Gesse. L., 1976.

4. Vorkachev S.G. Lyubov' kak lingvokul'turnyj koncept: monografiya. M., 2007.

5. Vystropova O.S. Individual'no-avtorskaya konceptosfera Roberta Byornsa: monografiya. Kazan', 2020.

6. Dzhenkova E.A. Koncepty «styd» i «vina» v nemeckoj lingvokul'ture // Nemeckaya konceptosfera: nacional'nye i individual'no-avtorskie koncepty: kol. monografiya / nauch. red. V.I. Karasik. Volgograd, 2012. S. 7–23.

7. Karasik V.I. Yazykovaya kristallizaciya smysla. Volgograd, 2010.

8. Karasik V.I. Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs. Volgograd, 2002.

9. Karasik V.I. Yazykovye kartiny bytiya: monografiya. M., 2020.

10. Kononova I.V. Struktura i yazykovaya reprezentaciya britanskoj nacional'noj moral'no-eticheskoy konceptosfery (v sinhronii i diahronii): avtoref. ... dis. d-ra filol. nauk. SPb., 2010.

11. Krasavskij N.A. Individual'no-avtorskie konceptosfery emocij Germana Gesse, Stefana Cvejga i Roberta Muzilya: monografiya. Volgograd, 2023.

12. Lazutkina O.A. Konceptciya cheloveka v ciklah rasskazov Germana Gesse «Po etu storonu», «Sosedj», «Okol'nye puti»: dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2008.

13. Leont'ev D.A. Cennost' kak mezhdisciplinarnoe ponyatie: opyt mnogomernoj rekonstrukcii // Voprosy filosofii. 1996. № 4. S. 15–26.

14. Makarova O.S. Koncepty «Macht» i «Glück» v konceptosfere F. Nicshe // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauk. 2023. № 1(01). S. 100–104.

15. Malashchenko V.V. Fenomen igry v proze Germana Gesse: «Demian», «Klyajn i Vagner», «Poslednee leto Klingzora»: dis. ... kand. filol. nauk. Kaliningrad, 2008.

16. Naumenko A.S. Pisatel', okoldovannyj knigoj // G. Gesse. Magiya knigi. M., 1990. S. 169–219.

17. Nemeckaya konceptosfera: nacional'nye i individual'no-avtorskie koncepty: kol. monografiya / nauch. red. V.I. Karasik. Volgograd, 2012.

18. Pimenova M.V. Koncept serdce: Obraz. Ponyatie. Simvol: monografiya, Kemerovo, 2007.

19. Popova S.V. Lingvokul'turnyj tipazh «shkol'naya uchitel'nica»: sub'ektnoe pozicionirovanie: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2012.

20. Rahmanov I.V. Nemecko-russkij sinonimicheskij slovar' / I.V. Rahmanov, N.M. Minina, D.G. Mal'ceva, L.I. Rahmanova. M., 1983.

21. Stefanskij E.E. Konzeptualizaciya negativnyh emocij v mifologicheskom i sovremennom yazykovom soznanii (na materiale russkogo, pol'skogo i cheshskogo yazykov): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Volgograd, 2009.

22. Stefanskij E.E. Razgadat' poslanie predkov. Milan Kundera i drevnejšie matricy kul'tury slavyan. Samara, 2023.

23. Stiharnaya V.B. Ob ob'ektivacii koncepta «sem'ya» v hudozhestvennom diskurse F. O'Nill // Izvestiya yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2022. T. 26. № 3. S. 53–61.

24. Shayuk A.Yu. Emocional'nyj lingvokul'turnyj koncept Angst / strah i sposoby ego reprezentacii v avtorskom idiosstile F. Kafki: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2009.

25. Yaroshenko O.A. Evolyuciya lingvokul'turnogo tipazha «russkij intelligent» (na materiale proizvedenij russkoj hudozhestvennoj literatury vtoroj poloviny XIX – nachala XXI vv.): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2011.

The triad of the key emotional concepts “fear”, “mental sufferings” and “despair” in the story “Klein and Wagner” by Herman Hesse

The article deals with the definition of the communicative intention and the basic idea of the author - Herman Hesse, and the revealing of the key concepts of the work - fear, mental sufferings and despair, that are considered as the communicative required and psychologically relevant, by the means of the interpreted analysis of the story “Klein and Wagner”. The criteria of relating these emotional concepts to the key ones are the high frequency of the use of their lexical representatives and explicates and the comments of the literary critics. There is emphasized the establishment of the perceptive and imaginative features of the mentioned concepts. Some of these features are author-individual.

Key words: concept, sphere of concepts, text, image, story, fear, mental suffering, despair.

(Статья поступила в редакцию 05.01.2024)

А.В. АСАДУЛЛАЕВА
Волгоград

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ «УБИЙСТВО» В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ
КАРТИНАХ МИРА: ПОНЯТИЙНЫЙ АСПЕКТ**

Рассматривается лингвокультурный концепт «убийство» с точки зрения понятийной составляющей в русской и английской лингвокультурах. Исследование направлено на выявление языковых особенностей данного концепта. Его результаты позволят более глубоко понять роль данного концепта в формировании культурных ценностей и норм поведения.

Ключевые слова: лингвокультурология, лингвоконцептология, лингвоперсонология, лингвокультура, концепт.

В современной лингвистике большое количество исследований посвящено изучению связи языка и сознания. Способом установления этой корреляции у ряда лингвистов является концепт как базовый термин лингвоконцептологии [5, с. 7–23; 4; 7, с. 130–159; 12, с. 5–7] и лингвоперсонологии [1, с. 11–14; 6, с. 77–82; 9, с. 5–25; 11, с. 114–117]. Материалом для поиска связи языка и сознания становятся различные виды дискурса, литература, кинематограф.

Лингвоконцептология как отрасль лингвокультурологии занимается исследованием того, как язык формирует и передает концепты, представления и ценности, а также как они влияют на языковую систему. Таким образом, лингвоконцептология изучает, как язык отражает культурные и ментальные особенности различных народов.

Значительная часть исследований по лингвоконцептологии, по мнению Н.А. Кра-савского, проведена на *разноязычном* материале, что обусловлено стремлением уче-ных выявить этнокультурную специфику того или иного концепта, являющегося ча-стью концептосферы национального языка [10, с. 584–587] (Курсив наш. – А.А.).

Сегодня, во времена активного технического прогресса, большую популярность среди аудитории разного поколения, как известно, получают киносериалы и фильмы, ориентированные на любителей триллеров, детективов, часто сопряженных с убий-ством людей. В связи с этим актуален вопрос этнокультурного порядка: имеет ли кон-цепт «убийство» схожие характеристики в английской и русской культурах?

В предлагаемой читателю статье анализируется понятийная составляющая кон-цепта «убийство» в двух лингвокультурах: русской и английской. Стоит уточнить, что лингвокультурный концепт, по мнению В.И. Карасика, следует рассматривать в трех проекциях – понятийной, ситуативно-образной и ценностной (оценочной) [7, с. 132].

Необходимо заметить, что при изучении понятийных характеристик концепт не только обозначается лексемами, совпадающими с самим его наименованием, но и вы-ражается многочисленными синонимами, тематическими группами и рядами, равно как и лексемами, его косвенно обозначающими [10, с. 585].

Для анализа понятийной составляющей концепта «убийство» мы обратились к рус-ским лексикографическим источникам.

Убийство –

1) преступное, умышленное или по неосторожности, лишение жизни. *Осужден за у. из-за угла. Политическое у. (по политическим мотивам)* [13];

2) преступное лишение жизни кого-нибудь: *убийство с целью ограбления. Умышленное убийство. Злодейское убийство* [15];

3) умышленное или неосторожное лишение жизни человека. Российский закон предусма-тривает особо строгое наказание за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах (из корыстных или хулиганских побуждений; с особой жестокостью; способом, опасным для жиз-ни многих людей, и др.) [2];

4) умышленное причинение смерти другому человеку; самое тяжкое преступление против личности. УК РСФСР предусматривалось также У. по неосторожности [3].

Таким образом, изучив дефиниции лексемы «убийство», можно выделить ряд сле-дующих признаков: 1) преступное; 2) умышленное или неумышленное; 3) лишение жизни человека; 4) требующее уголовного преследования и наказания.

Важно отметить, что толковые словари русского языка не приводят близких си-нонимов лексемы «убийство», однако признаки данного концепта показывает допол-нительная информация, например, в виде определений (*преступное, умышленное, не-осторожное*).

Для сравнения понятийных признаков концепта «убийство» рассмотрим ряд сино-нимов на английском языке, соответствующих изучаемому русскому концепту. К та-ким синонимам можно отнести “murder”, “manslaughter”, “killing”, “homicide”, “assassi-nation”. Обратимся к англоязычным толковым словарям для выделения их понятийной составляющей.

Murder –

1) the unlawful killing of another human without justification or valid excuse committed with the necessary intention as defined by the law in a specific jurisdiction. This state of mind may, depending upon the jurisdiction, distinguish murder from other forms of unlawful homicide, such as manslaughter [4];

2) the crime of killing somebody deliberately (SYNONYM homicide): *He was found guilty of murder. Who is responsible for this brutal murder?* [20];

3) the crime of intentionally killing a person: *Two sisters have been charged with (= officially ac-cused of) murder. There were three murders in the town last year* [16];

4) in criminal law, the killing of one person by another that is not legally justified or excusable, usually distinguished from the crime of manslaughter by the element of malice aforethought [18];

5) the unlawful premeditated killing of one human being by another (in British English); the unlawful and malicious or premeditated killing of one human being by another; also, any killing done while committing some other felony, as rape or robbery (in American English) [17];

6) The killing of another person without justification or excuse, especially the crime of killing a person with malice aforethought or with recklessness manifesting extreme indifference to the value of human life [19].

Приведенные выше дефиниции лексемы «murder» дают основание полагать, что концепт “murder” обладает следующими признаками: 1) преступное (unlawful, crime, criminal, not legally justified or excusable); 2) преднамеренное (with the necessary intention, deliberately, with malice aforethought, premeditated); 3) убийство человека.

Следующая лексема в ряду синонимов слова “murder”, встречающаяся в англоязычных лексикографических источниках, – “killing”. Обратимся к ее дефинициям.

Killing –

1) an occasion when a person is murdered: *They are accused of terrible killings. These brutal killings must be avenged* [16];

2) The act or action of causing death, as of a person; A sudden large profit: *made a killing on the stock market* [19];

3) the act of causing death; the act or an instance of murder, destruction, etc. [17];

4) an act of killing somebody deliberately. *The mass killing (= killing of a large number of people) occurred when soldiers opened fire on protesters* [20].

Данные дефиниции позволяют сделать вывод о том, что лексема “killing” обладает следующими признаками: 1) убийство человека или группы людей; 2) намеренное или случайное. Данный термин может употребляться как в прямом смысле (the act of causing death), так и в переносном (a sudden large profit).

Следующая лексема “manslaughter”, приводимая англоязычными толковыми словарями, отличается от вышеупомянутых англоязычных слов, обозначающих «убийство», тем, что имеет четко выраженный признак – «непредумышленный», «непреднамеренный», признак, который позволяет оправдать (с точки зрения закона) данный вид убийства.

Manslaughter –

1) the crime of killing a person when the killer did not intend to do it or cannot be responsible for his or her actions; - the crime of killing somebody illegally in circumstances that make it a less serious crime than murder (for example because it was not deliberate or not planned in advance): *She was sentenced to five years' imprisonment for manslaughter. He denies murder but admits manslaughter on the grounds of diminished responsibility* [20];

2) the crime of killing someone unintentionally or without having planned to do it. *He was found guilty of manslaughter and sentenced to two years in prison* [16];

3) the crime of killing a person without intending to do so: *She was convicted of manslaughter for driving while drunk and killing three people* [18];

4) the illegal killing of a person by someone who did not intend to kill them. *A judge accepted her plea that she was guilty of manslaughter, not murder* [17].

В отличие от “manslaughter”, означающего непреднамеренное убийство, “homicide” обозначает как умышленное, так и непреднамеренное убийство, имеющее различные степени тяжести.

Homicide –

1) the act of killing another person, especially when it is a crime. Homicide is a general term and can also refer to a killing that is not a crime, for example because the person was trying to defend themselves. There are also different degrees of criminal homicide, for example depending on whether the killing was deliberate or planned in advance [20];

- 2) the crime of killing a person; murder [16];
- 3) an act in which a person kills another person. A homicide requires only a volitional act or an omission that causes the death of another, and thus a homicide may result from accidental, reckless, or negligent acts even if there is no intent to cause harm. Homicides can be divided into many overlapping legal categories, such as murder, manslaughter [4];
- 4) the killing of one human being by another [17];
- 5) the killing of one human being by another. Homicide is a general term and may refer to a non-criminal act as well as the criminal act of murder. Some homicides are considered justifiable, such as the killing of a person to prevent the commission of a serious felony or to aid a representative of the law. Other homicides are said to be excusable, as when a person kills in self-defense [18].

Последней в рассматриваемом ряду синонимов является лексема “assassination”. Данная лексема, как следует из нижеприведенных словарных дефиниций, имеет отличительный признак – «убийство публичной личности, особенно по политическим мотивам». Приведем ее определения.

Assassination –

- 1) the murder of an important or famous person, especially for political reasons: *The president survived a number of assassination attempts* [21];
- 2) the murder of someone famous or important: *the assassination of the opposition leader* [16];
- 3) the murder of a public figure. The term typically refers to the killing of government leaders and other prominent persons for political purposes – such as to seize power, to start a revolution, to draw attention to a cause, to exact revenge, or to undermine a regime or its critics [18];
- 4) the act of deliberately killing someone, especially a public figure, for political or religious reasons; the act of destroying or damaging something, such as a person’s reputation, through malicious actions or slander [19];
- 5) the act of deliberately killing a prominent or important person, such as heads of state, heads of government, politicians, royalty, celebrities, journalists, or CEOs. An assassination may be prompted by political and military motives, or done for financial gain, to avenge a grievance, from a desire to acquire fame or notoriety, or because of a military, security, insurgent or secret police group’s command to carry out the assassination. Acts of assassination have been performed since ancient times [19].

В результате анализа словарных дефиниций разных английских эквивалентов русской лексемы «убийство» мы можем представить упомянутые эквиваленты в виде таблицы, указав их определение, интенцию и законность явлений, которые эти слова обозначают

Термин	Определение	Интенция	Законность
Murder	Преднамеренное и уголовно преследуемое убийство человека	Намеренное	Преступное
Killing	Причинение смерти человеку как преднамеренное, так и непреднамеренное	Намеренное или непреднамеренное	Преступное или непроступное
Homicide	Общий термин, включающий в себя значения всех остальных	Намеренное или непреднамеренное	Преступное или непроступное
Assassination	Преднамеренное и уголовно преследуемое убийство высокопоставленных, публичных личностей, руководимое политическими, идеологическими или религиозными мотивами	Намеренное	Преступное
Manslaughter	Убийство человека, случайное или заранее не спланированное	Непреднамеренное	Преступное или непроступное

Таким образом, данная таблица позволяет увидеть общую картину значений всех англоязычных эквивалентов концепта «убийство». Становится очевидным, что в английской картине мира существуют различные варианты перевода концепта «убийство», выбор которых диктуют разнообразные факторы. В русском же языке изучаемый концепт не имеет столь близких по значению синонимов, однако может сопровождаться дополнительной информацией, например, в виде уточняющих определений (*преднамеренное/непреднамеренное убийство*), либо иметь общий корень (*детоубийство, цареубийство, человекоубийство* и т. д.). В обеих лингвокультурах феномен «убийство» ожидаемо находится вне закона, что показывает правильные социальные нормы.

Перспективы исследования мы видим в опросе информантов обеих лингвокультур на предмет выявления понятийных характеристик рассматриваемого концепта, а также в изучении образно-ситуативной и оценочной составляющих.

Список литературы

1. Асадуллаева А.В. Лингвокультурный типаж «английский пират»: определение и стереотипы // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. № 5(49). С. 11–14.
2. Большой Российский энциклопедический словарь / шеф-редакторы: А.Е. Махов и др. М., 2007.
3. Большой юридический энциклопедический словарь / автор-сост. А.Б. Барихин. М., 2005.
4. Википедия – свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 28.01.2024).
5. Дженкова Е.А. Концепты «стыд» и «вина» в немецкой лингвокультуре // Немецкая концептосфера: национальные и индивидуально-авторские концепты: колл. монография / науч. ред. В.И. Карасик. Волгоград, 2012. С. 7–23.
6. Дмитриева О.А. Место теории лингвокультурных типажей в образовательном пространстве // Актуальные проблемы лингвистики и перевода в современном мире. Душанбе, 2019. С. 77–82.
7. Карасик В.И. Лингвокультурные концепты: подходы к изучению // Социолингвистика вчера и сегодня. 2004. № 2. С. 130–159.
8. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
9. Карасик В.И., Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типаж: сб. научных трудов / под ред. В.И. Карасика. Волгоград, 2005. С. 5–25.
10. Красавский Н.А. Перспективы развития лингвоконцептологии // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 584–587.
11. Мурзинова И.А. Критерии классификации лингвокультурных типажей // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 6(159). С. 114–117.
12. Никишина И.Ю. Понятие «концепт» в когнитивной лингвистике // Язык. Сознание. Коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, И.А. Изотов. М., 2002. Вып. 21. С. 5–7.
13. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 2008.
14. Пименова М.В., Айдарбекова А.С., Ибраимова Г.О. Символическая когнитивная модель «душа – бабочка» и ее варианты в русской лингвокультуре // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 3(03). С. 39–44.
15. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 2000.
16. Cambridge Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 28.01.2024).
17. Collins Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 28.01.2024).
18. Encyclopedia Britannica [Electronic resource]. URL: <https://www.britannica.com/> (дата обращения: 28.01.2024).

19. FreeDictionary.com [Electronic resource]. URL: <http://www.freedictionary.com/> (дата обращения: 28.01.2024).
20. Oxford Dictionary of English [Electronic resource]. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/> (дата обращения: 28.01.2024).

* * *

1. Asadullaeva A.V. Lingvokul'turnyj tipazh «anglijskij pirat»: opredelenie i stereotipy // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2010. № 5(49). S. 11–14.
2. Bol'shoj Rossijskij enciklopedicheskij slovar' / shef-redaktory: A.E. Mahov i dr. M., 2007.
3. Bol'shoj yuridicheskij enciklopedicheskij slovar' / avtor-sost. A.B. Barihin. M., 2005.
4. Vikipediya – svobodnaya enciklopediya [Elektronnyj resurs]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 28.01.2024).
5. Dzhenkova E.A. Koncepty «styd» i «vina» v nemeckoj lingvokul'ture // Nemeckaya konceptosfera: nacional'nye i individual'no-avtorskie koncepty: koll. monografiya / nauch. red. V.I. Karasik. Volgograd, 2012. S. 7–23.
6. Dmitrieva O.A. Mesto teorii lingvokul'turnyh tipazhej v obrazovatel'nom prostranstve // Aktual'nye problemy lingvistiki i perevoda v sovremennom mire. Dushanbe, 2019. S. 77–82.
7. Karasik V.I. Lingvokul'turnye koncepty: podhody k izucheniyu // Sociolingvistika vchera i segodnya. 2004. № 2. S. 130–159.
8. Karasik V.I. Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs. Volgograd, 2002.
9. Karasik V.I., Dmitrieva O.A. Lingvokul'turnyj tipazh: k opredeleniyu ponyatiya // Aksiologicheskaya lingvistika: lingvokul'turnye tipazhi: sb. nauchnyh trudov / pod red. V.I. Karasika. Volgograd, 2005. S. 5–25.
10. Krasavskij N.A. Perspektivy razvitiya lingvokonceptologii // Gumanitarnye i social'nye nauki. 2014. № 2. S. 584–587.
11. Murzinova I.A. Kriterii klassifikacii lingvokul'turnyh tipazhej // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2021. № 6(159). S. 114–117.
12. Nikishina I.Yu. Ponyatie «koncept» v kognitivnoj lingvistike // Yazyk. Soznanie. Kommunikaciya: Sb. statej / Otv. red. V.V. Krasnyh, I.A. Izotov. M., 2002. Vyp. 21. S. 5–7.
13. Ozhegov S.I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. M., 2008.
14. Pimenova M.V., Ajdarbekova A.S., Ibraimova G.O. Simvolicheskaya kognitivnaya model' «dusha – babochka» i ee varianty v russkoj lingvokul'ture // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2023. № 3(03). S. 39–44.
15. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: V 4 t. / Pod red. D.N. Ushakova. M., 2000.

Linguocultural concept “murder” in the Russian and English world pictures: conceptual aspect

The article deals with the linguocultural concept “murder” from the perspective of the conceptual component in the Russian and English linguocultures. The study is directed to revealing the linguistic peculiarities of this concept. Its results will allow us to comprehend the role of this concept for the development of the cultural values and the behavioral norm.

Key words: *linguistic and cultural studies, linguistic conceptology, linguistic personology, linguistics culture, concept.*

(Статья поступила в редакцию 30.01.2024)

ОБРАЗНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «ДЕРВИШ» В АРАБСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Рассмотрены образно-перцептивные характеристики лингвокультурного типажа «дервиш». Установлена специфика представления типажа в языковом сознании носителей русской и арабской лингвокультур. Выявлены его важнейшие ассоциативные признаки. Выведено, что типаж «дервиш» предстает в русском сознании как инокультурный, экзотический и более абстрактный концепт, тогда как в сознании современных арабов воспринимается как реальная и близкая к естественной жизни личность с противоречивыми признаками.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, концепт, дервиш, суфий, межкультурная коммуникация, языковая личность, образные характеристики, арабское и русское сознание.

Концепт в лингвокультурологических исследованиях рассматривается как одно из ключевых понятий, характеризующих взаимосвязь и проявление культуры в языке, и определяется как «значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта», хранящиеся в памяти человека [11, с. 59] и имеющие «языковое выражение, отмеченное этнокультурной спецификой» [6, с. 51–52]. В отличие от словарного «понятия», раскрывающего основные признаки предмета, концепт представляет собой мыслительную «единицу коллективного знания», в которой выделяется именно человеческий фактор, т. е. в концепте отражается менталитет «языковой личности» носителя той или иной этнической культуры. В этом направлении В.И. Карасик предлагает сравнительно новую теорию «лингвокультурных типажей», которая открывает новый ракурс в исследовании концепта и языковой личности. Лингвокультурный типаж, по мнению ученого, представляет собой «разновидность концепта, содержанием которого является типизируемая личность, обобщенный образ представителя определенной социальной группы в рамках конкретной культуры» [14, с. 77], заключающий в себя специфические характеристики вербального и невербального поведения и ценностные ориентации [12, с. 309]. В структуре лингвокультурного типажа выделяется три компонента: «образно-перцептивная, понятийная и ценностная стороны» [11, с. 71], через раскрытие которых достигается конкретизация того или иного концепта в определенной этнической культуре. Лингвокультурные типажы уточняются по двум взаимодополнительным признакам: яркости и оценочному компоненту. Типаж может быть: 1) ярким; 2) неярким; 3) положительным и 4) отрицательным [13, с. 9]. Типаж может быть реально существующей личностью или вымышленным, фикциональным персонажем, реальные же типажы, по В.И. Карасику, – историческими и современными [Там же, с. 17].

Наше исследование имеет своей целью описать образно-перцептивные характеристики лингвокультурного типажа «дервиш» в русской и арабской лингвокультурах, выявить ассоциативные признаки данного концепта и дать общее культурное представление о его типизируемости в русском и арабском сознании.

Актуальность работы обусловлена тем, что изучение и описание образной структуры концепта «дервиш» способствует пониманию культурных представлений о данном типаже в русском и арабском лингвокультурных сообществах. Типаж «дервиш» еще не рассматривался в лингвистической литературе. Это первая работа, посвященная раскрытию образно-перцептивных признаков данного концепта и его конкретизации в сознании современных представителей русской и арабской лингвокультур.

В качестве материала использовались текстовые фрагменты из арабской и русской художественной литературы, публицистики, цитаты из исторических очерков, записок путешественников, кинофильмов и интернет-ресурсов, анализ которых позволил раскрыть переносные значения и образно-ассоциативные признаки исследуемого лингвокультурного типажа. Всего проанализировано 316 контекстов. Из них на арабском языке – 184, на русском – 132.

Дервиш – удивительный концепт восточной культуры, давно интересующий исследователей, поэтов и путешественников своей экзотикой, мистическими практиками и поэтическим богослужением. Он определяется как «странствующий отшельник, последователь суфийского учения» [19, с. 280], «аскет-мистик, не имеющий личной собственности» [3, с. 346]. Дервиш связан с такими характерными чертами, как бродяжничество и странничество, и вместе с тем сила чувств и умение погружаться в мистическое состояние [15, с. 32–34]. Дервиши принадлежат к разным сектам, таким как «Рифаия», «Кадирия», «Мевлеви», «Каландрия», «Джелвети», которые различаются по своим формам религиозного радения, а наиболее известный среди них – орден «Мевлеви» или так называемые «вращающиеся дервиши», практикующие танцы кружения и сильное пение как форму достижения душевного экстаза [16, с. 742].

Образно-перцептивные характеристики концепта «дервиш» включают в себя устойчивые ментальные представления и раскрываются суммой таких признаков, как пол и возраст типажа, его внешность, окружение, местожительство, семейное положение, виды деятельности, своеобразное поведение и другие параметры, которые составляют «паспорт лингвокультурного типажа», предлагаемый О.А. Дмитриевой [8].

По своей гендерной и возрастной принадлежности дервиш – всегда мужского пола, преимущественно взрослый человек, средних лет или старый, а по национальности – может быть турком, албанцем, татаринном, персом, арабом или любым представителем мусульманской культуры. Ср. иллюстрации: «Он наткнулся на дервиша в преклонном возрасте, скорчившегося на земле перед входом в Теккие и не похожего на многих дервишей, одетого в чистую белую галабею и с длинными четками из янтаря» (Рим Абу Ид. Стэнли, 2020)*; «Спросите муфтия, факиров иль иманов, || Хоть дервишей седых: они то ж скажут вам» (А.П. Беницкий. Вдова, 1805); «Я буду лысый, с длинной ухоженной бородкой – как дервиш» (А. Кадырова. Премьера «Мой Нуриев» в Казани: «Очень лихо, очень круто...» // Вечерняя Казань. 2015).

Внешний вид странствующего дервиша характеризует его принадлежность к нижнесреднему и низшему слоям общества. Ордена дервишей часто различались формой одежды, а иногда и цветом знамен. Облик странствующего дервиша отчетливо вырисован в мусульманской картине мира, а также в русской поэзии и записках путешественников. Это обычно старик с седой бородой в скромной, иногда потрепанной, шерстяной одежде с палкой и четками в руках, а иногда с вещевым мешком на веревке: «У дверей толпились нищие дервиши в потрепанной одежде с ожерельями из цветных бусин на шее, а некоторые были одеты в грязную обычную одежду. Я долго смотрел на их иссохшие лица и слышал, как их языки повторяют похожие молебны» (А.А. Хассан. Средства к существованию, 2015); «Его называли дервишем, и слово дервиш обычно дается жителями Неджда тем, кто был в такой потрепанной одежде, как этот человек <...> без работы, интроверт, никого не знает и ни с кем не знаком» [1, с. 74].

Описание внешности дервиша-аскета в русской художественной и публицистической литературе дается в следующих примерах: «Дервиш отбросил четки, || Премрачный вид на радость обменял» (А.С. Грибоедов. Кальянчи, 1822); «Выходя из... палатки, увидел я молодого человека, полунагого, в бараньей шапке, с дубиною в руке и с ме-

* Здесь и далее перевод на русский язык контекстуальных отрывков сделан автором статьи. – М.М.

хом (оште) за плечами. Он кричал во все горло. Мне сказали, что это был брат мой, дервиш, пришедший приветствовать победителей» (А.С. Пушкин. Путешествие в Арзрум, 1829); «Какой-то старик-дервиш, оборванный и худой, как скелет, с гнойными помешанными глазами, встречаюсь с Спиридовым, <...> бросился к нему и изо всей силы ударил его по голове своей толстой, скрученной из виноградных лоз палкой» (Ф.Ф. Тютчев. На скалах и долинах Дагестана, 1903). В романе «Погоня за наживой» Н. Каразин как инокультурный зритель реалистично описывает одежду путешествующих дервишей Центральной Азии: «Эти халаты пестрели самыми разнообразными цветами; казалось, они были сшиты из всевозможных образчиков материй, так они были покрыты заплатами. У каждого через плечо висела холщовая сума на веревке» [10, с. 198]; «Как нас в мире сейчас воспринимают? Как дервиша – нищей, ободранной, но мудрой. А больше никак» (www.forum.ru, 15.11.2001)*.

Что касается последователей секты Мевлеви и других «кружащихся дервишей», то их традиционная одежда во время коллективного радения состоит из высокого шерстяного колпака или зеленого тюрбана, белого одеяла (рубahi без рукавов), широкого пояса и черной накидки, которая сбрасывается во время танца. Ср.: «Он увидел их своими глазами – группу дервишей, одетых в одеяла и зеленые тюрбаны, в то время как их тела настолько белые, что глазам было больно на них смотреть, и каждый из них держал бубен в руках» (А. Махджуб. Игрок тени, 2021); «Высокие колпаки, длинные седые бороды и разноцветная одежда самого фантастического покроя придавали им невыразимую таинственность» [4, с. 234]; «И вдруг загорается луч прожектора, первый дервиш в черной длинной накидке из суфы (грубого шерстяного сукна) и высокой шапке, кланяясь публике, торжественно занимает свое место» (Н. Сависько. Незнакомая Турция // Известия. 11.02.2014).

Такие качества, как аскетизм и юродство, сближают дервишей с монахами в христианском учении, однако, в отличие от монахов, дервиши могут жениться и иметь детей, жить в обществе с другими людьми и в собственных домах. Ср.: «Как-то к нам вышла жена дервиша – ее внешность внушает особую печаль – и сказала: “Бубны есть, знамена и флажки тоже есть, только скажите, кто поруководит радением?”» (А. Кафури. Трещины души, 2002); «Сегодня утром жена дервиша вместе с его четырьмя детьми пришла к Хуриид-паше и подала ему петицию, в которой объяснила ситуацию и заявила, что ей и ее детям нечего было ужинать в тот вечер» [2, с. 311]; «Я хочу представить семью дервиша. Зельха будет дочь и будет сидеть у ног старого Сулеймана и работать что-нибудь... А Одиссей, в этой турецкой одежде, будет подавать ему наргиле; он будет сын» (К. Леонтьев. Одиссей Полихрониадес: воспоминания загорского грека, 1890).

Если монахи живут в постоянной обители – христианском монастыре, то для странствующих дервишей во многих мусульманских поселениях имелись временные местожительства для отдыха и общения, так называемые «теккие» (ханка, завия). Большую часть жизни дервиши обычно проводили в путешествиях, ели и спали где попало**. В исторических источниках отмечается следующее: «Теккие обычно строились около могилы шейха, основателя тариката. В состав Теккие обычно входят саламлек (мужской угол), харемлек (угол для женских гостей), кухня, спальные помещения дервишей, келья шейха, а также скит (для уединения) и мавзолей» [19, с. 31]. Внутреннее деление «теккие» тщательно описывает русский путешественник К.М. Базили: «Внутренность теккие чрезвычайно проста <...> несколько деревянных колонн и ряд перил отделяют зрителей от места, где совершается обряд. Зеленая подушка для настоятеля ордена и не-

* Место России в мире [Электронный ресурс] // База данных ФОМ. URL: https://bd.fom.ru/report/cat/inter_pol/mesto_v_mire/dd014334 (дата обращения: 14.12.2022).

** Дервиши. Кто они такие и чем отличаются от монахов? [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/XGZMDzH-OACuhG1w> (дата обращения: 14.12.2022).

сколько циновок для братьи... Средине залы, назначенная для кружения, полирована как стекло» [4, с. 233–234]. «Теккие» также служили учебно-воспитательным учреждением для мюридов и временным приютом для прохожих и путешественников [7, с. 288].

Не менее интересным среди образных характеристик рассматриваемого типажа нам кажется признак «окружение». Дервиши составляли «особую касту, объединяясь в общины или ордена во главе со старшиной (пиром или шейхом)» [17, с. 170]. Для странствующего дервиша, отшельника, ведущего бродячий образ жизни, окружение является менее релевантным признаком – это обычно была группа странствующих дервишей, паломников или даже случайных попутчиков. Ср. пример: *«Он перребрался в Тегеран и оттуда намеревался отправиться в путешествие по Средней Азии вместе со странствующими дервишами <...> В Хиве хромой дервиш и его попутчики прожили месяц. За дни странствий Вамбери подружился с хаджи Билалом и хаджи Сали, побывавшими в Мекке и Медине»* (Л. Чигрин. Хромой дервиш, 2013). Однако для дервишей, присутствующих на коллективных сеансах зикра (богопоминание), окружение определяется иерархией ордена, к которому дервиш принадлежит. Большинство таких братств, как Мевлеви, Джелвети и Накшабендия и др., построены по принципу *учитель* (наставник, шейх) и его *ученики* (мюриды, послушники). К ним непосредственно примыкают люди разных классов: ремесленники, торговцы, чиновники и т. д., которые жили в своих домах, а в обители собирались на коллективном радении, участвовали в общих трапезах и присутствовали на религиозных празднествах [9, с. 56]. А иногда к радениям присоединялись сами зрители – простой народ, допускающийся в *Теккие* смотреть, как совершается обряд. Ср.: *«Шейх тариаката вместе с дервишами организуют сеансы Зикра в теккие, а зрителей принимают в определенные особые дни, такие как ночь предопределения, день рождения Пророка и др.»* [19, с. 31]. Шейх – это блюститель порядка и устава в обители. Он руководит деятельностью мюридов и дервишей, контролирует обряд радения: *«Настоятель, сухой старик скелетного цвета, в зеленой мантии и с зеленым тюрбаном на огромном дервишеском колпаке сидел на подушке в восточной стороне залы, обращая к зрителям, и неподвижно, как истукан <...> Во все продолжение пляски начальник их теккие ходил между ними по всем направлениям мерными, почти незаметными шагами»* [4, с. 237].

Для коммуникативного поведения рассматриваемого концепта типично следование ряду этических и религиозных норм. Дервиш – молчаливый и лаконичный человек, говорит непрямолинейно, а его изречения нередко носят философский характер и нравоучительный оттенок: *«Шейх Саид с удивлением молча смотрел на блестящие, как утренняя роса на травах, капли воды, прилипшие к полукруглой бороде дервиша. Дервиш ладонью удалил капли воды, стряхнул свою бороду, вытер ладонь рукавом своей рубахи и сказал: “Чтобы овладеть чтением воды, ты должен испытывать жажду, сын мой”»* (Жан Дуст. Три шага к виселице, 2017); *«Дервиш улыбнулся ему и, немного промолчав, сказал: “Ты услышь голос Божий, а меня вознаградит один лишь Аллах”»* (Илхами Имара. Каждому своя обитель, 2002). Ср. также текстовые примеры из русской художественной литературы: *«– Нет, не читал мудреной этой книги, || Аллах не научил меня читать. || – Полжизни потерял ты, неуч дикий, || Не осознал Корана благодать! || Полжизни ты утратил сумасбродно! – || Вел дервиш поучительную речь»* (Н.И. Глазков. Дервиш и моряк); *«Прошел дервиш. Резким гортанным голосом он выводил не то пророчества, не то невероятной замысловатости проклятия»* (С.Ф. Буданцев. Лунный месяц Рамазан, 1924–1925).

Деятельность дервиша определяется глаголом *дервишествовать* – ‘вести себя как дервиш’, – под которым подразумевается совокупность социальных действий дервиша, его отношение к окружающему миру и к самому себе. Одним дервишам характерно исполнять танец кружения, продолжать пляски и хоровое пение под руковод-

ством наставника (Мевлеви), другим – путешествовать и вести религиозное радение со знаменами и бубнами в руках (Рифаия и Каландрия), а третьим – проводить коллективные сеансы зикра, где мюриды располагаются вокруг своего шейха, читают разные молитвы, раскачивая тело вправо-влево (Кадирия, Накшабандия, Джелвети): *«Дервиши в тюрбанах вставали в два противоположных ряда на твердых ногах, начинали подпевать в такт музыке, раскачиваться из стороны в сторону и наклонялись так резко, что тюрбаны в обоих рядах почти соприкасались»* [5, с. 29]. Ритуальное пение и духовную медитацию дервишей секты Джелвети И.А. Бунин описывает в стихотворении «Тэмджид»: *«На середине между ранним утром || И вечерним сумраком встают || Дервиши Джелвети и на башне || Древний гимн, святой Тэмджид поют»* (И.А. Бунин. Тэмджид, 1905).

Радение дервишей и процессию со знаменами иллюстрируют следующие примеры: *«Немного позже раздался гул и щебетание, указывающие на приближение процессии дервишей. Не прошло и несколько минут, как мы увидели ряд зеленых и красных знамен, украшенных стихами из Корана, устремленных вперед»* [5, с. 47]; *«Распевая молитвы и неся зелено-красные знамена, дервиши окружали гробницы. Сотнями умудрялись уместиться перед ракой шейха, плотной толпой совершая зикр как единый живой организм»* (Путь к суфиям // Русский мир. 01.06.2012).

Скитающиеся дервиши, находящиеся в постоянном странствии, живут подаянием, а нередко ведут юродивый образ жизни: *«Она столкнулась со старым дервишем в потрепанной грязной одежде <...> живет он среди толпы и годами бродит по провинциям вслед за радениями <...> Его разум давно отправился в духовное путешествие, оставив позади тело, которое движется по тем местам, где ведутся религиозные праздники»* (Э. Фаррадж. Чудотворная, 2020); *«Блуждают по Стамбулу среди непознаваемой толпы населения, одетого им в однообразное платье, и по-прежнему соблюдают полужыческие обряды своего ордена»* [4, с. 230]. Бродя по деревням, члены секты Рифаия демонстрируют свои сверхспособности, за вознаграждение показывают фокусы и выводят змей из домов: *«У нас в доме, – сказал Самех, – была змея, ела птенцов голубей и крольчат. Мы вызвали одного нашего соседа, рифаита, который властвует над змеями и скорпионами, читает над укусом, чтобы человеку яд не повредил. Я своими глазами видел, как он входил в дома, владельцы которых жалуются на присутствие змей, а через пару часов выходил со змеей в руке»* (Хаям А. Салех. Дни на озере, 2013); *«Если они правда дервиши, пускай докажут. Дервиши люди необыкновенные, умеют петь, всякие штуки делать, даже огонь глотают»* (х/ф «Не бойся, я с тобой!», 1981); *«Знаменитый русский маг Гурджиев еще в молодости, желая набраться мудрости, посетил дервиша, который был известен своими сверхъестественными способностями»* (Несколько слов о хлебе насущном // Труд. 01.04.2006).

Описание периферийных признаков рассматриваемого концепта предполагает обратиться к контекстам употребления словоформ типа «дервиш», «дервишество», «дервишествовать» и др. Дервишество может характеризовать поведение тех, кто подражает дервишескому танцу или пению. Ср.: *«Говорили, что самый бледный в группе мальчик покинул ее, что он немного дервишествовал: решил временно специализироваться на исполнении религиозной музыки»* (Ч. Акл. Красный апельсин, 2020); *«Хусна свернулась калачиком на своем месте и сопротивлялась умоляющим глазам женщин, которые настойчиво попросили ее потанцевать и дервишествовать»* (Л. Аль-Атраш. И солнце с запада восходит, 2008).

С концептом «дервиш» ассоциируется разного рода фанатизм – религиозный, идеологический и политический. Ср. *«Только с того дня она больше не вернулась на работу, так как ее муж внезапно "дервишествовал": вернувшись домой из поездки из региона Залива, где совершал Умра [посещение Мекки], он отрастил бороду, попросил свою жену надеть паранджу, бросить работу и сидеть дома»* (М.Х. Гханем. Похити-

тель душ, 2014); «Они могут сделать как в Пакистане: проамериканский Мушарраф сверху – и десятки миллионов оборванных дервишей, которые его не любят, снизу» (Дон Румата обречен ... // Коммерсантъ, 09.04.2003).

Дервишеством характеризуются те, кто вслепую следует за какими-либо лидерами, предан каким-либо ценностям или идеям. Ср.: «Нация переживает состояние всеобъемлющего “дервишества” – дервишества во имя демократии, забывая, что демократия без учета социального измерения – это всего лишь бессмысленная риторика» (М.Х. Хайкал. Беседы во время грозы, 1987); «Некоторые скажут, что это дервиши Насера. Нет, Это вовсе не дервишество Насера, <...> а дервишество ценностям искренней любви к Родине и народу, истины, честности и упорного труда» (Т. Эльхаис. И море отплыло, 2021).

С дервишем ассоциативно связаны и те, кто уходят в состояние добровольного, пассивного юродства или впадают в состояние неистовства, беспамятства, поведение которых понимается как эффект временного или непредвиденного события, неожиданное стечение обстоятельств. Ср. примеры: «Доктор Ибрагим Акл ушел в состояние полного дервишества, и я сам коснулся этого во время мимолетной встречи с ним <...> Его дервишество – это знак протеста против холеры, унесшей жизни двух его сыновей» (Н. Махфуз. Зеркала, 1972); «Хадж Хамед собрал своих юных родственников, вместе избили Хаджа Султана и отняли у него титул старосты. Якобы он [Хадж Хамед] дервишествовал, а снова вернулся к рассудку, поэтому хотел вернуть себе и должность старосты» (М. Аль-Гул. Рабы, 2016).

С образом «дервиш» ассоциируются иступленные, сошедшие с ума или неадекватно себя ведущие люди. Ср. примеры: «Он был не в состоянии избавиться от навязчивых идей, которые доминировали над всем его мышлением <...> Бормоча что-то себе под нос, он оглянулся – боялся, что его услышит племянник и подумает, что дядя сошел с ума или в лучшем случае дервишествовал» (М. Саади. Протоколы охлаждения льда, 2019); «Наверное, скажет, что он дервишествовал, иступился и бродит голым по улицам! Я бы не удивился <...> Он скажет, что совсем сошел с ума и вообразил себя большим шейхом с последователями и учениками, что он стал пророком и получает благую весть» (С. Меккави. Лебединый твит, 2014); «Как дервиш иступленный, возмнивший || Небесное с земным соединить» (И.Н. Голенищев-Кутузов. После грозы в Дубровнике, 1928).

Итак, в лингвистической литературе, словарных статьях, художественных произведениях и публицистике выделены важнейшие перцептивно-образные и ассоциативные признаки рассматриваемого типажа, такие как возраст и пол, внешность и одежда, семейное положение, местожительство и окружение, коммуникативное поведение и виды деятельности. Перечисленные признаки подтверждены анализом контекстуального описания концепта «дервиш» и уточняют типичность данной личности в русской и арабской лингвокультурах.

Подведем основные итоги.

Анализ языкового материала позволил подтвердить сумму перцептивно-образных признаков рассматриваемого концепта и уточнить типичность его свойств в русской и арабской культурах: 1) дервиш – всегда мужчина среднего или пожилого возраста со скромной внешностью; 2) виды одежды дервишей различаются в зависимости от ордена, к которому они относятся: странствующие аскеты носят потрепанную шерстяную одежду, а дервиши, практикующие радение в обителях, – чистую разноцветную одежду, высокие колпаки, зеленые тюрбаны и белые мантии; некоторые ордены не отличаются особой одеждой; 3) речевое поведение дервиша характеризуется лаконичностью и иносказательностью, а зачастую носит нравоучительный оттенок; 4) основные виды деятельности дервиша: вести бродячий образ жизни, присутствовать на сеансах коллективного зикра или исполнять танец кружения; 5) по признакам «семейное положение» и

«местожительство» дервиш может жениться, иметь детей и собственный дом, а в «теккие» живет только во время путешествия или общего обряда радения.

В дополнение к основным признакам анализ текстовых иллюстраций позволил раскрыть и визуальный образ, ассоциируемый с личностью дервиша в объективной действительности, и отразить стереотипы и образцы поведения дервиша, имеющиеся в сознании современных представителей лингвокультуры: актуализируются признаки негативного фанатизма, исступления, неадекватного поведения и др.

На основе собранного и проанализированного материала делается вывод о том, что лингвокультурный типаж «дервиш» в русском сознании предстает как инокультурный концепт восточной культуры, зарисованный в основном в русской классической литературе как экзотический и абстрактный типаж, тогда как в сознании представителей арабского лингвокультурного сообщества дервиш воспринимается как реальный, более узнаваемый и близкий к естественной жизни человек с противоречивыми особенностями.

За последние десятилетия самым массовым и узнаваемым в русской лингвокультуре стал «Мевлеви» – орден «кружащихся дервишей», а это объясняется тем, что их изначально религиозная практика превратилась в фольклорное музыкально-художественное представление.

Список литературы

1. Аль-Иси М. Дирийский эмират: первая база саудовского государства. Эр-Риад, 1995.
2. Аль-Халаби М. Извещение знати об истории г. Алеппо. Алеппо, 1988. Ч. III.
3. Арапов Д.Ю. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). М., 2001.
4. Базили К.М. Очерки Константинополя. СПб., 1835. Ч. 2.
5. Батлер А.Г. Жизнь в королевском дворе Египта (в переводе с англ.). Каир, 2013.
6. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М., 2004.
7. Гибб Г.А., Боуэн Г. Исламское общество и Запад: исследование влияния западной цивилизации на мусульманскую культуру на Ближнем Востоке. Исламское общество в XIII в. (в переводе с англ.). Абу Даби, 2012. Ч. II.
8. Дмитриева О.А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX века. Волгоград, 2007.
9. Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991.
10. Каразин Н. Н. Погоня за наживой: Роман, повести, рассказы / сост. А.А. Мачерет. СПб., 1993.
11. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. М., 2004.
12. Карасик В.И. Языковые ключи: монография. Волгоград, 2007.
13. Карасик В.И., Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: Сб. научных трудов. Волгоград, 2005. С. 5–25.
14. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. научных трудов. Воронеж, 2001. С. 75–80.
15. Матенова Ю.У., Шафранская Э.Ф. Современная франкоязычная литература. Межкультурное взаимодействие: учебник и практикум для вузов. М., 2023.
16. Омар А.М. Словарь современного арабского языка в 4-х т. Каир, 2008. Т. I.
17. Скворцов Л.И. Большой толковый словарь правильной русской речи. Более 8 000 слов и выражений. М., 2022.
18. Словарь «Муджам аль-Васит», изданный Центром арабского языка. Каир, 2004.
19. Хемдан М. Теккие и Завия в Турции. Каир, 2012.

* * *

1. Al'-Isi M. Dirijskij emirat: pervaya baza saudovskogo gosudarstva. Er-Riad, 1995.
2. Al'-Halabi M. Izveshchenie znati ob istorii g. Aleppo. Aleppo, 1988. Ch. III.

3. Arapov D.Yu. Islam v Rossijskoj imperii (zakonodatel'nye akty, opisaniya, statistika). M., 2001.
4. Bazili K.M. Ocherki Konstantinopolya. SPb., 1835. Ch. 2.
5. Batler A.G. Zhizn' v korolevskom dvore Egipta (v perevode s angl.). Kair, 2013.
6. Vorkachev S.G. Schast'e kak lingvokul'turnyj koncept. M., 2004.
7. Gibb G.A., Bouen G. Islamskoe obshchestvo i Zapad: issledovanie vliyaniya zapadnoj civilizacii na musul'manskuyu kul'turu na Blizhnem Vostoke. Islamskoe obshchestvo v XIII v. (v perevode s angl.). Abu Dabi, 2012. Ch. II.
8. Dmitrieva O.A. Lingvokul'turnye tipazhi Rossii i Francii XIX veka. Volgograd, 2007.
9. Islam: Enciklopedicheskij slovar'. M., 1991.
10. Karazin N. N. Pogonya za nazhivoj: Roman, povesti, rasskazy / sost. A.A. Macheret. SPb., 1993.
11. Karasik V.I. Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs: monografiya. M., 2004.
12. Karasik V.I. Yazykovye klyuchi: monografiya. Volgograd, 2007.
13. Karasik V.I., Dmitrieva O.A. Lingvokul'turnyj tipazh: k opredeleniyu ponyatiya // Aksiologicheskaya lingvistika: Sb. nauchnyh trudov. Volgograd, 2005. S. 5–25.
14. Karasik V.I., Slyshkin G.G. Lingvokul'turnyj koncept kak edinica issledovaniya // Metodologicheskie problemy kognitivnoj lingvistiki: sb. nauchnyh trudov. Voronezh, 2001. S. 75–80.
15. Matenova Yu.U., Shafranskaya E.F. Sovremennaya frankoyazychnaya literatura. Mezhekul'turnoe vzaimodejstvie: uchebnik i praktikum dlya vuzov. M., 2023.
16. Omar A.M. Slovar' sovremennogo arabskogo yazyka v 4-h t. Kair, 2008. T. I.
17. Skvorcov L.I. Bol'shoj tolkovyj slovar' pravil'noj russkoj rechi. Bolee 8 000 slov i vyrazhenij. M., 2022.
18. Slovar' «Mudzhama al'-Vasit», izdannyy Centrom arabskogo yazyka. Kair, 2004.
19. Hemdan M. Tekkie i Zaviya v Turcii. Kair, 2012.

The figurative characteristics of the linguocultural personality type “dervish” in the Arabic and Russian consciousness

The article deals with the figurative and perceptive characteristics of the linguocultural personality type “dervish”. There is established the specifics of the personality type’s representation in the linguistic consciousness of the representatives of the Russian and Arabic linguocultures. There are revealed its important associative criteria. It is introduced that the type “dervish” is presented in the Russian consciousness as a foreign cultural, exotic and more abstract concept, when in the consciousness of the modern Arabs it is perceived as a real and close to the natural life personality with the contradictory features.

Key words: *linguocultural personality type, concept, dervish, Sufi, intercultural communication, linguistic personality, figurative characteristics, Russian and Arabic consciousness.*

(Статья поступила в редакцию 26.12.2023)

**МЕХАНИЗМЫ БЕСКОНФИКТНОГО ОБЩЕНИЯ В РОССИИ
И ИСПАНОЯЗЫЧНЫХ СТРАНАХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ***

Цель статьи – сопоставить особенности вежливого общения на материале русской и испаноязычных лингвокультур, уделив особое внимание политической корректности. Показано, что в целом механизмы бесконфликтной коммуникации в России и испаноязычных странах сходны. Существенное влияние на средства выражения вежливости в обоих языках оказывает грамматический строй, в особенности наличие грамматических средств выражения гендера.

Ключевые слова: вежливость, политическая корректность, позитивная коммуникация, русский язык, испанский язык.

Языковые механизмы вежливости и бесконфликтного общения достаточно широко исследованы на материале английского и русского языков. Другие языки и культуры также попадают в сферу внимания ученых (см., например, специальные выпуски журнала *Russian Journal of Linguistics*, 2014, № 4; 2019, № 4, посвященные вежливости), однако они изучены в значительно меньшей степени. Цель настоящей статьи – сопоставить особенности вежливого общения на материале русской и испаноязычных лингвокультур, уделив особое внимание языковым проявлениям политической корректности (ПК).

Поскольку конфликт является неотъемлемой частью человеческого взаимодействия, бесконфликтное общение в его абсолютной форме маловероятно. Тем не менее проблемы избегания конфликтов и осуществления позитивной коммуникации занимают многих исследователей [6; 10; 11; 13; 18; 19; 21]. Мы относим к отличительным характеристикам позитивной коммуникации ее конструктивность, окрашенность положительными эмоциями и эффективность. Конститутивные признаки позитивной коммуникации включают коммуникативную инициативу, вовлеченность в общение, адаптацию к собеседнику, социальную поддержку и конгруэнтность [10].

Избегание конфликтов предполагает использование вежливого, этичного общения и ликосберегающих стратегий. Вежливость выступает как социальный регулятив коммуникации; при этом правила «этического кодекса», в частности, выражаются в форме речевого этикета, незнание которого «традиционно оценивается как невоспитанность и создает помехи в общении», усложняя решение коммуникативных задач [2, с. 3].

Среди прочего ученые обращают внимание на понятия «оскорбления» и «обиды», трактуемые как с морально-этической, так и юридической точек зрения [15, с. 55]. На ход коммуникации также влияют особенности национального характера, например, открытость русских и их склонность высказывать категоричные точки зрения [3, с. 175]; эмоциональность испаноязычных народов и их активность в общении, временами приобретающая форму фамильярности [16].

Политическая корректность выступает как одна из форм вежливости, проявляющаяся в интеракции представителей различных социальных групп. Отношение к этому явлению в обществе противоречиво: с одной стороны, цель ПК вполне благородна – защитить людей от вербальной и невербальной агрессии по таким параметрам их идентичности, как раса, этнос, гендер, физическое состояние и т. д.; с другой стороны, в ее про-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00238, <https://rscf.ru/project/23-18-00238/>.

The reported study was funded by RSF, Project 23-18-00238, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00238/>.

явлениях наблюдаются многочисленные перегибы, доходящие до абсурда [7]. Из-за последних противники ПК как в России, так и за рубежом нередко относятся к ней иронически и даже саркастически. В настоящее время, в особенности с 2020 г., когда поднялась волна движения “*Black Lives Matter*” (BLM), ПК пережила свое возрождение, правда уже в новом облике – под названиями *inclusive language*, *affirmative action*, *woke culture* и т. д. Поскольку обозначаемые ими процессы в значительной степени ассоциируются с американскими политическими взглядами и партийной борьбой, в российском публичном и научном дискурсах распространено довольно ограниченное понимание ПК как абсурдных действий, проявляющихся в коммуникации на вербальном и невербальном уровнях, а сам термин обладает негативной коннотацией. В связи с этим для обозначения рассматриваемого явления был бы предпочтителен иной термин; однако за неимением такового и из-за нашей неготовности предложить замену будем использовать в своем исследовании понятие «политическая корректность».

Хотя концептуализация ПК и смежных явлений, таких как толерантность и сенситивность, берут начало в англоязычных государствах, вербальная агрессия по разнообразным социальным параметрам наблюдается в различных странах, и способы ее элиминации заслуживают внимания, особенно применительно к конкретным лингвокультурам. Отметим, что ПК – это больше, чем просто языковое явление, отношение к ней и, соответственно, выбираемые индивидуумом речевые стратегии могут отражать его идеологические пристрастия, партийную принадлежность и потенциальное коммуникативное поведение в конфликтных ситуациях.

В России недопустимость дискриминации закреплена в Конституции РФ. Кроме того, закон «О государственном языке Российской Федерации» от 01.06.2005 и его новая редакция, опубликованная 28 февраля 2023 г., запрещают употребление нецензурных слов, сквернословие и оскорбления с помощью языка. Однако реализация заложенных в этих документах принципов относительно ПК осложняется ее осмыслением через призму англоязычных терминов, несформированностью этого понятия применительно к российскому социальному контексту, отсутствием соответствующей лингвистической базы, правовых механизмов и неразработанностью международных норм политически корректного общения [7].

Испанская конституция 1978 г., как и российская, провозглашает права человека. Кроме того, в 2007 г. был принят Закон о равноправии между мужчинами и женщинами, направленный на борьбу с различными формами дискриминации и устранение социальных стереотипов. Однако претворение соответствующих принципов в языковой сфере, так же как в России, столкнулось с рядом сложностей.

Одной из самых проблемных сфер стали языковые проявления **гендерного (не)равенства**. Если в английском языке, где грамматические средства выражения категории рода минимальны, эта проблема решается достаточно легко, то в русском и испанском она осложняется наличием грамматического рода у существительных, прилагательных, причастий, местоимений.

Некоторые исследователи на основе практических данных утверждают, что в лингвокультурах, где существует грамматический род, уровень гендерного неравенства и употребления оскорбительного языка по отношению к гендеру выше по сравнению с культурами, где грамматический род отсутствует [17; 20]. Думается, что для подтверждения либо опровержения данной точки зрения нужны дальнейшие, более обширные исследования с хорошо разработанной методологической базой.

В испанском языке окончания *-o* и *-a* ассоциируются с мужским или женским родом. Однако окончание *-o* может использоваться и с женским родом: *la radio*, *la moto*, *la mano*, в то время как *-a* – с мужским: *el día*, *el cometa*, *el atleta* и т. д. На род также указывает артикль (*el*, *la*). В испанском языке, как и в русском, мужской род не маркирован, т. е. может включать как мужчин, так и женщин (например, рус. *школьные учителя*).

ля; квалифицированные врачи; исп. *los estudiantes universitarios*), а женский маркирован, т. е. относится только к женщинам (рус. *известные спортсменки*; исп. *las estudiantes universitarias*).

В современной России стремление к гендерному равенству проявляется в виде широко обсуждаемой (и многими осуждаемой) попытки внедрить феминитивы: *редакторка, блогерка, юристка, судейка* и т. д. Например, в недавней рекламе Школы заботливого английского нам встретился такой пассаж: «Мы создаем безопасное и инклюзивное пространство для студенток <...>. Про **преподок** (-ов) тоже не забываем: для нас важно ментальное и физическое здоровье **тичерок**. <...> В нашей команде собрались **тичерки** со всего мира <...>» (Выделено мной. – О.Л.). Если одни считают, что употребление феминитивов делает вклад в борьбу за права женщин и к ним просто надо привыкнуть, другие полагают, что они умаляют профессиональные качества («Я хочу быть врачом, а не врачихой»).

В испанском языке также появляются новые феминитивы. Например, Бибиана Аидо в свою бытность главой Министерства равенства (*ministra de Igualdad del Gobierno de España*) публично назвала себя *miembra* (вместо *miembro*) del Gobierno, что вызвало дискуссии относительно правильности употребления этого слова в женском роде. Термин в таком виде не прижился, но с 2005 г. Королевская академия испанского языка допускает употребление слова *miembro* с артиклями мужского и женского рода (*los miembros, las miembros*) [14]. Ряд общественных организаций, в особенности по инициативе вышеупомянутой Бибианы Аидо, создали руководства по употреблению «несексистского языка», которые включают следующие рекомендации:

1) избегать употребления общего мужского рода (*los alumnos, los candidatos, los investigadores, los profesores*) по отношению к группам людей, включающим как мужчин, так и женщин; отдавать предпочтение сочетанию существительных в мужском и женском роде: *los profesores y las profesoras, los investigadores e investigadoras*;

2) для преодоления дискриминации по гендерному признаку использовать:

- феминитивы, производные от слов традиционно мужского рода: *la médica, la notaria, la arquitecta, la primera ministra*;
- женский род перед мужским (а не наоборот): *las doctoras y los doctores*;
- написание через наклонную черту: *estimado/a doctor/a*;
- символ @ для обоих родов: *compañer@s* (что, однако, не рекомендуется в официальных письмах и документах, т. к. это не языковой знак);
- лексические замены, слова без артикля либо обезличенные формы: вместо *hombre* (мужчина) > *serhumano, la persona, el sujeto, el personaje, la figura, el individuo; la humanidad* (например, *La humanidad ha creado grandes civilizaciones*); вместо *las secretarias* > *el personal secretarial*; вместо *los empresarios* > *el sector empresarial*;
- окончание -e в словах, которые традиционно заканчиваются на -o или -a: *amigues* вместо *amigos/amigas*; *todes* вместо *todos/todas* (например, *No soy tu compañera, soy tu compañere; ¡Hola, amigues, bienvenides sean todes!*);
- местоимения *elle* (ед. ч.) и *elles* (мн. ч.), по аналогии с английским *they*, по отношению к небинарным личностям: *elle es inteligente; elles son muy capaces*.

Обратим внимание на то, что в латиноамериканских странах отношение к вышеперечисленным нормам более сдержанное. Например, мексиканская Комиссия по предотвращению дискриминации рекомендует придерживаться грамматических норм испанского языка.

Следует отметить, что в Испании эти предписания также оказались не слишком эффективными, в особенности в связи с тем, что нормы языкового использования были разработаны не специалистами, а случайными людьми, далекими от науки (достаточно типичная для современного мира ситуация, когда громкие голоса политиков – чем громче, тем сильнее, – берут верх над профессиональной компетенцией). Сама инициа-

тива вызвала достаточно резкую реакцию со стороны лингвистов. Представитель Королевской академии испанского языка И. Боске составил документ под названием *Sexismo Lingüístico y visibilidad de la mujer* [12], в котором от лица своих коллег выразил недовольство тем, что они не были привлечены к разработке языковых правил. Он заявил, что общий мужской род не является проявлением сексизма и что необходимо уважать морфологию и синтаксис испанского языка [Ibid]. Мнение И. Боске поддержало более 800 лингвистов, отметивших, что язык как самый мощный инструмент социального взаимодействия не должен быть грамматически неправильным и абсурдным.

Хотя после этих дебатов многие организации продолжили следовать указаниям по использованию несексистского языка, высказывается мнение, что испанская реформа, связанная с обозначением гендера, провалилась по следующим причинам: 1) она не была поддержана авторитетными лингвистами Королевской академии испанского языка, уполномоченными вносить изменения в языковые правила; 2) она носила искусственный характер, поскольку социальные условия еще не созрели, и не отражала процесс естественной эволюции языка; 3) большинство носителей языка не приняли эти нормы, поскольку они создавали неудобства для эффективной коммуникации [14].

Проявления уважительного отношения к **возрасту** также сходны в русском и испанском языках. Обидными как в межличностном, так и публичном дискурсе по отношению к старшему возрасту считаются такие слова, как рус. *старый, старик/старуха, дед, бабушка, дряхлый*; исп. *los viejos, los viejitos, los ancianitos*. Не слишком корректно звучат официальные термины *пенсия по старости* и *возраст дожития* (ожидаемый период выплаты накопительной пенсии). Для их замены предпочтительны эвфемизмы, исключающие возрастную дискриминацию: рус. *пожилой, старший / зрелый / почтенный / преклонный возраст, человек в возрасте, возрастной*; исп. *mayor de tercera edad, los adultos, las personas adultas mayores*. Существуют также неприятные термины, относящиеся к вполне молодым людям, например, рус. *старородка* или *старородящая* для обозначения женщин, рожавших первенца после 25 лет. К сожалению, они встречаются в речи официальных лиц, например, заместителя председателя комитета Госдумы по образованию и науке Г. Онищенко [9] или главы Союза Е. Ляховой: «<...> девочки у нас должны были бы понимать, что к тридцати годам мы считаем их старородками» [4].

К некорректным и обидным выражениям по отношению к **физическому состоянию** людей относятся рус. *калека, шизик, даун, колясочник, эпилептик, маразматик*. М. Бобылева пишет о том, что в 2019 г. Елена Малышева в своей ТВ-программе «на полном серьезе задала вопрос “Откуда берутся дети-кретины?”», заявив, что этот термин медицинский и определяет степень умственной отсталости. Вдобавок в заставке к программе было написано: “Твой ребенок – идиот”» [1]. В настоящее время политически корректным считается термин *люди с ограниченными возможностями здоровья*; обсуждается также замена его на термин *люди с особыми потребностями*, правомерность которого тем не менее оспаривается: утверждается, что он, с одной стороны, противоречит принципу равенства, а с другой – является семантически неточным, поскольку «особые потребности» могут быть и у других категорий населения.

В испанском языке к политически некорректным относят такие слова, как *discapacitado, malito, minusvalido, paralítico, inválido, lisiado, ciego*. В отношении людей с ментальными расстройствами не рекомендуется использовать выражения *retrasado, enfermito, retrasado mental* и тем более *mongol* или *mogólico*. Предпочтительными считаются термины *persona con discapacidad* или с уточнением: *persona con discapacidad cognitivo-intelectual, invidente incapacitado visual* и т. д.

Интересной темой также является обозначение **расы**. В России специфика отношения к расе обусловлена тем, что, с одной стороны, здесь проживает большое количество азиатских народов, присутствие которых настолько естественно, что не комменти-

руется; с другой стороны, среди коренного населения России отсутствуют представители негроидной расы, что накладывает отпечаток на ее языковое обозначение: слово *негр* не табуируется словарями и не маркируется как негативно окрашенное. Кроме того, в России отсутствует чувство вины по отношению к чернокожим, т. к. здесь, в отличие от ряда западных стран, никогда не было рабства чернокожих. Тем не менее в русском языке существуют негативные термины, недопустимые в общении: *негритос*, *черномазый*, *копченый*, *мумба-юмба* и др.

В испанском языке отношение к обозначению расы противоречиво: многие испаноговорящие полагают, что термин *negro/negra* является вполне допустимым; в Академическом словаре испанского языка (*Diccionario de la lengua española*) он не маркирован как негативно окрашенный. Однако влияние англоязычных культур накладывает свой отпечаток – в ряде источников рекомендуется использовать термин *afro-americano* вместо *negroide* и *negro*; *magrebies* вместо *moro* (мавр); *nativo americano* вместо *indio*. Кроме того, в Испании исторически проживало мало людей монголоидной расы, в связи с чем сегодня, когда их число резко увеличилось, испанцы склонны использовать по отношению к ним всем слово *chino/china*, независимо от страны происхождения. Это считается нежелательным, более вежливо употреблять слово *asiático/asiática*.

Осторожность в обозначении расы более ощутима в Испании, нежели в Латинской Америке, где слово *negro/negra* широко употребимо, а *negrito/negrita* часто встречается как ласкательное в общении между родителями и детьми, а также в любовном дискурсе.

Из-за различий в нормах политической корректности между латиноамериканской и британской культурами в 2011 г. разразился футбольный скандал: нападающего английской команды «Ливерпуль» Луиса Суареса, уругвайца по происхождению, обвинили в расизме, дисквалифицировали на восемь игр и оштрафовали на 40 000 фунтов за использование слова *negro* во время спора с другим игроком, заметим, на испанском языке. Впоследствии Суарес написал, что у него в стране это слово используется для описания внешности и может использоваться как обращение наряду с *guapo* (красавчик), *gordo* (толстяк), *flaco* (худышка), *rubio* (блондин) и т. д. *Negro* или *negrito* может быть обращено к любому человеку с темными волосами или темным цветом кожи; так Суареса иногда называют жена и бабушка. «Одного из самых известных и популярных уругвайских футболистов, легендарного Обдулио Варелу называли “*El Negro Jefe*” (“Черный Вождь”)), – пишет Л. Суарес. Он поясняет, что в споре использовал это слово без расистской подоплеки: «“Por qué, negro?”. “Por qué” значит “Почему?” Я спрашивал, почему он жалуется на фол и на то, что я тронул его. <...> в итоге мои слова, переданные по цепи арбитра, из “Por qué, negro?” превратилось в “Porque eres negro” (“Потому что ты негр”))» [8].

В 2020 г. история повторилась: Эдисон Кавани, уругваец по происхождению, из британской команды «Манчестер Юнайтед» в ответ на комплимент, сделанный ему фанатом, поблагодарил его: *Gracias negrito*. Невзирая на то, что он писал по-испански своему соотечественнику, в Европе ему предъявили обвинение в неэтичном поведении. Кавани привлек для экспертизы уругвайского лингвиста Ампаро Фернандеса, который сделал вывод, что *negrito* не является оскорблением и что в Англии просто пытаются наложить на это слово глобальный смысл. «В словаре уругвайского испанского есть больше 10 тысяч слов и выражений, которые типичны для уругвайцев, но не для других испаноговорящих стран, – написал он. – Слово *Negrito* в этом словаре обозначается как ласковый вокатив». Несмотря на экспертизу, Кавани дисквалифицировали на три матча и оштрафовали на 100 000 фунтов [5].

Проблемы, связанные с ПК, возникают как на вербальном, так и на невербальном уровне. Во время летних Олимпийских игр, проходивших в Пекине в 2008 г., участники мужской олимпийской сборной Испании по баскетболу сфотографировались, оттянув уголки глаз, чтобы сделать их раскосыми, как у китайцев. Это вызвало скандал, т. к.

было расценено как безответственное поведение и расизм по отношению к азиатам. Обратим внимание на то, что это была оценка именно западных СМИ, в то время как представитель китайского посольства в Испании заявил, что жест не был расценен китайской стороной как оскорбительный.

Недавнее событие – очередной спортивный скандал в Испании в 2023 г., когда в момент победы в Чемпионате мира по футболу среди женщин Луис Рубиалес, глава Королевской футбольной федерации Испании (RFEF), поцеловал в губы капитана команды Дженнифер Эrmосо. Первоначально этот поступок Рубиалеса был истолкован как «спонтанный эмоциональный жест». Однако далее, под влиянием международных организаций и широкого опубликования фотографий поцелуя, Эrmосо заявила, что не давала на него согласия, охарактеризовала поведение Рубиалеса как проявление сексизма и подала на него в суд за сексуальное домогательство. В результате Рубиалес был вынужден уйти с должности. Скандал еще не закончен, разбирательства продолжаются.

С начала 2024 г. в Испании широко развернулись демонстрации женщин за свои права. Остается наблюдать за дальнейшим развитием событий и их потенциальным влиянием на эволюцию испанского языка.

Выводы. В целом механизмы бесконфликтного общения в России и испаноязычных странах сходны. Существенное влияние на средства выражения вежливости как в русском, так и испанском языках оказывает грамматический строй, в особенности наличие грамматических средств выражения гендера. Реализация политической корректности в языке в значительной мере зависит от идеологии; в Испании, входящей в Европейский союз, она выражена более ярко, нежели в России и латиноамериканских странах, – однако является ли это социальным прогрессом, может быть поставлено под вопрос.

В заключение отметим, что противоречия в реализации принципов политической корректности как в России, так и испаноговорящих странах в основном возникают на уровне публичного дискурса. В межличностном общении коммуниканты в основном руководствуются правилами вежливости, этическим выбором и здравым смыслом. Думается, что именно они, а не языковые запреты, должны выступать как социальные регулятивы, формирующие нормы позитивного, бесконфликтного общения.

Список литературы

1. Бобылева М. Мы так говорим. Обидные слова и как их избежать. М., 2021.
2. Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации. Материалы Международной научной конференции, состоявшейся в Институте лингвистики РГГУ 23–24 октября 2018 г. / Сост. и отв. ред. И.А. Шаронов. М., 2018.
3. Виссон Л. Чужие и близкие в русско-американских браках. М., 1999.
4. Гнев «старородок». Женщин возмутило указание рожать до 30 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/30657753.html> (дата обращения: 20.01.2024).
5. Кавани забанили на 3 матча за слово «негрито». Объяснял, что в Уругвае это не оскорбление, а ласковый вокатив – не помогло [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/greatness/2861344.html> (дата обращения: 15.12.2023).
6. Ларина Т.В., Озюменко В.И., Ишанкулова Д.Г. О позитивном мышлении представителей англосаксонской культуры и его отражении в языке и коммуникации // Вопросы психолингвистики. 2011. № 1(13). С. 52–63.
7. Леонтович О.А. Магия вежливости или диктат политической корректности? Соотношение понятий // Русский язык за рубежом. 2023. № 5. С. 16–21.
8. «Мне не за что извиняться перед Эвра». Про тот самый конфликт, за которым следил весь мир [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/mitrofanov/789054.html> (дата обращения: 10.01.2024).

9. Онищенко напомнил россиянкам о термине «старородящая» [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/908449/2019-08-09/onishchenko-napomnil-rossiiankam-o-termine-starorodiashchaia> (дата обращения: 02.11.2023).
10. Позитивная коммуникация: кол. монография / О.А. Леонтович, М.А. Гуляева, О.В. Лулева, М.С. Соколова: под общ. ред. проф. О.А. Леонтович. М., 2019.
11. Atwood N. Soul Talk: Powerful, Positive Communication for a Loving Partnership. Nina Atwood Enterprises, 2003.
12. Bosque I. Sexismo Lingüístico y visibilidad de la mujer (2012) [Electronic resource]. URL: <https://www.rae.es/si> (дата обращения: 21.01.2024).
13. Bower S.A. Assertive Advantage: A Guide to Healthy and Positive Communication. N.Y., 1994.
14. Garcia M.I.M. Spanish "Politically Correct" Movement: Reasons for Failure [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/277279746_Spanish_Politically_Correct_Movement_Reasons_for_Failure (дата обращения: 11.10.2023).
15. Hollander P. Review of "Imagined Tyranny"? Political Correctness Reconsidered. In Discontents: Postmodern and Postcommunist. New Jersey, 2002. P. 51–73.
16. Levine S.A. Sara Ann Levin on Political Correctness in Spain [Electronic resource]. URL: <https://berkleycenter.georgetown.edu/posts/sara-ann-levine-on-political-correctness-in-spain> (дата обращения: 20.01.2024).
17. Mass A., Suitner C. & Merkel E. Review of Does Political Correctness Make (Social) Sense? // In Social Cognition and Communication. Psychology Press, 2014. P. 331–346.
18. Mirivel J.C. The Art of Positive Communication: Theory and Practice. N.Y., Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, Oxford, Wien, 2014.
19. Pitts M.J., Socha T.J. Positive Communication in Health and Wellness. N.Y., 2012.
20. Prewitt-Freilino J.L., Caswell T.A. & Laakso E.K. The Gendering of Language: A Comparison of Gender Equality in Countries with Gendered, Natural Gender, and Genderless Languages // Sex Roles. 2011. № 66(3-4). P. 268–281.
21. Socha T.J., Pitts M.J. The Positive Side of Interpersonal Communication. N.Y., 2012.

* * *

1. Bobyleva M. My tak govorim. Obidnye slova i kak ih izbezhat'. M., 2021.
2. Vezhливost' i antivezhливost' v yazyke i kommunikacii. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, sostoyavshejsya v Institute lingvistiki RGGU 23–24 oktyabrya 2018 g. / Sost. i otv. red. I.A. Sharonov. M., 2018.
3. Visson L. Chuzhie i blizkie v russko-amerikanskikh brakakh. M., 1999.
4. Gnev «starorodok». Zhenshchin vozmutilo ukazanie rozhat' do 30 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.svoboda.org/a/30657753.html> (data obrashcheniya: 20.01.2024).
5. Kavani zabanili na 3 matcha za slovo «negrito». Ob»yasnyal, chto v Urugvae eto ne oskorblenie, a laskovyj vokativ – ne pomoglo [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/greatness/2861344.html> (data obrashcheniya: 15.12.2023).
6. Larina T.V., Ozyumenko V.I., Ishankulova D.G. O pozitivnom myshlenii predstavitelej anglosaksonskoj kul'tury i ego otrazhenii v yazyke i kommunikacii // Voprosy psiholingvistiki. 2011. № 1(13). S. 52–63.
7. Leontovich O.A. Magiya vezhливosti ili diktat politicheskoy korrektnosti? Sootnoshenie ponyatij // Russkij yazyk za rubezhom. 2023. № 5. S. 16–21.
8. «Mne ne za chto izvinyat'sya pered Evra». Pro tot samyj konflikt, za kotorym sledil ves' mir [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/mitrofanov/789054.html> (data obrashcheniya: 10.01.2024).
9. Onishchenko napomnil rossiyankam o termine «starorodyashchaya» [Elektronnyj resurs]. URL: <https://iz.ru/908449/2019-08-09/onishchenko-napomnil-rossiiankam-o-termine-starorodiashchaia> (data obrashcheniya: 02.11.2023).
10. Pozitivnaya kommunikaciya: kol. monografiya / O.A. Leontovich, M.A. Gulyaeva, O.V. Luneva, M.S. Sokolova: pod obshch. red. prof. O.A. Leontovich. M., 2019.

Mechanisms of conflict-free communication in Russia and Spanish-speaking countries: comparative aspect

The aim of the paper is to compare the peculiarities of polite communication in Russian and Spanish-speaking linguacultures, with special emphasis on political correctness. The study concludes that the mechanisms of conflict-free interaction in Russian and Spanish have a lot in common and are significantly influenced by their grammatical structure, especially the presence of grammatical gender in both languages.

Key words: politeness, political correctness, positive communication, Russian, Spanish.

(Статья поступила в редакцию 01.03.2024)

А.А. УВАРОВ
Волгоград

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «КОММУНИКАТИВНАЯ КАТЕГОРИЯ»

Посвящена рассмотрению понятия «коммуникативная категория», подходов к его определению и описанию. Установлено отсутствие в отечественной лингвистике четкого определения коммуникативной категории. Описаны существующие подходы к толкованию ее сущности, предложено свое понимание коммуникативной категории.

Ключевые слова: коммуникативная категория, когнитивное сознание, когнитивный феномен, языковое сознание, коммуникативное сознание.

Обращение к научным исследованиям М.В. Шамановой, Е.П. Захаровой, С.С. Тахтаровой, Е.И. Шейгал, Т.В. Булыгиной, И.А. Стернина и др., посвященным обсуждению вынесенного в название статьи понятия или апеллирующим к нему, демонстрирует отсутствие единой трактовки термина «коммуникативная категория». Данным обстоятельством мотивирована необходимость обсуждения существующих подходов к ее определению, что, в свою очередь, обуславливает актуальность и научную новизну проведенного исследования.

Первый подход, на наш взгляд, отождествляет понятие коммуникативной категории с когнитивным феноменом, по сути представляя коммуникативную категорию едицей коммуникативного сознания.

Когнитивное сознание может относиться к способности индивида осознавать языковые структуры и размышлять о них, правилах и их использовании. Это может также включать в себя осознание метаязыковых аспектов, таких как способность рефлексии над собственным языковым использованием и языковыми знаниями.

Общеизвестно, что в контексте когнитивной лингвистики исследования часто фокусируются на том, как мышление (когнитивные процессы) и языковые структуры взаимосвязаны, как язык отражает когнитивные структуры и процессы, а также как язык влияет на когнитивные способности, такие как внимание, восприятие и память.

Когнитивная лингвистика исследует ментальные процессы, происходящие при восприятии, осмыслении и, следовательно, познании действительности сознанием, а также виды и формы их ментальных репрезентаций [10].

Конечной задачей когнитивной лингвистики, как и когнитивной науки в целом, является «получение данных о деятельности разума» [7, с. 13]. При этом исследование сознания составляет общий предмет когнитивной науки и когнитивной лингвистики [7, с. 10].

Когнитивное сознание может быть связано со способностью человека понимать языковые конструкции и размышлять о них, правилах и способах их применения. Оно может также охватывать осознание метаязыковых элементов, включая способность к рефлексии относительно собственного использования языка и знаний о нем.

Справедливости ради следует уточнить, что в лингвистике дифференцируются термины «языковое сознание» и «коммуникативное сознание». В частности, языковое сознание представляет собой ту часть сознания, которая отвечает за механизмы языковой активности: создание речи, восприятие речи и, что стоит отметить, сохранение языка в памяти.

Коммуникативное сознание представляет собой набор знаний и методов, поддерживающих все аспекты коммуникативного поведения. Оно включает в себя коммуникативные установки умственной деятельности и сознания, набор ментальных коммуникативных категорий и систему социально принятых норм и правил общения.

Кратко продемонстрируем разницу между языковым и коммуникативным сознанием на примере: в языковом сознании хранятся сведения о формулах приветствия (например, фразы «здравствуйте», «приветствую», «добрый день», «доброе утро», «добрый вечер», «приветик» и под.) и о том, в каких ситуациях общения их использовать: утром, вечером, в официально-деловой или разговорной интеракции и т. д. Другими словами, это информация, принадлежащая языковому сознанию носителей русского языка. В то время как коммуникативное сознание, помимо информации, которая описана выше, содержит сведения о том, как следует здороваться, т. е. какие невербальные компоненты, включая мимику, интонацию и т. д., можно использовать, нормы проксемического поведения, принятые в данной лингвокультуре, информацию экстралингвистического характера и т. д. Коммуникативное и языковое сознания, таким образом, находятся в отношении включения. «Языковое сознание как совокупность смыслов, имеющих языковую привязку, – только часть сознания в целом, точно так же как мышление – только часть ментальных процессов, осуществляемых в сознании» [7, с. 14].

В соответствии со сказанным нельзя не признать, что коммуникативные категории связаны не с языком, а с речью или даже шире – с коммуникативной деятельностью во всей совокупности вербальных и невербальных средств.

Согласно научным трудам Т.В. Лариной, З.Д. Поповой и И.А. Стернина, М.В. Шамановой и др., в рамках коммуникативного сознания выделяют понятия «коммуникативной категории» и «коммуникативного концепта». Эти понятия, в свою очередь, представлены неоднозначными трактовками в отечественных исследованиях. Не углубляясь в разногласия между различными подходами, обратим внимание на попытки отождествления понятий коммуникативного концепта и коммуникативной категории.

Мы придерживаемся мнения Т.В. Лариной, полагающей, что коммуникативная категория, являясь отражением коммуникативного сознания человека, содержит определенные концептуальные знания о коммуникации [8].

Коммуникативные категории и концепты содержат информацию о том, «как тот или иной носитель языка понимает категоризируемое явление, что он включает в состав данного явления», как он «вписывает» данную категорию в состав других коммуника-

тивных и некоммуникативных мыслительных категорий, коммуникативные концепты упорядочивают знания об общении и нормах его осуществления [10, с. 30–31].

Сходной позиции придерживается М.В. Шаманова, трактующая коммуникативную категорию как когнитивный феномен, обобщающий на более высоком ментальном уровне ряд более частных коммуникативных концептов [13].

В соответствии с данным подходом, любая коммуникативная категория представляет собой некое ментальное образование (концепт), содержанием которого являются особенности и характеристики коммуникативного взаимодействия или, выражаясь словами И.А. Стернина, некая система суждений, установок, ментальных стереотипов, правил, характеризующих особенности общения [11, с. 87]. Некоторые из коммуникативных категорий отражают общие представления человека об общении, некоторые – о его речи [Там же]. Из сказанного следует, что приверженцы данного подхода рассматривают коммуникативные категории и концепты как однородные феномены, а попытка дифференцировать коммуникативные категории и концепты по признакам более высокого уровня лексической объективации и большего объема лексико-фразеологического поля у коммуникативной категории [12, с. 16] по сути ничего не меняет.

Не возражая против утверждения, что «категории и концепты не могут быть принципиально разнородными явлениями» [14, с. 8], мы тем не менее склонны придерживаться другого подхода, некоторым образом дифференцирующего данные явления и представленного в исследованиях Н.Н. Панченко, С.С. Тахтаровой, Е.И. Шейгал и др.

Согласно точке зрения Е.И. Шейгал, коммуникативные категории носят объективный характер и реализуются в дискурсе, независимо от осознания их наличия, от знаний участников коммуникации об общении. Они обуславливают прагматику дискурса, «т. е. способ общения в широком смысле, организацию общения, характер его протекания» [15, с. 37]. В отличие от концепта, коммуникативные категории не объективируются в речи эксплицитно, а реализуются имплицитно. Подобную мысль высказывает О.А. Кобрина, утверждающая, что коммуникативные категории зачастую не получают закрепленную за ними форму выражения [6, с. 91].

Поддерживает идею дифференциации коммуникативных категорий и концептов В.В. Дементьев, который отмечает, что, в отличие от концептов, коммуникативные категории не обязательно включают в себя образный элемент и не всегда связаны с ключевыми словами [4, с. 266].

Нам близка позиция, согласно которой на статус коммуникативной категории могут претендовать любые коммуникативные переменные, характеристики участников, условия, организация и способы коммуникативной интеракции [9; 15]. Попутно заметим, что один и тот же коммуникативный параметр может изучаться с разных позиций, например, вежливость как стратегия [3, с. 25–30] или как коммуникативная категория [8].

Значимым для нас является определение коммуникативной категории, предложенное Н.Н. Панченко, согласно которому «коммуникативная категория представляет собой единство структурно организованного коммуникативно значимого содержания и комплекса лингвистических и паралингвистических средств его выражения» [9, с. 11]. Анализируя коммуникативную категорию достоверности, автор высказывает мысль, что «проявлениями» коммуникативной категории могут выступать другие, более частные/субординантные коммуникативные категории, а также совокупность разноуровневых средств, выступающих в качестве определенных маркеров, идентифицирующих данную категорию в дискурсе [9, с. 32–33].

Наш обзор исследований, посвященных коммуникативным категориям, был бы неполным без упоминания авторов, предпринимавших попытки структурирования коммуникативных категорий [1, с. 58–70; 5, с. 12–19].

Так, Е.П. Захаровой была предложена следующая классификация коммуникативных категорий по их роли в коммуникативном процессе. Автор предлагает дифферен-

цировать категории собственно коммуникативные – **обязательные**, выполняющие коммуникативно организующую функцию, которые в свою очередь можно подразделить на структурно-образующие (речевые жанры, персональность, тональность и др.) и информативные (неопределенность, информационность и под.), и **сопутствующие**, выполняющие регулирующую функцию, которые делятся на регулятивные (категоричность, эмотивность и под.) и квалификативные (эффективность, нормативность и др.). Считаем важным также обратить внимание, что, согласно Е.П. Захаровой, коммуникативная категория не зависит от функционально стилевой принадлежности, а обусловлена целью общения [5, с. 12–19].

Нам представляется, что данная классификация не является окончательной, поскольку сложность процесса коммуникации и всех ее переменных не позволяет представить непротиворечивую классификацию, учитывающую все многообразие существующих коммуникативных категорий.

Резюмируя сказанное, можно сделать несколько выводов.

1. Коммуникативная категория и концепт не являются тождественными явлениями. Любая коммуникативная категория может исследоваться как концепт, как некий структурируемый ментальный объект, отражающий наши знания и представления о сущности и специфике коммуникации. При этом не всякий концепт является коммуникативной категорией.

2. Коммуникативными категориями могут выступать любые параметры и переменные коммуникации, характеризующие ее условия, способы взаимодействия.

3. Коммуникативные категории реализуются в дискурсе, обуславливая его прагматику.

4. Не имея эксплицитных средств выражения, коммуникативная категория тем не менее может быть идентифицирована благодаря конституирующим ее частным коммуникативным категориям и/или набору определенных маркеров.

Возможно ли предложить не содержащую в себе противоречий классификацию коммуникативных категорий? Этот и многие другие вопросы, требующие решения, составляют перспективу исследования.

Список литературы

1. Болдырева А.А., Кашкин В.Б. Категория авторитетности в научном дискурсе // Язык, коммуникация и социальная среда. 2001. № 1. С. 58–70.
2. Булыгина Т.В., Крылов С.А. Категория // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990. С. 215–216.
3. Гулинов Д.Ю., Федоров Ф.Д. Реализация стратегий вежливости и невежливости в испаноязычном политическом дискурсе // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 3. С. 25–30.
4. Дементьев В.В. Коммуникативная обусловленность систем оценки в современных языках // Вопросы структурной, функциональной и когнитивной лингвистики: материалы докл. науч.-метод. конф. / отв. ред. Т.Н. Александрова. Саратов, 2007. С. 266–287.
5. Захарова Е.П. Типы коммуникативных категорий // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. научных трудов. Саратов, 2000. С. 12–19.
6. Кобрина О.А. Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 90–100.
7. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 6–17.
8. Ларина Т.В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. М., 2003.
9. Панченко Н.Н. Достоверность как коммуникативная категория: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2010.
10. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. Воронеж, 2003.
11. Стернин И.А. О национальном коммуникативном сознании // Лингвистический вестник. 2002. Вып. 4. С. 87–94.

12. Тахтарова С.С. Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты): дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2010.
13. Шаманова М.В. Коммуникативная категория в языковом сознании (на материале категории «общение»): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2009.
14. Шафиков С.Г. Категории и концепты в лингвистике // Вопросы языкознания. 2007. № 2. С. 3–17.
15. Шейгал Е.И. Концепты и категории дискурса // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс: сб. научных трудов. Волгоград, 2006. С. 24–39.

* * *

1. Boldyreva A.A., Kashkin V.B. Kategoriya avtoritetnosti v nauchnom diskurse // Yazyk, kommunikaciya i social'naya sreda. 2001. № 1. S. 58–70.
2. Bulygina T.V., Krylov S.A. Kategoriya // Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar' / gl. red. V.N. Yarceva. M., 1990. S. 215–216.
3. Gulinov D.Yu., Fedorov F.D. Realizaciya strategij vezhlivosti i nevezhlivosti v ispanoyazychnom politicheskom diskurse // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2023. № 3. S. 25–30.
4. Dement'ev V.V. Kommunikativnaya obuslovlennost' sistem ocenki v sovremennyh yazykah // Voprosy strukturnoj, funkcional'noj i kognitivnoj lingvistiki: materialy dokl. nauch.-metod. konf. / otv. red. T.N. Aleksandrova. Saratov, 2007. S. 266–287.
5. Zaharova E.P. Tipy kommunikativnyh kategorij // Problemy rechevoj kommunikacii: mezhvuz. sb. nauchnyh trudov. Saratov, 2000. С. 12–19.
6. Kobrina O.A. Modusnye kategorii kak sposoby vyrazheniya sub'ektivnogo otnosheniya cheloveka k vyskazyvaniyu // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2006. № 2. S. 90–100.
7. Kubryakova E.S. Ob ustanovkah kognitivnoj nauki i aktual'nyh problemah kognitivnoj lingvistiki // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2004. № 1. S. 6–17.
8. Larina T.V. Kategoriya vezhlivosti v anglijskoj i russkoj kommunikativnyh kul'turah. M., 2003.
9. Panchenko N.N. Dostovernost' kak kommunikativnaya kategoriya: dis. ... d-ra filol. nauk. Volgograd, 2010.
10. Popova Z.D., Sternin I.A. Yazyk i nacional'naya kartina mira. Voronezh, 2003.
11. Sternin I.A. O nacional'nom kommunikativnom soznanii // Lingvisticheskij vestnik. 2002. Vyp. 4. S. 87–94.
12. Tahtarova S.S. Kategoriya kommunikativnogo smyagcheniya (kognitivno-diskursivnyj i etnokul'turnyj aspekty): dis. ... d-ra filol. nauk. Volgograd, 2010.
13. Shamanova M.V. Kommunikativnaya kategoriya v yazykovom soznanii (na materiale kategorii obshchenie): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Voronezh, 2009.
14. Shafikov S.G. Kategorii i koncepty v lingvistike // Voprosy yazykoznanija. 2007. № 2. S. 3–17.
15. Shejgal E.I. Koncepty i kategorii diskursa // Chelovek v kommunikacii: koncept, zhanr, diskurs: sb. nauchnyh trudov. Volgograd, 2006. S. 24–39.

***Considering the issue of the definition of the concept
“communicative category”***

The paper is devoted to the concept “communicative category”, the approaches to its definition and description. There is discovered the absence of the clear definition of the communicative category in the native linguistics. The author describes the current approaches to the definition of its essence and suggests his own comprehension of the communicative category.

Key words: *communicative category, cognitive consciousness, cognitive phenomenon, linguistics consciousness, communicative consciousness.*

(Статья поступила в редакцию 30.01.2024)

Е.В. БОБЫРЕВА

К.Г. КОРОВИНА

Волгоград

ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ АДРЕСАТА В РЕЛИГИОЗНОЙ ТЕЛЕПРОПОВЕДИ

Рассмотрены особенности развития жанра религиозной проповеди в современных условиях. Показано, что телепроповедь выходит за рамки религиозного института. Жанр проповеди, таким образом, приобретает ряд черт, которых у него не было ранее. Категория адресата выступает центральной при построении проповеди. Уточнено понятие массового адресата и определен механизм моделирования телепроповеди в соответствии с его характеристиками.

Ключевые слова: религиозный дискурс, массовый адресат, глобализация, проповедь, храмовая проповедь, религиозная телепроповедь, средства массовой информации, религиозный институт.

Проповедь традиционно всегда выступала одним из типичных жанров религиозного дискурса, не характерных в своем исходном виде более ни для какого другого типа институционального общения. Хотя следует отметить, что в ряде жанровых образцов других типов дискурса можно обнаружить черты, свойственные данному религиозному жанру (поучение, нравоучение – в педагогическом дискурсе, обличение – в дискурсе юридического, рекомендация – в дискурсе медицинском и т. п.). С лингвистической точки зрения религиозная проповедь представляет собой монолог, произносимый священнослужителем либо во время богослужения, либо в специально отведенное время, не ограниченное временем церковной службы, и направленный на «разъяснение основ веры и благочестивой жизни» [11, с. 147].

Существует точка зрения, согласно которой именно проповедь является «началом» любого религиозного учения, поскольку через нее осуществляется воздействие на человека и начинается процесс формирования в его сознании системы норм и ценностей, характерных как для данного вероучения, так и для социума, жизнедеятельность которого основывается на его нормах и принципах.

Именно по вышеуказанным причинам жанр проповеди занимает одно из значимых мест в любой религиозной конфессии и имеет особую значимость в любом социуме (как высокорелигиозном, так и таком, в котором религия и вера не выступают приоритетными аспектами общественной жизни). По справедливому замечанию Н.Б. Мечковской, проповедь представляет собой «слово человека по поводу слова Бога» [9, с. 205], а ее цель – раскрыть, объяснить, донести смысл слова Бога до человека.

Традиционным местом проповеди выступает храм. Однако уникальность жанра проповеди как раз и состоит в том, что она, в отличие от других жанров религиозного дискурса (в частности, молитвы или исповеди), может порождаться как в рамках храма, так и вне его и быть направлена как на верующих, поддерживающих основы данного вероучения, так и на любых других членов общества. Такая разноплановость адресата проповеди во многом определяет сложность построения данного жанра таким образом, чтобы он был понятен любому адресату.

Приобретающая все большую популярность религиозная телепроповедь выступает специфическим жанровым образцом, уникальность которого и состоит именно в попытке сохранить доносимое до массового адресата религиозное содержание и использовании при этом средств прагматического воздействия на получателя информации, позво-

ляющих учесть интересы, статусные и иные особенности различных по своему характеру получателей данного жанра.

Целью проводимого исследования выступают определение характеристик современной телепроповеди, установление особенностей адресата телепроповеди, выявление особенностей моделирования усредненной модели адресата массовой телепроповеди, определение механизма воздействия на массового адресата и выявление набора средств воздействия на массового адресата в ходе телепроповеди.

Исследованию проповеди как жанра религиозного дискурса посвящены работы многих исследователей. В трудах разных ученых исследованы особые черты религиозного стиля в целом: Т.В. Ицкович [3], В.А. Маслова [8] и др.; стилевые черты жанра религиозной проповеди в частности: О.А. Крылова [5], Л.П. Крысин [7] и др.; определены характеристики и особенности построения жанра религиозной проповеди: Е.В. Бобырева [2], Е.В. Крымская [6], М.Б. Расторгуева [13] и др.; выстроена типология религиозной проповеди: О.А. Прохватилова [12], Н.Н. Розанова [14] и др.; выявлены черты жанра проповеди в рамках различных конфессий: Ю.А. Белкина [1], А.Г. Салахова [15] и др., а также различных исторических эпох: А.Н. Кошеваров [4], М.Р. Ненарокова [10] и др.

Современные условия функционирования общества, процессы глобализации, а также широкое использование в разных сферах средств массовой информации, значительно сокращающие процент непосредственного (живого) общения, накладывают отпечаток, изменяют тональность коммуникации в разных сферах жизни и во многом видоизменяют как структурные особенности отдельных традиционно сложившихся жанров, так и их содержательный план, общую тональность, закономерности построения и развития, а вместе с тем и способы воздействия на адресата.

Указанные особенности характерны для современной телепроповеди, которая на современном этапе развития общества подвергается как структурной, так и содержательной трансформации, что требует особого учета категории массового адресата, на которого и направлен жанр телепроповеди.

Обязательными компонентами любой проповеди выступают сами коммуниканты (проповедник и адресат/ы, на которых направлена/рассчитана проповедь), коммуникативное намерение и цель, преследуемая проповедником, канал связи и собственно сообщение (вербализуемое устно или реже представленное в письменной форме).

На протяжении многих веков православная и католическая церковь выдвигала ряд особых требований к построению проповеди, что, с одной стороны, облегчало усилия проповедника, а с другой, ограничивало его возможности, устанавливая четкие требования к проповеди и ограничивая ее тематические рамки. В настоящее время жанр проповеди, во многом под воздействием общих процессов глобализации и постоянным совершенствованием средств массовой информации, претерпевает ряд значительных изменений, переходя из жанра с фиксированной тематикой и структурой в жанр более свободный.

Выступая на первый взгляд четко фиксированным жанром, различные текстовые образцы проповеди значительно различаются по своей цели и, соответственно, центральной интенции, заложенной адресантом. Можно выделить нравоучительную (объясняющую основные нормы и правила поведения человека в соответствии с канонами религиозного учения), изъяснительную (объясняющую, трактующую какой-либо вопрос или проблему), догматическую (излагающую основные положения данного вероучения), апологетическую (защищающую религиозные истины от лжеучений и заблуждений), нравообличительную (раскрывающую виды и причины некорректного поведения человека и одновременно разъясняющую правила и нормы должного поведения посредством обличения богонеугодных нравов).

Анализ материала современных телепроповедей (рассчитанных на массового адресата) показал, что в настоящее время изъяснительная, нравоучительная и нравообличительная

тельная функции проповеди выдвигаются на первый план, тогда как функции догматическая и апологетическая несколько теряют свою значимость. Очевидно, это может быть объяснено смещением вектора направленности с обличения человека и порицания последнего за определенные действия на разъяснение волнующих человека вопросов и развитие качеств, соответствующих требованиям морали и нравственности: *«Господь ненавидит всякую неправду. Лучше быть последним в правде, чем первым во лжи»* [18].

Часто в начале телепроповеди дается некий тезис, который захватывает человека и заставляет задуматься над сказанным, но не раскрывает полностью смысла предстоящей проповеди. Как, например, тезис: *«Жизнь должна идти прямо и вверх»*, который предваряет одну из телепроповедей и возбуждает интерес практически любого слушателя. Представляется, что подобный тезис может заинтересовать как человека воцерковленного, так и только приближающегося к религии и вере, поскольку затрагивает важный для любого человека вопрос – поиск смысла жизни и вопросы ее организации.

С позиции фиксации презентуемого материала проповедь может получать как устную, так и письменную форму фиксации. Рассматривая религиозную телепроповедь, мы говорим как раз об устной форме, при которой непосредственный контакт с партнером по коммуникации (хотя активной при этом выступает лишь одна сторона – священнослужитель, проповедник), многократно усиливает степень воздействия произносимого проповедником сообщения на слушающих за счет использования паралингвистических средств, в частности, модулирования высоты и громкости голоса, особой паузации речи, и поскольку речь идет о телепроповеди – даже внешнего вида священника и т. д.

Переход такого изначально сакрального жанра как проповедь в жанр массовой проповеди, безусловно, несколько снижает ощущение священнодействия, таинственности, исчезает эзотеричность, изначально присущая любому жанру религиозного дискурса (включая и жанр религиозной проповеди), но, с другой стороны (что может быть значительно более важно на современном этапе общественного развития), повышает степень доступности, доходчивости жанра проповеди для каждого человека. Священник, выступающий в роли адресанта телепроповеди, становится ближе к пастве, а потому можно утверждать, что подобное сближение повышает степень доверия к нему и, как следствие, вовлечение в процесс религиозной коммуникации значительно большего, чем в процессе храмовой проповеди, числа людей.

Традиционно в построении религиозной проповеди всегда выделяли ряд композиционных схем, в частности:

1: а) обращение к Библейскому сюжету; б) интерпретация библейского мотива; в) обобщающие рассуждения о сущности определенного поступка, явления, события; г) вывод;

2: а) примеры из жизни человека; б) возможный итог жизни человека; в) проведение параллели с библейским сюжетом; г) вывод;

3: а) обращение к библейскому сюжету; б) примеры из жизни человека и их интерпретация; в) обобщающее рассуждение о сущности определенного поступка или события в жизни человека; г) возвращение к библейскому сюжету с целью поучения или назидания.

Анализ материала показал, что если в недалеком прошлом при построении храмовой проповеди священнослужителем чаще использовались первая и третья из перечисленных схем, т. е. построение проповеди шло от библейского сюжета к вычленению и интерпретации параллелей в жизни человека, то в настоящее время в телепроповеди чаще используется третья модель, а именно: проповедником приводятся отдельные примеры из жизни конкретного человека, после чего имеет место их интерпретация и уже далее возможное соотнесение с библейским сюжетом, что, на наш взгляд, продиктовано как раз ориентацией на массового адресата и интересы большинства получателей телепроповеди.

Начальные фрагменты проповеди почти всегда были и остаются стандартными, призванными привлечь внимание к тому, что будет сказано далее, заинтересовать адресата: *«Вспомним сегодня...», «Поговорим о...», «Хочу обратить ваше внимание на...», «Как часто нам приходится слышать...»* и др. В меньшей степени клишированы способы завершения проповеди, которые строятся по двум основным моделям – дискурсивной и апеллятивной. В заключениях апеллятивного типа могут содержаться призывы полностью довериться Богу и жить по установленным им правилам и законам и т. п. Интересен тот факт, что адресанты многих телевизионных проповедей в настоящее время используют в самом начале своего выступления обращение *«Добрый день, дорогие друзья»* вместо общепринятого традиционного *«Братья и сестры»*, т. е. происходит некое сращивание религиозного дискурса с дискурсом нерелигиозной направленности, в частности, бытийным, публицистическим и т. п.

Нередко телевизионная проповедь оказывается лишена традиционного обращения и начинается сразу с выражения определенной интенции адресанта (проповедника), цель которой захватить внимание слушающих. Однако в таком случае адресанту важно правильно оценить ситуацию и потенциальную реакцию на нее адресата, т. е. выстроить в своем сознании некую обобщенную модель потенциального адресата. Именно поэтому начальные фразы рассчитаны на воздействие на самую подвижную сферу человеческой натуры – сферу эмоциональную: *«Хочу вам сообщить очень важную информацию: каждый из вас наделен определенным даром. Неодаренных людей просто не существует»* [16]. Несомненно, подобный инициальный тезис проповеди заинтересует многих.

Поскольку в настоящее время в телепроповеди священнослужитель не имеет возможности знать и, соответственно, учесть характеристики конкретного адресата/или группы адресатов (их возраст, социальный статус, уровень образования и, самое главное, степень их воцерковленности), текст проповеди оказывается адресован некоему усредненному адресату, характеристик которого проповедник не знает, но пытается смоделировать усредненный образ и характеристики некоего абстрактного получателя проповеди. С другой стороны, на наш взгляд, несколько некорректно говорить об абстрактном адресате, правильнее говорить именно об усредненной модели данного участника общения.

Формируя в своем сознании такую усредненную модель адресата, проповедник выстраивает проповедь, изначально рассчитанную на подобную усредненную модель, что неизбежно предполагает нивелирование ряда характеристик адресата: а) возрастных; б) гендерных; в) статусных. Таким образом, в телепроповеди центральной должна выступать информация, близкая, доступная и необходимая адресату любого пола, возраста, профессиональной и статусной принадлежности.

Поскольку любая проповедь – это «слово Божье в слове человеческом», представляется возможным выделить такие ее типы, как свободная проповедь и проповедь с «жесткой» привязкой к тексту источника (Священного Писания). Что касается анализируемой нами телепроповеди, то она чаще является свободной, хотя и цитирующей, разъясняющей отдельные моменты Писания. В плане тематики в телепроповеди всегда поднимается определенный вопрос или обсуждается проблема, актуальная в настоящее время для значительного количества людей.

Ориентация на некую усредненную модель адресата предполагает внесение определенных коррективов в выбор тематики проповеди. Поскольку адресант не знает, насколько его потенциальный адресат осведомлен в вопросах религии, им выбираются темы, близкие каждому получателю телевизионной проповеди. Подобная тематика, как правило, выбирается при опоре на общечеловеческие ценности, а также ценностные ориентиры общества в целом. Анализ показал, что чаще поднимаются темы: а) любви; б) уважения; в) милосердия; г) мира. Возможно говорить о том, что современная теле-

проповедь приобретает в настоящее время идеологическую направленность, реагируя на актуальные вопросы общественного плана.

В ряде телепроповедей в качестве темы обсуждения может выбираться и более частная (но важная для разных категорий адресатов) тематика. В частности, одной из довольно интересных представляется нам тема обличения сквернословия, выступающая, как показало проведенное нами исследование, предметом ряда современных телепроповедей: *«Можете ли вы представить ругающуюся Богородицу? Или кого-то из святых, которые матом ругаются?! <...> Гневаться Господь умеет! Он когда прогневается на грешников, грешникам будет мало места! <...> Вот и вы гневайтесь! Гневайтесь, если желаете! Гнев – это естественная сила человека. Гневайтесь, но не согрешайте...»* (Проповедь Андрея Ткачева «Жизнь должна идти прямо и вверх») [17].

Тема использования обсценной лексики, в частности, мата, который часто используется людьми разного, особенно молодого, возраста, как оказалось, выступает одной из актуальных поднимаемых в телепроповеди. Вводя подобную тематику, проповедник дает данному явлению определение, заставляющее, по крайней мере, задуматься: *«Из ваших уст иногда прет такое, как будто вы в аду живете!»* [17]. В данном примере мы видим употребление лексической единицы сниженного регистра речи «*прет*», используя которую адресант (проповедник) как бы спускается, становится ближе к обычному человеку. Такая «близость» способствует повышению степени доходчивости сказанного и доверия адресата к тому, что говорится и будет сказано проповедником.

Особые требования всегда предъявлялись к языку проповеди. Если при анализе традиционной храмовой проповеди мы наблюдали случаи сочетания лексики литературного словаря, разговорной лексики, а также использование отдельных лексических единиц старославянского языка, например: *«Но когда нам голодно, когда мы в отчаянии, когда мы, изголодавшись, умираем, – всегда ли мы вспоминаем, что отвернулись от Бога, от живого Бога? Что мы отвергли живой Хлеб Небесный? Что мы создали с окружающими людьми ложные отношения, раздавая то, что не было наше, что было взято в то мгновение, когда оно было дано?»*; то в современных телевизионных проповедях мы нередко (точнее – даже довольно часто) встречаем лексические единицы разговорного и даже несколько сниженного стиля: *«Надо вгрызаться в Божье слово. Это одна из главных задач современного мира...»* [18], что, на наш взгляд, также продиктовано потребностью и стремлением проповедника быть ближе к пастве, найти подход к современной разноплановой аудитории. Так, говоря о предстоящей службе молодых людей в армии, проповедник призывает их готовиться к службе морально и физически, не растеряться и т. п., используя при этом разговорную лексику: *«вас как будто от мамы оторвали»*, *«армия, значит, это такое, знаете ли, дело»* и т. п. Лексическая единица «*мамка*», рассуждение-обращение «*знаете ли*» рассчитаны на установление контакта с адресатом и получение его эмоционального отклика.

Говоря о необходимости моделирования адресата проповеди, мы в первую очередь говорим о необходимости учета проповедником характеристики различных групп потенциальных получателей проповеди. Как показал анализ материала, в настоящее время в ходе построения телепроповеди идет ориентация на некоего усредненного адресата, при этом нивелируются статусные, возрастные, гендерные особенности, выбирается тематика, актуальная для значительного количества слушающих.

Кроме того, говоря о функциях религии в целом, укажем, что одной из них выступает функция религиозной ориентации, регулирующая действия человека, недостаточно вовлеченного в сферу религии и веры. Данная функция, цели и задачи, выполняемые современной телепроповедью, связаны напрямую. Телепроповедь, будучи адресована массовому адресату, может восприниматься адресатом, пока не разделяющим положений и ценностей данного вероучения, а также представителями иных конфессий. Именно поэтому важное значение имеет категория толерантности как в плане формы

преподнесения материала, так и в выборе тематики проповеди. Отвечая требованиям толерантности к чувствам представителей иных религиозных конфессий, адресант телепроповеди (священнослужитель), как правило, избегает обсуждения вопросов, связанных с взглядами и особенностями вероисповедания, принятыми в других конфессиях. В данной связи уместно также упомянуть об ориентации телепроповеди на общечеловеческие ценности, в частности, в настоящее время в числе ценностей, затрагиваемых в телепроповедях, можно указать такие, как ценность жизни человека, ценность мира на земле, ценность брака и семьи и др. Т. е. современная телепроповедь выступает неким морально-нравственным регулятором действий и поведения человека. Представляется, что данный момент сближает современную телепроповедь с некоторыми жанрами педагогического и юридического дискурса, что подтверждает выдвинутый нами ранее тезис о том, что современные процессы глобализации влияют на разные стороны жизни человека и приводят к трансформации отдельных дискурсивных жанров.

Проведенное исследование показало, что проповедь, выступая одним из центральных жанров религиозного дискурса, в настоящее время остается таковым, не теряя своей значимости. Однако в силу различных причин претерпевает различного рода трансформации. Переход религиозной проповеди в формат массмедиа коммуникации накладывает отпечаток на ее структуру, форму, выполняемые функции. В связи с расширением аудитории получателей телепроповеди и разноплановостью слушателей, телепроповеднику необходимо адаптироваться к современным условиям и строить свою проповедь, моделируя образ потенциального адресата телепроповеди. Такое моделирование предполагает нивелирование ряда специфических характеристик, учет которых был возможен при «живой» проповеди, а именно: возрастных, статусных, гендерных характеристик; до некоторой степени моделирование усредненной модели адресата предполагает и нивелирование конфессиональных особенностей (поскольку телепроповедь может быть воспринята не только представителями данной конфессии). Перспективами исследования может стать изучение разных характеристик жанра современной телепроповеди, в частности, выявление различных тем телепроповеди, способов их введения и развития, а также языковых средств, используемых проповедником, при обсуждении разной тематики.

Список литературы

1. Белкина Ю.А., Нестеров Д.А. Сравнительный анализ жанра проповеди различных христианских конфессий // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2014. № 4(9). С. 12–13.
2. Бобырева Е.В. Вторичные речевые жанры религиозного дискурса: проповедь и исповедь // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. 2007. № 5. С. 2–14.
3. Ицкович Т.В. Православная проповедь как тип текста: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007.
4. Кошеваров А.Н. Церковь и власть: Русская Православная Церковь в первые годы Советской власти. СПб., 1999.
5. Крылова И.А. Современная православная проповедь в функционально-стилистическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005.
6. Крымская Е.В. Просодические средства реализации воздействующей функции в жанре проповеди: на основе американского варианта английского языка: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009.
7. Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях. М., 2008.
8. Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2001.
9. Мечковская Н.Б. Язык и религия. М., 1998.
10. Ненарокова М.Р. Средневековые епископы: коллективный портрет [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. URL: <https://repository.rudn.ru/ru/records/article/record/68630/> (дата обращения: 11.01.2024).

11. Практическая энциклопедия православного христианина. Основы церковной жизни. СПб., 2003.
12. Прохвятилова О.А. Композиционно-речевая структура современной православной проповеди // Мир православия: сб. научных статей. Волгоград, 2002. Вып. 4. С. 335–351.
13. Расторгуева М.Б. Речевой жанр церковно-религиозной проповеди: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005.
14. Розанова Н.Н. Сфера религиозной коммуникации. Храмовая проповедь // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. М., 2003. С. 341–363.
15. Салахова А.Г. Речевые стратегии и средства их реализации в современных христианских немецкоязычных проповедях: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2006.
16. Ткачев А. Проповедь протоиерея «Благодать по мере дара» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=H9EBqt1HqqE> (дата обращения: 20.01.2024).
17. Ткачев А. Проповедь протоиерея «Жизнь должна идти прямо и вверх» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=NUO2ovUaD4Y> (дата обращения: 25.01.2024).
18. Ткачев А. Проповедь протоиерея «Что мне сделать, чтобы наследовать вечную жизнь» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=RPW-opoxYkU> (дата обращения: 18.01.2023).

* * *

1. Belkina Yu.A., Nesterov D.A. Sravnitel'nyj analiz zhanra propovedi razlichnyh hristianskih konfessij // Azimut nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologiya. 2014. № 4(9). S. 12–13.
2. Bobyreva E.V. Vtorichnye rechevyje zhanry religioznogo diskursa: propoved' i ispoved' // Zhanry i tipy teksta v nauchnom i medijnom diskurse. 2007. № 5. S. 2–14.
3. Ickovich T.V. Pravoslavnaya propoved' kak tip teksta: dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2007.
4. Koshevarov A.N. Cerkov' i vlast': Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' v pervye gody Sovetskoj vlasti. SPb., 1999.
5. Krylova I.A. Sovremennaya pravoslavnaya propoved' v funkcional'no-stilisticheskom aspekte: dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2005.
6. Krymskaya E.V. Prosodicheskie sredstva realizacii vozdejstvuyushchej funkcii v zhanre propovedi: na osnove amerikanskogo varianta anglijskogo yazyka: dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2009.
7. Kysin L.P. Slovo v sovremennyh tekstah i slovaryah. M., 2008.
8. Maslova V.A. Lingvokul'turologiya. M., 2001.
9. Mechkovskaya N.B. Yazyk i religiya. M., 1998.
10. Nenarokova M.R. Srednevekovye episkopy: kollektivnyj portret [Elektronnyj resurs] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya». 2020. T. 11. URL: <https://repository.rudn.ru/ru/records/article/record/68630/> (data obrashcheniya: 19.01.2024).
11. Prakticheskaya enciklopediya pravoslavnogo hristianina. Osnovy cerkovnoj zhizni. SPb., 2003.
12. Prohvatilova O.A. Kompozicionno-rechevaya struktura sovremennoj pravoslavnoj propovedi // Mir pravoslaviya: sb. nauchnyh statej. Volgograd, 2002. Vyp. 4. S. 335–351.
13. Rastorgueva M.B. Rechevoj zhanr cerkovno-religioznoj propovedi: dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2005.
14. Rozanova H.H. Sfera religioznoj kommunikacii. Hramovaya propoved' // Sovremennyj russkij yazyk: social'naya i funkcional'naya differenciaciya. M., 2003. S. 341–363.
15. Salakhova A.G. Rechevyje strategii i sredstva ih realizacii v sovremennyh hristianskih nemeckoyazychnyh propovedyakh: dis. ... kand. filol. nauk. Chelyabinsk, 2006.
16. Tkachev A. Propoved' protoiereya «Blagodat' po mere dara» [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=H9EBqt1HqqE> (data obrashcheniya: 20.01.2024).
17. Tkachev A. Propoved' protoiereya «Zhizn' dolzhna idti pryamo i vverh» [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=NUO2ovUaD4Y> (data obrashcheniya: 25.01.2024).
18. Tkachev A. Propoved' protoiereya «Chto mne sdelat', chtoby nasledovat' vechnyuyu zhizn'» [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=RPW-opoxYkU> (data obrashcheniya: 18.01.2023).

Linguistic and cultural modeling of addressee in religious TV sermon

The article deals with the peculiarities of the development of the genre of the religious sermon in the present conditions. It is demonstrated that TV sermon transcends the religious institution. The sermon's genre acquires new features that it has not had before. The category of addressee is considered as a central one in the composition of the sermon. There is specified the concept of the mass addressee and defined the mechanism of the composition of the TV sermon in concordance with its characteristics.

Key words: *religious discourse, mass addressee, globalization, sermon, temple sermon, religious TV sermon, mass media, religious institution.*

(Статья поступила в редакцию 30.01.2024)

В.В. КУЗНЕЦОВА
Волгоград

КЛАССИФИКАЦИЯ ЖАНРОВ МЕДИЙНО-РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОГО ДИСКУРСА

Представлен анализ жанров медийно-развлекательного дискурса. Исследуемый дискурс представляет собой институциональный тип дискурса, тематически детерминированный концептом «Развлечение». Проведенный анализ позволяет классифицировать существующие телевизионные и интернет-форматы с учетом преобладающей интенции, развлекательной тональности, доминирующей деятельности и внешних, композиционных признаков.

Ключевые слова: *медийно-развлекательный дискурс, жанры медийно-развлекательного дискурса, интенция, коммуникативная тональность, формат.*

Вопросы теории дискурса, как известно, привлекают многих современных ученых [2, с. 25–30; 4, с. 25–33; 5, с. 137–141; 8, с. 4–8]. Объектом нашего исследования выступает медийно-развлекательный дискурс. В качестве предмета изучения мы рассматриваем категорию жанров этого дискурса.

Теоретической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых: С.Н. Ильченко [3], В.И. Карасика [4, с. 25–33], Ж. Липовецкого [6], И.В. Силантьева [9, с. 78–83], Г.Я. Солганика [10, с. 22–24], В.И. Тюпы [11, с. 31–42], М. Фуко [12], Т.В. Шмелевой [13, с. 51–55].

Цель статьи – анализ жанров медийно-развлекательного дискурса. В работе были использованы сопоставительный и дескриптивно-аналитический методы исследования.

Актуальность исследования медийно-развлекательного дискурса обусловлена: 1) спецификой изучения его категорий; 2) эволюцией развлекательных жанров, традиционно противопоставляемых новостным.

Дискурс представляет собой интертекстуальное коммуникативное пространство, как правило, разножанровое, обладающее полевой структурой, ограниченной границами социокультурных практик [11, с. 42]. Медийно-развлекательный дискурс – это институциональный тип дискурса, тематически детерминированный концептом «Развлечение». Название анализируемого нами вида дискурса отражает институализированную область происхождения дискурса: массмедиа (телевидение, радио, пресса, интернет), маркирует доминирующие интенции и тональность и указывает на ключевой концепт.

Анализируя медийно-развлекательный дискурс, мы руководствуемся двумя подходами: коммуникативным, фокусируясь на коммуникативном взаимодействии участников, и социально-прагматическим, выделяющим прагматические характеристики и интенции участников.

Важным для нашего исследования является вопрос о структуре дискурса, совокупности устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность и тождественность самому себе. Структура институционального дискурса, коим является медийно-развлекательный дискурс в его социально-прагматической интерпретации, включает, как отмечает В.И. Карасик, следующие компоненты: *цели, участники, хромотоп, ценности, стратегии, материал (тематика), разновидности и жанры, прецедентные тексты, дискурсивные формулы* [4, с. 29]. К перечисленным категориям считаем важным добавить ключевые концепты дискурса, которыми, в случае с медийно-развлекательным дискурсом, являются развлечение и массовая культура.

Обозначенные компоненты образуют структуру фрейма, вершинными узлами которого выступают категории, универсальные для всех типов дискурса, терминальными – категории определенного дискурса, наполняемые содержанием конкретного дискурсивного события.

Примечательно, что в качестве дискурсообразующего, а также жанрообразующего факторов исследователи выделяют такие понятия, как *коммуникативная интенция, коммуникативная цель*, а также *коммуникативная стратегия*. Так, по мнению И.В. Силантьева, коммуникативная стратегия выступает доминантой, «гипер-интенцией» по отношению к интенциональным характеристикам жанров, составляющим целое дискурса [9, с. 81]. Отметим, что в отношении агентов медийно-развлекательного дискурса предпочтительнее говорить о коммуникативной цели, в то время как клиентов дискурса характеризует скорее интенция, намерение включиться в тот или иной развлекательный формат.

По мнению Т.В. Шмелевой, в медиaprостранстве находят свою реализацию такие интенции, как 1) информирование; 2) разъяснение и побуждение с опорой на анализ и оценки; 3) убеждение (рационально и эмоционально); 4) развлечение; 5) привлечение и побуждение. Генеральной интенцией медиасферы является информирование [13, с. 52]. Это утверждение справедливо по отношению к новостным, аналитическим жанрам и лишь отчасти соответствует развлекательным, в которых превалирует развлекательная интенция. Так, С.Н. Ильченко отмечает, что информационная функция, самая главная в СМИ, является невостребованной в развлекательном продукте, доминантными функциями которого выступают развлекательная и экономическая [3, с. 73].

Обратимся далее к категории «жанры медийно-развлекательного дискурса». Среди существующих типологий развлекательного контента мы можем отметить классификации, предложенные С.Н. Ильченко [3] и С.Н. Акинфеевым [1, с. 110–125].

С.Н. Ильченко представляет три группы передач развлекательного контента: *юмористические, музыкальные и игровые программы*. Каждая из указанных групп получает конкретизацию с учетом содержания и формальных признаков, например, юмористические программы делятся на концерты и обзоры и далее разбиваются на *эстрадные капустники (юмористические и эстрадно-развлекательные), авторские программы юмористического и сатирического характера, юмористические сборники, юмори-*

стические журналы, юмористические игры, телевизионные розыгрыши, передачи пародии, встреча с сатириком и юмористом. Отметим, что принципом объединения указанных жанров в одну группу служит их отнесение к смеховым жанрам [3, с. 85].

С.Н. Акинфеев подробно описывает четыре группы развлекательных жанров: *ток-шоу, реалити-шоу, телеигры и шоу*. Каждая группа имеет свои подвиды, объединенные по тому или иному принципу. Например, классифицируя ток-шоу, С.Н. Акинфеев руководствуется фактором адресата и характером контента [1, с. 110–125]. С позиции первого можно говорить о женских, семейных, узкоспециализированных форматах. При учете второго фактора возможно распределение ток-шоу на: а) передачи, авторы которых избегают сложной, конфликтной тематики; б) скандальные, в которых акцент ставится на темах провокационного характера; в) условно-развлекательные, обладающие социальной направленностью, их целью является поиск выхода из трудной жизненной ситуации.

Создавая собственную классификацию развлекательных жанров, мы руководствовались следующим: медиаформат может быть отнесен к развлекательному *при осознании его участниками развлекательной интенции; при использовании смеховых жанров; при соблюдении развлекательной тональности*. При несовпадении интенций и тональности всех участников развлекательного жанра возникает диссонанс коммуникации. Примером вышесказанного может служить интервью известного эстонского тележурналиста Урмаса Отта с Евгением Евстигнеевым, в котором эмоциональный на экране актер совершенно не раскрывался в интервью, отвечая на все вопросы односложно: «Да, нет, не знаю» [5, с. 137–141]. Кроме вышеперечисленных факторов, критерием отнесения к развлекательному формату является создание особого развлекательного, игрового, тематического пространства деятельности, частично имитирующего реальное.

Критериями категоризации развлекательных жанров для нас служат: а) превалирующая интенция; б) развлекательная тональность; в) доминирующая деятельность; г) внешние, композиционные признаки.

Кратко охарактеризуем понятие «тональность», выступающее критерием категоризации развлекательных жанров. В рамках настоящего исследования мы рассматриваем коммуникативную тональность как: а) модусную категорию, влияющую на формирование смысла высказывания и интерпретируемую в оценках: «серьезно», «несерьезно», «игриво», «шутливо», «иронично», «саркастически», «радостно» и т. д.; б) коммуникативную категорию, отражающую отношения между участниками общения, в этом случае уместно говорить о доброжелательной или враждебной тональности. Например, воскресные ток-шоу с участием известных медийных личностей характеризуются доброжелательной тональностью; в) дискурсивную категорию, служащую фактором объединения различных жанров в русло одного дискурса. Несерьезная, легкая тональность развлекательного дискурса противопоставляется серьезной, характерной для информативного или новостного дискурса [5, с. 137–141].

Таким образом, проанализировав существующие телевизионные форматы, мы выделяем:

1. Шоу (яркое эстрадное представление): а) музыкальные шоу; б) варьете (от франц. *variété*, от lat. – разнообразие, смесь), эстрадные представления, объединяющие разнообразные жанры: театральные, музыкальные, пародийные и т. д.

2. Ток-шоу (анг. *show* – зрелище, показ, представление, *talk* – разговор), среди которых представлены: а) шоу «выходного дня», темой подобных форматов могут быть юбилеи известных личностей, праздничные даты и т. д.; б) бульварные ток-шоу, которым свойственны банализация, сенсационность, эпатаж; в) условно-развлекательные ток-шоу, тематика которых охватывает социальные вопросы. Добавим, что третий тип ток-шоу находится на периферии развлекательных жанров. К ток-шоу первого типа от-

несем «Привет, Андрей» (Первый канал), примерами второго и третьего типа являются ток-шоу «Малахов» (Первый канал), «Звезды сошлись» (НТВ).

3. Тематические шоу представляют собой гибридизацию двух дискурсов, развлекательного и тематического, например, дискурса моды или гастрономического. Примером подобных форматов могут служить кулинарные шоу – «Едим дома» (НТВ), шоу, посвященные вопросам моды, знакомствам, например, «Давай поженимся» (Первый канал).

4. Смеховые и пародийные шоу: «Камеди Клуб», «Stand UP» (ТНТ), «Уральские пельмени» (СТС), «Смешите меня семеро» (ТВ Центр).

5. Телеигры. В качестве примера назовем «Кто хочет стать миллионером» (Первый канал), «Своя игра» (НТВ). В категорию телеигры мы включаем реалити-шоу, поскольку в этом телевизионном формате присутствуют четкие правила, регулирующие деятельность, в том числе речевую, его участников.

6. Информационные тематические передачи, характеризующиеся легкой подачей информации. Примером могут служить «Живая еда» (НТВ), «Дачный ответ» (НТВ), «Квартирный вопрос» (НТВ), «По секрету всему свету» (Россия 1).

7. Квазиинформационные передачи, тематикой которых выступают жизнь селебрити, мистические или эзотерические феномены. Примером является «Ты не поверишь» (НТВ).

Для нас остается открытым вопрос включения в классификацию комедийных сериалов гибридного жанра, сочетающего развлекательный и художественный дискурсы и ограничивающего участие клиентов дискуссии модально-оценочной функцией речевого жанра комментариев.

Кроме выделенных нами телевизионных форматов, кратко охарактеризуем жанры интернет-дискурса:

1. Неформальные портретные интервью – жанр, заимствованный на телевидении и первоначально отличавшийся только каналом трансляции. Перейдя в интернет-пространство, этот диалоговый жанр меняет формат, преодолевает формальность телевизионного, увеличивает временные рамки, отводит большую роль коммуникативной инициативе интервьюируемого, тем самым имитируя реальное общение. Кроме того, неформальные портретные интервью обладают большей интертекстуальностью и демонстрируют ряд стилистических особенностей, например, разговорный стиль общения и пейоративную лексику. В качестве примера приведем «Осторожно: Собчак».

2. Мем, креолизованный текст, состоящий из инвариантной части, картинки или фотографии, и изменяемого компонента текста [7, с. 37–43]. Так, инвариантной частью известного мема «Про Наташу и котов» является фотография, на которой можно наблюдать 4-х котов, смотрящих сверху вниз как будто на спящего человека. Сопровождающий текст представляет реплики котов: *«Наташа, все ходят в масках. Наташа, нам тоже надо. Вставай, Наташа, шей нам маски. Имей совесть, Наташа. Нам надо 10 штук, соседским котам перепродадим. Мы в панике. Наташа, как же мы пойдем за мышами без масок?»* Комичность цитируемого нами текста объясняется его соотнесенностью с конкретным контекстом – началом пандемии.

3. Пикча (от англ. picture – изображение) – визуальный или креолизованный текст, вызывающий смех [7, с. 37–43]. Первичным жанром в этом случае является карикатура или анекдот. Приведем пример:

– *Итак, ваша диета: одно яйцо, одно яблоко и творог.*

– *Ясно, доктор, это до еды или после?*

4. Сатирический комментарий – это текст, стимулом к которому послужила какая-либо новость, событие, явление повседневной жизни. Примером сатирического комментария может служить текст, размещенный на странице актрисы, выступающей в жанре стендап.

Шутка посвящается всем фанатам Гарри Поттера.

Я продвинутый городской житель, пользуюсь автобусами. Сейчас уже есть приложение, в котором видно, где автобус едет, но выясняется, что (существует) очень много автобусов-призраков, потому что на карте он у тебя есть, а в жизни его нет, видимо, на него можно попасть только с платформы 9 $\frac{3}{4}$.

Резюмируем изложенное выше.

Телевизионные жанры представляют собой дискурсивные события, в то время как интернет-жанры в большей степени являются медиатекстами.

Понятия «речевой жанр» и «телевизионный жанр» несовместимы. Мы склонны утверждать, что телевизионному жанру соответствует термин «формат». Несмотря на размытость и неопределенность последнего (этот факт отмечен Г.Я. Солгаником [10, с. 22–24]), частотность употребления этого термина указывает на существование референта, обладающего рядом признаков, необходимых для характеристики внешнего контекста дискурсивного события. Согласно нашему (рабочему) определению, формат – это шаблон, содержащий информацию о параметрических характеристиках дискурсивного события, например, временных, коммуникативной тональности, а также обязательных и потенциально возможных жанрах. Так, можно говорить о *вечернем формате*, *формате дневной передачи*, *формате дружеского общения*, *строгом формате*. Участники ток-шоу могут *соответствовать или не соответствовать формату*, можно *выйти из формата*, *изменить формат*. Формат – это рамка, накладываемая на дискурсивное событие и обеспечивающая его узнаваемость.

Отдельная передача развлекательного характера представляет собой: а) дискурсивное событие, вызывающее научный интерес с позиции анализа коммуникативных, прагматических, социокультурных характеристик ее участников; б) текст, обладающий репродуктивностью, смысловой завершенностью, встроенностью в систему текстов медийно-развлекательного дискурса и зафиксированный на материальном носителе. Добавим, что сама по себе материализация высказывания не означает его перевода в текст, но благодаря этому процессу его коммуникативная актуальность приобретает потенциальный характер и уходит в план его интенциональной структуры [9, с. 79].

Многообразие существующих жанров объясняется континуумом дискурсивного пространства, его интертекстуальностью, образованной текстами и дискурсивными событиями: а) уже существующими, представляющими фактор прошлого; б) происходящими в данный момент (здесь и сейчас); в) потенциально возможными, образующими фактор будущего.

Список литературы

1. Акинфеев С.Н. Развлекательное телевидение: определение, классификация, жанры // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2008. № 6. С. 110–125.
2. Гулинов Д.Ю., Федоров Ф.Д. Реализация стратегий вежливости и невежливости в испаноязычном политическом дискурсе // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 3(03). С. 25–30.
3. Ильченко С.Н. Система жанров отечественного телевидения и ее трансформация в условиях глобализации информационного пространства. Институт повышения квалификации работников телевидения и радиовещания. М., 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ipk.ru/biblioteka/elib> (дата обращения: 11.01.2024).
4. Карасик В.И. Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации: Межвузовский сб. научных трудов. Саратов, 2000. С. 25–33.
5. Кузнецова В.В. Анализ тональности медийно-развлекательного дискурса // Романские языки в эпоху глобализации: современные вызовы и самоидентификация: сб. материалов участников международной научной онлайн-конференции. Волгоград, 2020. С. 137–141.
6. Липовецкий Ж. Империя эфемерного. Мода и ее судьба в современном обществе. М., 2012.
7. Лопухов С.В. Дифференциация «смеховых» интернет-жанров // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 4(31). С. 37–43.

8. Панченко Н.Н. Мотивационный дискурс: проблемы и перспективы исследования // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 2(02). С. 4–8.
9. Силантьев И.В. Дискурс и жанр // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2010. Т. 9. Вып. 6. С. 78–83.
10. Солганик Г.Я. Формат и жанр как термины // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2010. № 6. С. 22–24.
11. Тюпа В.И. Жанр и дискурс // Критика и семиотика. 2011. Вып. 15. С. 31–42.
12. Фуко М. Археология знания: пер. с фр. / общ. ред. Б. Левченко. Киев, 1996.
13. Шмелева Т.В. Современная медиапрактика с позиции теории речевых жанров // Медиалингвистика. Речевые жанры в массмедиа: сб. статей / под ред. Л.Р. Дускаевой, отв. ред. Н.С. Цветова. СПб., 2014. Вып. 3. С. 51–55.

* * *

1. Akinfeev S.N. Razvlekatel'noe televidenie: opredelenie, klassifikaciya, zhanry // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika. 2008. № 6. S. 110–125.
2. Gulinov D.Yu., Fedorov F.D. Realizaciya strategij vezhlivosti i nevezhlivosti v ispanoyazychnom politicheskom diskurse // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2023. № 3(03). S. 25–30.
3. Il'chenko S.N. Sistema zhanrov otechestvennogo televideniya i ee transformaciya v usloviyah globalizacii informacionnogo prostranstva. Institut povysheniya kvalifikacii rabotnikov televideniya i radioveshchaniya. M., 2012. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.ipk.ru/biblioteka/elib> (data obrashcheniya: 11.01.2024).
4. Karasik V.I. Struktura institucional'nogo diskursa // Problemy rechevoj kommunikacii: Mezhevuzovskij sb. nauchnyh trudov. Saratov, 2000. S. 25–33.
5. Kuznecova V.V. Analiz tonal'nosti medijno-razvlekatel'nogo diskursa // Romanskije yazyki v epohu globalizacii: sovremennye vyzovy i samoidentifikaciya: sb. materialov uchastnikov mezhdunarodnoj nauchnoj onlajn-konferencii. Volgograd, 2020. S. 137–141.
6. Lipoveckij Zh. Imperiya efemernogo. Moda i ee sud'ba v sovremennom obshchestve. M., 2012.
7. Lopuhov S.V. Differenciaciya «smekhovyyh» internet-zhanrov // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2022. № 4(31). S. 37–43.
8. Panchenko N.N. Motivacionnyj diskurs: problemy i perspektivy issledovaniya // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2023. № 2(02). S. 4–8.
9. Silant'ev I.V. Diskurs i zhanr // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya. 2010. T. 9. Vyp. 6. S. 78–83.
10. Solganik G.Ya. Format i zhanr kak terminy // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika. 2010. № 6. S. 22–24.
11. Tyupa V.I. Zhanr i diskurs // Kritika i semiotika. 2011. Vyp. 15. S. 31–42.
12. Fuko M. Arheologiya znaniya: per. s fr. / obshch. red. B. Levchenko. Kiev, 1996.
13. Shmeleva T.V. Sovremennaya mediapraktika s pozicii teorii rechevyh zhanrov // Medialingvistika. Rechevyh zhanry v massmedia: sb. statej / pod red. L.R. Duskaevoy, отв. ред. N.S. Cvetova. SPb., 2014. Vyp. 3. S. 51–55.

Classification of genres of media and entertainment discourse

The article deals with the analysis of the genres of the media and entertainment discourse. The discourse under study is considered as an institutional type of the discourse and thematically determined by the concept "Entertainment". The conducted analysis allows to classify the current TV and Internet formats, taking into account the prevailing intention, the entertainment tonality, the dominant activity and the external compositional features.

Key words: *media and entertainment discourse, genres of media and entertainment discourse, intention, communicative tonality, format.*

(Статья поступила в редакцию 01.02.2024)

И.А. МИХАЙЛИН
Волгоград

**ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В КОМПЬЮТЕРНОЙ ИГРЕ
BLASPHEMOUS II**

Рассматривается специфика имен собственных как жанровых маркеров компьютерной игры. На примере видеоигры Blasphemous II показана потенциальная способность имен собственных маркировать признаки трех наиболее популярных жанров: ролевая игра, экшен, приключения.

Ключевые слова: компьютерная игра, жанр, ономастика, хрематоним, топоним, антропоним, эклезионим.

В настоящее время наблюдается тенденция к цифровизации всех социальных аспектов человеческой жизни, сфера развлечений не стала исключением. Особое место в этой сфере занимают компьютерные игры. У каждой из них есть своя жанровая специфика, и каждая единица языка, находящаяся в дискурсивном пространстве игры, приобретает жанровую и функциональную специфику, присущую игре в целом.

Стандартная классификация компьютерных игр основана на термине жанр – «совокупность характерных черт, присущих той или иной игре» [11]. Если отталкиваться от этого определения, то жанр в дискурсивном пространстве компьютерной игры также способен обладать той или иной совокупностью особенностей (признаков), присущих играм разных видов.

При классификации компьютерных игр зачастую руководствуются междисциплинарным подходом, который устанавливает, что разделение игр по жанрам происходит согласно присутствию в них сходных черт.

Проблема жанровой дифференциации компьютерных игр в большинстве научных работ рассматривается в рамках культурологического или социологического подходов [9; 10], при этом не уделяется внимание лингвистическим вопросам. Многие отечественные классификации опираются на дифференциацию видеоигр, представленную в работе Д. Томаса, К. Орланда и С. Штейнберга «Руководство по стилям видеоигр и справочное пособие» [13]. В ней выделяются следующие жанры видеоигр: Экшен, Приключенческий экшн, Приключения, Метроидвания, Экстремальный спорт, Авиасимулятор, Симулятор Бога, Игра для вечеринок, Головоломка, Гонки, Ролевая игра, Ролевой экшен, Тактическая ролевая игра, Ритм-игра, Спортивный симулятор, Стратегия, Хоррор с элементами выживания, Гоновые сражения [13]. В данной классификации выделение жанров игр происходит вследствие их разделения по специфике игрового процесса. Уже в самом названии жанра отображается механика игры.

Для того чтобы создать исчерпывающую классификацию компьютерных игр, необходимо комплексно рассматривать проблему их жанровой дифференциации на пересечении лингвистики, философии, культурологии, социологии и т. д. Однако работы отечественных лингвистов, посвященные компьютерным играм, немногочисленны, в них, как правило, рассматриваются особенности перевода игр на русский язык [2; 4].

Между тем для любой игры характерен определенный набор языковых элементов, который может соотносить ее с конкретным жанром. Мы полагаем, что наиболее значимыми в этом отношении единицами являются имена собственные, т. к. за ними закреплён определенный объем информации в рамках дискурса компьютерной игры. Характер этой информации зачастую оказывается общим для игр какого-либо жанра.

С целью проследить связь онимов и жанра компьютерной игры мы проанализировали функциональные особенности имен собственных в русскоязычном варианте ком-

пьютерной игры Blasphemous II. Blasphemous II – это игра, созданная в жанре приключения, основана на церковно-религиозной культуре Испании XVI в. За основу при разработке было взято большое количество информации о католическом религиозном течении того времени. Готический стиль присутствует и в визуальной составляющей игры, и в ее языковом сопровождении.

Данная игра принадлежит сразу нескольким жанрам, отмеченным выше: Метроидвания, Ролевая игра (РПГ), Приключения. В играх жанра «Приключения» разработчики делают упор на головоломки, за выполнение которых игрок получает внутриигровые предметы. Жанр «РПГ» основывается на какой-либо конкретной внутриигровой роли, погруженной в дискурсивное пространство игры. «Метроидвания» подразумевает игровой процесс с повышенным уровнем сложности, а процесс самой игры происходит не от третьего лица, а с видом сбоку [13]. Во всех этих жанрах прослеживается тенденция к подаче повествования нелинейным способом. Мы зачастую наталкиваемся на какие-то преграды, для прохождения которых нужны либо недостающие предметы, либо выполнение каких-то определенных действий в других участках карты. Это отображается на игровом процессе, визуальной составляющей и т. д. Как итог, в игре присутствует большое скопление различных структурных элементов, каждый из этих элементов обозначается уникальным именем собственным определенного типа.

Количественный анализ 379 онимов, извлеченных методом сплошной выборки из игры Blasphemous II, показал наличие имен собственных 5 разрядов. Перечислим их в порядке частотности, используя ономастическую терминологию из словаря Н.В. Подольской [6].

- 1) хремотонимы (названия уникальных предметов) – 249 ед. / 65,7%;
- 2) топонимы (названия географических объектов) – 87 ед. / 23%;
- 3) антропонимы (имена персонажей) – 25 ед. / 6,6%;
- 4) экклезионимы (названия объектов религиозного культа – часовен, церквей, монастырей) – 16 ед. / 4,2%;
- 5) теонимы (собственные имена божеств) 2 ед. / 0,5%.

Самой многочисленной ономастической единицей в этой игре стали хремотонимы. Они обозначают различные группы предметов, которые встречаются в игре: бусины розария, оружие, способности. Рассмотрим каждую из представленных групп. Бусины розария – это различные предметы округлой или приблизительно схожей формы, которые игрок может надевать в доступные ячейки, чтобы получить какой-то бонус. Их насчитывается 226 единиц. Названия бусин представляют собой словосочетания, дающие метафорическую характеристику обозначаемым предметам: *Губы золотой маски*, *Опаленная лилия*, *Отпечаток сколопендры*, *Цена крови* и т. д. Группа названий оружия в игре представлена всего 3 единицами, стилизованными под слова испанского языка: боевое кацило *Вередикто*, парные рапиры *Сармьенто* и *Сентелла*, зазубренный клинок *Руэго-аль-Альба*. Класс способностей в игре Blasphemous II насчитывает 23 единицы: *Бремя Греха*, *Пакт Крови* и т. д. Мы относим названия способностей к хремотонимам, т. к. каждая способность имеет физическое воплощение в виде материального предмета быта из мира игры (урна, предмет для улучшения оружия и т. п.), используя которые персонаж приобретает какие-либо способности. Названия бусин и способностей имеют ясную мотивировку, а названия оружия не мотивированы.

Все группы хремотонимов соотносят исследуемую игру с жанром «Метроидвания». Для игр этого жанра характерно большое количество внутриигровых предметов, используемых для построения игрового процесса, поэтому наличие большого количества хремотонимов можно считать одним из основных жанрообразующих признаков таких игр.

Вторая по численности группа имен собственных в данной игре – топонимы, они используются для наименования локаций – мест развертывания игрового процесса. В

большинстве своем это развернутые словосочетания, характеризующие внешние признаки места или его назначение: *Покой Безмолвия, Сад Высоких Хоралов, В глубинах Ее Священных Владений, Дворец вышивальщиц, Глубокое сожаление, Братство безмолвной печали, Мост Страстей Господних*. Все они создают живое и единое пространство для развертывания полного нарратива игры.

В данной группе топонимов следует особо отметить функциональную значимость хоронимов – названий небольших территорий, имеющих определенные границы. Их количество невелико, однако они обозначают ключевые точки в истории, в рамках которой разворачивается основной сюжет. Хоронимы чаще всего встречаются как части локаций. Например, в игре есть локация *Глубокое сожаление*, внутри которой находится *Братство безмолвной печали*. Как только игрок туда попадает, начинается битва с боссом.

Присутствие топонимов характерно для игр практически всех жанров, т. к. в каждой игре должен быть четко прописанный мир. Топонимы обеспечивают правдоподобность и достоверность происходящего. Это содействует погружению игрока в фикциональный нарратив игры. Однако жанр игры определяет мотивировку топонимов. В данном случае топонимы созданы в готическом стиле. Для него характерны мрачные элементы с мистическими подтекстами [12]. Религиозная культура всегда несет в себе элементы таинства и мистицизма, а языковые единицы, отражающие особенности религиозной культуры, имеют схожие черты. Например, при создании топонимов *Братство безмолвной печали, Мост Страстей Господних, Сад Высоких Хоралов* используются слова, характерные для религиозной риторики: *братство* (форма добровольного объединения мирян в храмах, характерная для религиозных течений) [5], *страсти Господни* (отсылка к апокрифическому сборнику, в котором описываются последние дни Христа) [8], *хорал* (моноподическое богослужбное пение в католицизме) [1; 3]. Единицы готического стиля частотны в играх жанра «ролевая игра» [13], поэтому присутствие в игре топонимов готического стиля – это еще один жанрообразующий признак, маркированный собственными именами.

Следующая по численности группа онимов, значимых для определения жанрообразующих признаков – это имена персонажей игры, антропонимы и теонимы. Они используются для номинации протагониста и антагониста. Протагонист обозначен антропонимом *Кающийся*. Антагонист – теонимом *Чудо*. В любой игре всегда должен присутствовать персонаж, с которым мы будем ассоциировать себя, и тот, кто будет противопоставляться нам. На противопоставлении протагониста и антагониста выстраивается структура сюжета, именуемая «Путь героя», герои участвуют в приключениях, поэтому жанр такой игры называется «Приключения». Остальные антропонимы группируются вокруг двух главных имен – антагониста и протагониста. Они представляют либо антагонистов, стоящих иерархически ниже главного противника (*Кирс, возрожденный пламенем, Эвитерно, первый кающийся*), либо второстепенных персонажей, помогающих протагонисту (*Перпетва, Эсдрес, Деограсиас*). При этом все имена, имеющие отношение к группе антагониста, имеют четкую мотивировку. Например, антропоним *Кирс, возрожденный пламенем*, дает представление о визуальном образе персонажа. А для определения мотивировки имен из группы протагониста нужно обратиться к религиозным и иным источникам. Например, антропоним *Эсдрес*, в основу которого легла отсылка на пророка Ездру, иудейского священника, писания которого основывают книгу Ездры (каноничную часть Ветхого Завета) [7]. В персонаже отождествляется стремление Ездры служить Богу во всех начинаниях и защищать людей, наделенных Божьей благодатью.

Последняя группа онимов, формирующих ономастическое пространство игры *Blasphemous II*, – экклезионимы. Это имена собственные, обозначающие места проведения религиозных ритуалов [6]. Например: *церковь Мать Матерей, церковь Святого*

Братства, Священные захоронения и т. д. Зачастую они встречаются либо в текстовых описаниях к предметам, либо в монологах персонажей. Приведем характерный пример из текстового описания.

«...И лишь этот ноготь оторвал от себя мученик Никанор, когда заживо погребли его, содрогаящегося от боли после ужасной пытки на глазах его последователей, безмолвно рыдавших. Ноготь, едва видный в грязи, подобрал его последний ученик. Имя его неизвестно. Он обернул его тряпичей, оторванной от собственных одеяний, и в ту же ночь пошел в церковь Святого Братства. Там он спрятал ноготь между двумя камнями и ушел...»

В этом текстовом фрагменте используется экклезионим *церковь Святого Братства*. Большинство подобных названий не продвигает сюжет, а скорее создает видимость живого мира на игровом фоне. Безусловно, экклезионимы можно было бы рассматривать в составе топонимов или хоронимов, однако в этих местах происходили религиозные таинства без участия в мире игры.

Такие имена собственные уникальны, они присущи конкретно данной игре. Их уникальность заключается в том, что они стали результатом смешения жанров внутри этой игры. Связь экклезионимов с религиозной тематикой соотносит их с жанром готической ролевой игры, обозначение значимых для игры мест характерно для жанра «приключение», большое количество хрематонимов, использованных для наименования внутриигровых предметов, представляющих жанр Метроидвании. На этом основании мы можем говорить об особом назначении экклезионимов – маркировать Blasphemous II как игру смешанного жанра. Это выражается в смешении и пересечении экклезионимов с другими именами собственными в разноуровневых контекстах игры.

Подводя итог, обратим внимание на следующие моменты. Имена собственные могут накапливать в себе внутритекстовую информацию, являться частотными единицами в игре конкретного жанра, выполнять все заложенные в них авторами функции: идентифицировать предметы, называть локации, давать информацию о мире игры и создавать иллюзию реального мира.

Значительное преобладание хрематонимов (названий внутриигровых предметов) в ономастике игры Blasphemous II – признак жанра «Метроидвания», т. к. хрематонимы обозначают большое количество внутриигровых предметов, необходимых для прохождения игры. Топонимы в готическом стиле – маркер жанра «ролевая игра», т. к. они погружают в дискурсивное пространство игры, создают определенную атмосферу. Наличие антропонимов и теонимов, по-разному номинирующих персонажей двух противопоставленных групп – группа протагониста и группа антагониста – признак жанра «Приключение», т. к. они маркируют противоборствующие группы. Экклезионимы косвенно связаны со всеми тремя жанрами. Они создают фон игры смешанного жанра, связывают между собой все другие онимы, вводят их и дополняют информацией.

Таким образом, имена собственные в дискурсивном пространстве игры являются универсальными жанрообразующими единицами, которые способны быть причиной порождения текста. При выборе имен собственных разработчики игры соотносят их с конкретным жанром.

Список литературы

1. Алов А.А., Владимиров Н.Г., Овсиенко Ф.Г. Католицизм в России // Католицизм, протестантизм, армянская апостольская церковь в России. М., 1995. С. 6–42.
2. Богомазова В.В., Ионова Т.А., Кулешова П.П. Лексические и грамматические проблемы перевода в процессе локализации англоязычных компьютерных игр // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 3. С. 13–18.
3. Великович Л.Н. Католицизм в современном мире. М., 1981.

4. Кичичева Н.А. Проблемы перевода реалий и имен собственных в видеоиграх // Научные междисциплинарные исследования. 2020. № 3(2). С. 11–5.
5. Лукашова С.С., Журавский А.В. Братства православные // Православная энциклопедия. М., 2003. С. 201–213.
6. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А.В. Суперанская. М., 1978.
7. Православная энциклопедия: в 70 т. / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М., 2001. Т. 16.
8. Савельева О. Апокрифическая повесть «Страсти Христовы» // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX вв. Петрозаводск, 1994. С. 76–83.
9. Часовский П.В. Социопсихолингвистический анализ компьютерно-игрового дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2019.
10. Югай И.И. Компьютерная игра как жанр художественного творчества на рубеже XX–XXI веков: дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2008.
11. Яблоков К.М. Исторические компьютерные игры как способ моделирования исторической информации // История и математика: Анализ и моделирование социально-исторических процессов: Альманах / Ред. С.Ю. Малков, Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев. М., 2007.
12. Bloom C. Gothic histories: the taste for terror, 1764 to the present. L.; N.Y., 2010. Vol. VIII.
13. Thomas D., Orland K., Steinberg S. The videogame style guide and reference manual. Columbia, 2007.

* * *

1. Alov A.A., Vladimirov N.G., Ovsienko F.G. Katolicizm v Rossii // Katolicizm, protestantizm, armyanskaya apostol'skaya cerkov' v Rossii. M., 1995. S. 6–42.
2. Bogomazova V.V., Ionova T.A., Kuleshova P.P. Leksicheskie i grammaticheskie problemy perevoda v processe lokalizacii angloyazychnyh komp'yuternyh igr // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2023. № 3. S. 13–18.
3. Velikovich L.N. Katolicizm v sovremennom mire. M., 1981.
4. Kichicheva N.A. Problemy perevoda realij i imen sobstvennyh v videoigrah // Nauchnye mezhdisciplinarnye issledovaniya. 2020. № 3(2). S. 11–19.
5. Lukashova S.S., Zhuravskij A.V. Bratstva pravoslavnye // Pravoslavnaya enciklopediya. M., 2003. S. 201–213.
6. Podol'skaya N.V. Slovar' russkoj onomasticheskoy terminologii / Otv. red. A.V. Superanskaya. M., 1978.
7. Pravoslavnaya enciklopediya: v 70 t. / pod obshch. red. Patriarha Moskovskogo i vseya Rusi Aleksiya II. M., 2001. T. 16.
8. Savel'eva O. Apokrificheskaya povest' «Strasti Hristovy» // Evangel'skij tekst v russkoj literature XVIII–XX vv. Petrozavodsk, 1994. S. 76–83.
9. Chasovskij P.V. Sociopsiholingvisticheskij analiz komp'yuterno-igrovogo diskursa: dis. ... kand. filol. nauk. Chelyabinsk, 2019.
10. Yugaj I.I. Komp'yuternaya igra kak zhanr hudozhestvennogo tvorchestva na rubezhe XX–XXI vekov: dis. ... kand. iskusstvovedeniya. SPb., 2008.
11. Yablokov K.M. Istoricheskie komp'yuternye igry kak sposob modelirovaniya istoricheskoy informacii // Istoriya i matematika: Analiz i modelirovanie social'no-istoricheskikh processov: Al'manah / Red. S.Yu. Malkov, L.E. Grinin, A.V. Korotaev. M., 2007.

Genre specificity of proper nouns in computer game “Blasphemous II”

The article deals with the specificity of the proper nouns as the genre markers of the computer game. There is demonstrated the potential of the proper nouns to mark the features of three most popular genres: role play, action and adventures at the example of the videogame “Blasphemous II”.

Key words: *computer game, genre, onomastics, chrematonym, toponym, anthroponym, eklezionym.*

(Статья поступила в редакцию 15.12.2023)

В.А. БУРЯКОВСКАЯ
(Волгоград)

ЛОКАЛИЗАЦИЯ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Целью данной статьи является выявление языковых особенностей локализации англоязычных компьютерных игр к русской лингвокультуре. В качестве материала исследования была выбрана компьютерная игра "The Elder Scrolls IV: Oblivion". При анализе локализации данной игры к русской лингвокультуре применялись следующие методы: гипотетико-дедуктивный метод, метод интроспекции, метод сплошной выборки, сопоставительный анализ перевода, метод контекстуального анализа.

Ключевые слова: локализация, культурная адаптация, перевод, точность перевода, контекст, ошибки при переводе, игра.

Сегодня компьютерные игры не только рассматриваются учеными как область IT-культуры, но и привлекают внимание лингвистов, поскольку игры при переводе проходят культурную адаптацию, которая требует от переводчика определенных фоновых знаний [2, с. 13–19; 8; 9]. «Компьютерная игра представляет собой аудиовизуальный продукт, такой же, как кинофильм, телевизионная программа, поэтому перевод компьютерной игры имеет много общего с такими видами киноперевода, как дублирование в кино, перевод субтитров и т.п. Но компьютерная игра – это еще и программный продукт, что сближает этот перевод с локализацией программного обеспечения», – замечает А.Т. Анисимова [1]. Укажем, что под локализацией в самом общем виде понимается процесс адаптации программного обеспечения под конкретные национальные требования.

Особое внимание уделяется лингвокультурной адаптации, под которой понимается процесс приспособления иностранного текста к культуре языка перевода. «Лингвокультурный компонент является неотъемлемой частью локализации, так как для успешного проведения игрового процесса продукт должен быть адаптирован к мироощущению потребителей», – утверждает А.П. Сафронова [4, с. 52].

В современной теории перевода термин «адаптация» используется преимущественно в двух значениях. Во-первых, для определения конкретного переводческого приема, который заключается в «замене неизвестного известным, непривычного привычным», во-вторых, для обозначения способа достижения равенства коммуникативного эффекта в тексте оригинала и тексте перевода. В этом случае адаптация понимается как приспособление текста при помощи определенных процедур к предельно адекватному, «вполне соответствующему, совпадающему, тождественному» его восприятию читателем иной культуры [3, с. 122].

«Локализация компьютерной игры является комплексным процессом, который обычно включает в себя: перевод игры, культурную адаптацию продукта, техническую адаптацию, адаптацию к праву целевой страны», – полагает Д. Соснин [6]. Для того чтобы игру действительно приняли в целевой стране, одного перевода недостаточно – нужно убедиться в том, что потребители поймут все, что хотели сказать авторы. При этом нередко бывает так, что сделанную американцами игру локализуют для России не с оригинальной версии, а с французской или немецкой локализации. Такой подход серьезно осложняет задачу переводчикам.

Среди локализаций видеоигр различают профессиональные и любительские локализации. Профессиональная локализация – это локализация, подготовленная профессиональной студией, в то время как любительская локализация – это локализация, раз-

работанная фанатом или группой фанатов игры [6]. «Сюжетно-ролевые компьютерные игры являются наиболее трудоемким исходным материалом для переводчика. Однако независимо от жанра переводчику в процессе работы приходится решать целый ряд переводческих проблем: игровой интерфейс, сообщения об ошибках, дублированные видео или аудио, а также субтитры к ним, информационные файлы, описывающие объекты в игре (например, оружие или предметы экипировки), карты, катсцены (внутриигровые видеоролики), справочные файлы, руководства, игровые подсказки или советы, утилиты, руководства по установке, файлы настроек джойстика или геймпада, игровые титры, упаковка игры, файлы readme, инструкции по установке патчей (программ, исправляющих ошибки в игре), модов и т.д. Усложняет задачу и то, что тексты для перевода могут быть включены в текстовые файлы, документы Microsoft Word, электронные таблицы Excel, базы данных Access, HTML-код, исходный код или быть частью битовых графических изображений. Даже в рамках одного и того же проекта по локализации игры переводчику может потребоваться переключение между различными файловыми форматами, программами и утилитами, которые также могут быть разработаны самим производителем продукта», – полагает А.П. Сафронова [4, с. 305–306].

Вслед за А.Т. Анисимовой будем опираться на следующую классификацию игровых программ по жанрам:

1) «шутеры» (от англ. shooters – «стрелялки») – тактические динамические игры, основанные на азарте, требующие от игроков точности, скорости, реакции;

2) игры-стратегии характеризуются тем, что игроку для достижения цели необходимо применять стратегическое мышление – анализировать и оценивать не только текущую ситуацию, но и думать о том, как и какое преимущество можно получить в будущем;

3) сюжетно-ролевые компьютерные игры (RPG – Role Playing Game), характеризующиеся продуманным сюжетом и игровым миром, в котором игрок выполняет роль компьютерного персонажа [1].

Перейдем к анализу локализации игры “The Elder Scrolls IV: Oblivion”. Первую российскую локализацию игры выполнила компания 1С; были переведены все игровые тексты, однако при этом в локализации не был учтен пол персонажа – реплики игрока и обращения к нему были переведены в мужском роде, равно как и некоторые реплики, общие для нескольких персонажей. В первой локализации отсутствует русское озвучивание персонажей, за исключением речи императора Уриэля Септима в начальном и конечном роликах игры.

Недовольство пользователей отсутствием русского озвучивания привело к тому, что Евгением Синельниковым вместе с группой фанатов игры было сделано русскоязычное озвучивание игры. Позже 1С выпустила Золотое издание игры “The Elder Scrolls IV: Oblivion”. Золотое издание полностью на русском языке, с озвученными профессиональными актерами диалогами и существенно обновленным переводом.

В анализируемой игре локализаторы столкнулись с несколькими сложностями: перевод названий растений и цветов, перевод имен собственных, перевод игровых реалий, выбор соответствующего лексического значения при полисемии, сохранение стилистической окраски текста игры.

Контекст имеет первостепенную важность в процессе локализации, т. к. некоторые слова имеют несколько значений, каждое из которых может использоваться в реалиях какой-либо игры. Например, слово *chest* имеет два наиболее часто используемых лексических значения: *сундук* и *грудная клетка*, поэтому при его переводе необходимо знать конкретный контекст его использования: “*The chest is hidden behind the furthest door*” и “*To protect your chest use armor*”. В данных контекстах лексическое значение этого слова очевидно: *сундук* в первом случае и *грудная клетка* – во втором. Однако при переводе следующего предложения (“*Enter the cave and look for the chest of the Ancient King*”)

локализаторам приходится либо проследить дальнейшее развитие этого сюжета для нахождения однозначного ответа, либо перевести эти формулировки в завуалированном виде: «Войди в пещеру и отыщи наследие Древнего Короля». Переводчиками был выбран вариант *наследие*, т. е. лексема с более широким значением, нежели *сундук*.

Для перевода названий растений и цветов в игре локализаторам часто приходилось обращаться к ботаническим справочникам, т. к. большинство растений, представляющих флору данной игры, является, с одной стороны, реально существующими, но с другой стороны, вымышленными. Например, такие названия как *Flame Stalk* и *Fungus Stalk* получили следующие переводы *Огненный гриб* и *Грибная трава*. В обоих английских названиях использовано слово *Stalk*, однако переведено оно по-разному. Согласно словарю, слово *Stalk* имеет несколько подходящих под ситуацию лексических значений: *стебель, черенок, ствол, ножка*, при этом ни *гриб*, ни *трава* не упоминаются [7]. Значит, в этой ситуации локализаторы ориентировались, скорее всего, на внешний облик объекта, нежели на собственно лексическое значение слова, уступив точности перевода в пользу образности.

Отдельного рассмотрения требует локализация в игре имен собственных. Большинство имен переведено при помощи транслитерации: *Azura* – *Азура*, *Uriel Septim* – *Уриэль Сэнтим*, *Sheogarath* – *Шеогорат*. Однако некоторые имена собственные, представленные антономазией, были переведены на русский язык с целью передачи особенностей характера этих героев: *Agnette the Pickled* – *Агнетта Подшофе* – здесь прямое значение слова *pickled* – *маринованный*, переводчик решил уйти от него и выбрал метафорическое значение, обозначив характерную черту персонажа, находящегося навеселе. Другая номинация *Wheedle* – *Химпюга* образована от английского глагола *weedle*, означающего «вводить в заблуждение с помощью уговоров или обещаний» [7].

Внутриигровые книги и письма целиком посвящены игровым реалиям и для их локализации требуется достаточное понимание контекста, внутриигровых закономерностей и даже истории конкретного игрового мира. Например, можно проанализировать локализацию следующей выдержки из книги мира Oblivion “Darkest Darkness”:

Most Daedric servants can be summoned by sorcerers only for very brief periods, within the most fragile and tenuous frameworks of command and binding. This fortunately limits their capacity for mischief, though in only a few minutes, most of these servants can do terrible harm to their summoners as well as their enemies. – Большинство слуг даэдра может быть призвано колдуном только на очень короткий период, на тонкой и хрупкой грани между принуждением и соединением. Это ограничивает возможность причинить вред, хотя всего за несколько минут большая часть этих слуг может нанести непоправимый урон как тем, кто призвал их, так и их врагам.

В данном отрывке четко виден книжный стиль, характеризующийся длинными предложениями, осложненными поясняющими конструкциями и книжной лексикой. В первом предложении оригинала данного отрывка мы можем наблюдать грамматическую конструкцию в пассивном залоге “*servants can be summoned*”. Также следует отметить и стилистически окрашенную фразу “*within the most fragile and tenuous framework of command and binding*”. Например, слова “*most fragile and tenuous*” выражают трепетное отношение автора к далее упомянутым “*frameworks of command and binding*”, а сочетание синонимов “*fragile and tenuous*” усиливает эффект высказывания. Данная фраза связана со словосочетанием “*very brief periods*” аккумулятивной связью и, соответственно, характеризует его, чему способствует эмоциональная окраска фразы. Второе предложение также богато стилистическими средствами. В частности, ярко выражена эмоциональность высказывания. При помощи слова *fortunately* автор выражает свое отношение к ситуации, а эпитет *terrible*, характеризующий слово *harm*, добавляет речи экспрессивность.

В русской версии данного отрывка мы видим, что большинство грамматических, лексических и стилистических нюансов было весьма точно передано при помощи рус-

ских аналогичных конструкций. Исключение составили лишь опущенные слова *most* и *fortunately*, несущие эмоциональную окраску, для придания русскоязычному тексту большей официальности, характера справочных материалов.

Что касается неточности перевода, то первое, что бросается в глаза, – это неуместность русского «за несколько минут», в то время как в оригинальной версии, скорее всего, имелось в виду «через несколько минут».

В этом отрывке, как и в предыдущем, четко виден книжный стиль, характеризующийся длинными предложениями, осложненными поясняющими конструкциями и книжной лексикой:

Worshippers may bind other Daedric servants to this plane through rituals and pacts. Such arrangements result in the Daedric servant remaining on this plane indefinitely – or at least until their bodily manifestations on this plane are destroyed, precipitating their supernatural essences back to Oblivion. Whenever Daedra are encountered at Daedric ruins or in tombs, they are almost invariably long-term visitors to our plane. – Верующие могут привязать к этому миру слуг даэдра при помощи договоров и ритуалов. В результате таких соглашений слуги даэдра остаются в нашем мире навсегда – или, по крайней мере, до тех пор, пока не будут уничтожены их телесные воплощения в нашем плане, тогда их сверхъестественная сущность будет отброшена в Обливион. Когда даэдра встречаются в гробницах или развалинах зданий, некогда принадлежавших им, они могут оставаться в нашем плане почти сколь угодно долго.

Выделим второе предложение с причастиями настоящего времени “*remaining on this plane indefinitely – or at least until their bodily manifestations on this plane are destroyed, precipitating their supernatural essences back to Oblivion*”, характеризующими словосочетание “*Daedric servant*”. Данная конструкция в целях более точного выражения мысли содержит также поясняющую вставку-обособление, вступающую в некоторое противоречие со словом *indefinitely*, обособленную от остального предложения с одной стороны при помощи тире, а с другой – при помощи запятой. Третье предложение демонстрирует нам еще один пример использования пассивного залога. Кроме того, оно содержит составной эпитет *invariably long-term*, применяемый к слову *visitors*, что в целом повышает экспрессивность и точность речи.

В русской локализации этого отрывка во втором предложении прослеживается замена определения сказуемым, которое выражено глаголом, т. к. такая конструкция более характерна для русского языка. Поясняющая вставка, обособленная знаками препинания, была сохранена в русском переводе. В третьем предложении мы снова можем наблюдать замену пассивного залога активным, т. к. пассивный залог более свойственен английскому языку, нежели русскому, и в некоторых русскоязычных конструкциях, как, например, в представленной нами, будет звучать неуместно и нелепо.

Из ошибок можно отметить не слишком удачно переведенное слово *worshippers* (переведено как *верующие*), что может запутать русскоязычного игрока, более удачным вариантом перевода, наверное, могло бы стать нейтральное слово *почитатели*, т. к. оно обозначает некоторую группу людей, характеризующуюся почтительным отношением к чему-либо, в отличие от слова *верующие*, которое ассоциируется, прежде всего, с христианской церковью. Следует также отметить перевод слова *plane*, четырежды встречающегося в тексте. Имеется в виду, конечно же, такое значение этого слова, как *мир*, или *реальность*, или *измерение*, т. к. в данном контексте мир человеческий «Мундус» (в тексте книги *наш мир*) противопоставляется Обливиону, миру демонов-даэдра. В русском переводе сначала используется *наш мир*, однако впоследствии локализаторы отдали предпочтение слову *план* в качестве русского аналога. Получившиеся конструкции звучат непонятно и неуместно, затрудняя понимание текста.

Обобщая вышесказанное, подведем основные итоги. Анализ компьютерной игры «The Elder Scrolls IV: Oblivion» показал, что основные трудности при локализации игры были связаны с адекватной интерпретацией игрового контекста, которая требует от пе-

реводчиков наличие знаний в разных областях. Непременным условием адекватного перевода являются высокая языковая подготовка и компетентность переводчика, которая позволяет ему ориентироваться в игровом контексте и выбирать наиболее подходящие лексемы, сохранять общую тональность игры, в том числе и ее стилистические нюансы, и точно передавать смысл команд. При локализации игры невозможно обойтись без фоновых знаний исходной культуры и культуры страны локализации. Отдельную сложность для переводчика составляет техническая сторона, характерная для игры как программного продукта.

Список литературы

1. Анисимова А.Т. Феномен компьютерной игры в переводоведческом дискурсе [Электронный ресурс] // Научный вестник Южного института менеджмента. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-kompyuternoy-igry-v-perevodovedcheskom-diskurse> (дата обращения: 12.12.2023).
2. Богомазова В.В., Ионова Т.В., Кулешова П.П. Лексические и грамматические проблемы перевода в процессе локализации англоязычных компьютерных игр // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 3(03). С. 13–19.
3. Никонов В.М. Социо- и лингвокультурологические проблемы адаптации коннотативных единиц языка в тексте // Проблемы культурной адаптации текста. Тезисы докладов международной научной конференции. Воронеж, 1999. С. 122–124.
4. Сафронова А.П. Этико-правовые аспекты перевода компьютерных игр // Научный альманах. 2017. № 4-2(30). С. 304–310.
5. Саяхова Д.К. Лингвокультурная адаптация текста при переводе (на материале видеоигр) // Казанский лингвистический журнал. 2020. № 1(3). С. 52–63.
6. Соснин Д. Локализация как особый вид перевода [Электронный ресурс] // Бюро переводов Sialia Global. 2019. URL: <https://sialia.global/2019/08/14/game-localization/> (дата обращения: 28.12.2023).
7. Cambridge English-Russian Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/англо-русский/> (дата обращения: 20.12.2023).
8. Mangiron C. Games without borders: The cultural dimension of game localization [Electronic resource]. URL: https://www5.uva.es/hermeneus/wp-content/uploads/arti06_18.pdf (дата обращения: 20.12.2023).
9. O'Hagan M., Mangiron C. Game Localization. Amsterdam, Philadelphia, 2013.

* * *

1. Anisimova A.T. Fenomen komp'yuternoy igry v perevodovedcheskom diskurse [Elektronnyj resurs] // Nauchnyj vestnik Yuzhnogo instituta menedzhmenta. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-kompyuternoy-igry-v-perevodovedcheskom-diskurse> (data obrashcheniya: 12.12.2023).
2. Bogomazova V.V., Ionova T.V., Kuleshova P.P. Leksicheskie i grammaticheskie problemy perevoda v processe lokalizacii angloyazychnyh komp'yuternyh igr // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2023. № 3(03). S. 13–19.
3. Nikonov V.M. Socio- i lingvokul'turologicheskie problemy adaptacii konnotativnyh edinic yazyka v tekste // Problemy kul'turnoj adaptacii teksta. Tezisy dokladov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Voronezh, 1999. S. 122–124.
4. Safronova A.P. Etiko-pravovye aspekty perevoda komp'yuternyh igr // Nauchnyj al'manah. 2017. № 4-2(30). S. 304–310.
5. Sayahova D.K. Lingvokul'turnaya adaptaciya teksta pri perevode (na materiale videoigr) // Kazanskij lingvisticheskij zhurnal. 2020. № 1(3). S. 52–63.
6. Sosnin D. Lokalizaciya kak osobyj vid perevoda [Elektronnyj resurs] // Byuro perevodov Sialia Global. 2019. URL: <https://sialia.global/2019/08/14/game-localization/> (data obrashcheniya: 28.12.2023).

Localization of computer games as a translation problem

The aim of the paper is to reveal the linguistic peculiarities of the localization of the English computer games to the Russian linguistic culture. The study was based on the computer game "The Elder Scrolls IV: Oblivion". The following methods were used to analyze the localization of this game to the Russian linguistic culture: hypothetic-deductive method, introspective method, continuous sampling method, comparative analysis of translation, method of contextual analysis.

Key words: *localization, cultural adaptation, translation, accuracy of translation, context, translation mistakes, game.*

(Статья поступила в редакцию 08.01.2024)

Т.А. ИОНОВА
Волгоград

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ КИНОТЕКСТА В СВЕТЕ
ИНТЕРПРЕТАТИВНОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА
(на материале англоязычных сериалов)**

Посвящена изучению специфики переводческих приемов при передаче культурно-маркированных лексических единиц в кинотексте. Рассматриваются различные подходы в выборе стратегий адаптации иноязычной кинопродукции для русскоязычной аудитории.

Ключевые слова: *кинотекст, переводческая стратегия, лингвокультурная адаптация, культурно-маркированная лексика, стилистические трансформации.*

Начиная с середины прошлого столетия общие процессы глобализации нашли отражение в тенденции к поиску принципиально новых подходов к процессу межкультурного взаимодействия. Переводоведение не стало исключением, современная реальность обуславливает принципиально новые подходы к осмыслению деятельности переводчика, которая не ограничивается пословным переносом слов с одного языка на другой, прослеживается тенденция к творческому переосмыслению, адаптации текста кинопродукта к иной культурной среде, появляются альтернативные термины: «локализация», «адаптация» «творческое переписывание» (versioning), «интерпретационный перевод» [3, с. 56–74].

Перевод был по-новому осознан как межкультурное взаимодействие. К числу наиболее ярких идей конца XX в. относят интерпретационизм – подход, при котором значения вычисляются интерпретатором, а не содержатся в языковой форме [5, с. 121]. Пе-

реводятся не языки, а тексты, вписанные в определенную социально-культурную действительность. Основной задачей переводчика является не просто перевод, а адаптация произведения к культурной парадигме реципиента. Под адаптацией в современном переводе (в узком смысле) понимается прием, призванный заменить «непривычное привычным» [11], в широком смысле адаптация – это использование техник, позволяющих достичь равного коммуникативного эффекта и у аудитории носителей языка оригинала текста, и у реципиентов перевода. Подобная адаптация, определяемая как социокультурная, обуславливает выбор переводческих стратегий и преобразований, направленных на сохранение максимальной эквивалентности коммуникативного эффекта текста оригинала и текста перевода. Таким образом, перед переводчиком стоит сложная задача создать продукт, в котором бы не искажался авторский замысел исходного текста при переносе его в иную культурную среду. На сегодняшний день одной из самых актуальных сфер межкультурного взаимодействия, где востребована деятельность переводчика, является киноиндустрия. Несмотря на наличие значительного количества статей и диссертационных исследований, посвященных изучению аспектов киноперевода (С.Ф. Беляев, В.Е. Горшкова, Р.А. Матасов, Н.С. Скоромыслова и др.), кинотекст остается предметом дискуссий как ученых и профессиональных переводчиков, так и зрителей. Кроме того, нельзя отрицать тот факт, что кинотекст остается произведением с наибольшей степенью «вовлеченности в процесс межкультурной коммуникации» [9, с. 8] и суггестивная значимость кинематографа обуславливает актуальность рассмотрения процессов интеркультурной адаптации кинотекстов. Кинотекст рассматривается нами как креолизованный текст. Вслед за А.В. Федоровым мы понимаем под кинотекстом «сообщение, содержащее информацию и изложенное в любом виде и жанре кинематографа» [10, с. 33–38].

Не вызывает сомнения тот факт, что сегодня Интернет практически заменил собой телевидение. Широкая распространенность различных интернет-платформ для просмотра кинофильмов способствовала появлению такого феномена, как альтернативные студии озвучивания кинопродукции, зрители получили возможность просмотра русскоязычной версии новых серий полюбившихся сериалов уже на следующий день после выхода эпизода на языке оригинала. Кроме того, у российских кинолюбителей появился выбор переводческой студии, характеризующейся своими собственными переводческими стратегиями. Необходимо отметить, что альтернативные переводческие студии более свободны в выборе способов адаптации или локализации кинотекста, зачастую их версии перевода довольно сильно разнятся и с оригиналом, и друг с другом. Материалом настоящего исследования послужил один из самых рейтинговых сериалов последних лет «Сверхъестественное» (“Supernatural”). В основе сюжета картины приключения двух братьев, которые на старом «Шевроле» колесят по стране и расследуют паранормальные явления. Снятый в жанре черного фэнтези сериал продлился рекордные пятнадцать сезонов и стал действительно культовым. С переводческой точки зрения данное кинопроизведение представляет собой, с одной стороны, сложную, а с другой, интересную задачу для переводчиков ввиду наличия в нем как большого количества отсылок к явлениям культурного наследия (широкое использование прецедентных феноменов, аллюзий, литературных реминисценций), так и значительного количества обращений к особым языковым конструкциям, свойственным языку современного социума (сленг, жаргонизмы, регионализмы и т. д.). Нами были рассмотрены три версии озвучивания (официальной студии канала РЕН ТВ, LostFilm и NovaFilm). При выборе студий мы руководствовались несколькими принципами: все студии являются профессиональными, представляют многоголосое озвучивание, работают на рынке перевода кинопродукции длительный срок и имеют высокие зрительские рейтинги. В определении переводческих способов адаптации культурно-маркированной лексики мы опирались на клас-

сификацию переводческих трансформаций В.Н. Комисарова и Л.К. Латышева, выделяющих лексические, морфологические, синтаксические, смешанные и стилистические трансформации [6; 8]. Анализ материала показал, что выбор тех или иных переводческих приемов в большинстве случаев был направлен на передачу следующих явлений и адаптацию их для российского зрителя:

- передача интертекстуальных отсылок;
- передача культурных реалий;
- раскрытие характера персонажей;
- передача фразеологизмов;
- передача стилистически сниженной и сленговой лексики.

Анализ приемов передачи интертекстуальных отсылок. Опираясь на определения Ю. Кристевой и Р. Барта [1; 7], мы понимаем под интертекстуальностью «соотнесенность текста с другими текстами», а понятие «интертекстуальная отсылка» рассматриваем как родовое для таких явлений, как аллюзии, крылатые выражения, цитирования, реминисценции и т. д. Поскольку сюжет сериала строится вокруг сверхъестественных и паранормальных явлений, в тексте встречается значительное количество отсылок к общемировым текстам культуры (библейским текстам, текстам легенд, мифов, сказок, культовых литературных и кинематографических произведений и т. д.), при передаче которых наиболее частотными приемами служат: калькирование (Angel of the Lord – Ангел Божий), прямой перевод (The apocalypse – Апокалипсис), транслитерация. Например, во фразе “*Such anger, young Skywalker*” («Сколько гнева, юный Скайуокер») прослеживается отсылка к главному герою культового фильма «Звездные войны», не нуждающаяся в декодировании для русскоговорящей публики.

Среди наиболее частотных приемов, применяемых студиями, можно выделить модуляцию, эквивалентную замену, импликацию и экспликацию. Выбор средств и приемов лингвокультурной адаптации зависит от переводческой стратегии. Так, например, фразу “*That, my friend, is the \$64 question*” студии переводят по-разному.

Оригинал	Перевод официально-го канала РЕН ТВ	Перевод студии NovaFilm	Перевод студии LostFilm
<i>That, my friend, is the \$64 question</i>	<i>Это стоим 64 доллара</i>	<i>А это, друг мой, вопрос на миллион</i>	<i>А вот это, мой друг, вопрос на миллион</i>

В данном примере выражение “\$64 question” является идиомой, которая означает ‘*it is a question that is very important and difficult or complex to answer*’ – ‘важный вопрос, на который трудно ответить’. Это отсылка к известному шоу 1940-х гг. «Take It or Leave It», где главный приз как раз и составлял 64 серебряных доллара. Русскоязычному зрителю данная аллюзия не понятна, и переводчик мог пойти по пути простой передачи смысла ‘каверзный вопрос, очень трудный вопрос’. Однако в русской культуре есть аналогичное шоу, где приз составляет миллион, и переводчики двух студий постарались сохранить игру слов, связанную с деньгами, поэтому передали эту реплику при помощи устойчивого выражения, которое можно часто встретить в русском языке, «вопрос на миллион» (прием адекватной замены).

Достаточно часто в исследуемом материале встречаются ситуации, когда переводчики не передавали аллюзию на другой язык, а создавали ее там, где изначально и не было. Так, следующая реплика: “*Turn out she was a kept-woman of powerful congressman. Gossip blog said he worshipped the ground she walked out, literally. He had food fe-*

tish», – максимально близко переведена в версии официального канала: «Оказывается, она была содержанкой одного влиятельного конгрессмена. Блог со сплетнями сообщает, что он боготворил землю, по которой она ходила. Буквально. У него... э-эм, фут-фетиш», тогда как две другие студии используют отсылку к известной песне В. Маркина (которая знакома русскоязычной аудитории), и в их переводе мы видим «...он целовал песок, по которому она ходила...». В этой версии переводчики также используют прием экспликации и поясняют: «<...> фут-фетиш, он тащился от ступней». Поскольку общий тон реплики в фильме довольно ироничный, то подобная замена не меняет авторской интенции, а делает фразу еще более колоритной. Необходимо отметить, что добавление аллюзий характерно для переводческой студии LostFilm, многие фанаты отмечают особый колорит этой озвучки, ее максимальную приближенность к русской лингвокультуре. Так, в одной из сцен Сэм призывает брата немедленно действовать: «Там за окном уже Великий потоп, а мы тут плюшками балуемся». Здесь можно говорить о приеме метафоризации: отсылка к реплике мультяшного персонажа ассоциируется с максимально мирной, даже сибаритской, привычкой – неспешно и со вкусом пить чай со сладостями. Следует отметить, что в оригинальной версии текста “*It’s frigging Noha’s ark out there and we are eating pie*” отсылки к реплике Карлсона нет, однако в сцене Сэм действительно указывает на несоответствие мирной атмосферы ресторана, где Дин тщательно выбирает кусок пирога, и практически библейской грозы, царящей за окнами. К частотным приемам, используемым при передаче интертекстуальных отсылок, следует отнести и прием модуляции, например, в процитированной выше «Ноев ковчег» заменяется в переводе на ассоциирующийся с ним «Великий потоп».

Анализ преобразований при передаче культурных реалий. Среди выделенных нами в тексте сериала культурологических реалий чаще всего встречаются мифологические, этнографические и бытовые реалии. Поскольку исследуемый материал представляет собой аудиовизуальный текст, перед студиями озвучания стоит непростая задача сохранения хронометража реплики, зачастую культурологические реалии сохраняют свою изначальную форму или переводятся с помощью калькирования. Так, персонаж городских легенд *Bloody Mary* остается *Кровавой Мэри*, хотя в русской культуре есть аналогичная детская страшилка о Пиковой даме, а Кровавая Мэри ассоциируется скорее с коктейлем. Наиболее частотными приемами передачи реалий в исследуемом нами материале оказались приемы синонимического перевода, лексической замены и модуляции.

В одной из сцен происходит трагичный монолог ангела: “*And now I’m powerless. I’m hapless, I’m hopeless, I mean, why the hell not bury myself in women and decadence? Right? It’s the end, baby!*” Указывая на безнадежность ситуации, он использует яркий образ финала показа фильма, когда на экране появляется надпись «Конец». Однако для русскоязычной аудитории в этой фразе не заложен культурный код, поэтому переводчики используют синонимический перевод – «Занавес!», тем самым сохраняя пафос произносимого монолога.

В качестве примера конкретизации можно привести ономастическую замену. В одной из сцен герой предлагает демону леденец от кашля: “*Dean: Lozenge?*” (“*a small, flat sweet that you suck to make a cough or sore throat feel better*” – ‘маленькая плоская конфета для рассасывания при кашле’). В русском языке нет словарного соответствия этому слову, и наиболее точным был бы перевод «леденец от кашля», но хронометраж реплики не позволяет использовать прием описательного перевода из-за ограниченного времени – камера переходит к другому персонажу. Студии РЕН ТВ (*Леденец?*) и NovaFilm (*Пастилку?*) используют прием синонимического перевода, что не совсем точно. В версии студии LostFilm применяется конкретизация: «Холс?». Переводчики используют название самой распространенной марки пастилок от кашля в России, укладываются в хронометраж, при этом сохраняют заложенный автором смысл.

Особую сложность представляет перевод культурологических лакун. Так, в одном из эпизодов встречается слово “babysitter”, значение которого очевидно для англоязычной аудитории. Это явление типично для небольших американских городов, где часто в качестве приходящей няни за небольшую плату приглашаются подростки, живущие неподалеку. Для развития сюжета было важно, что это не постоянный работник, а изредка приходящая девочка-подросток, связь которой с пострадавшей семьей было крайне сложно вычислить. Все студии выбрали максимально приближенный вариант «нянька», хотя и не точный.

Оригинал	Перевод официального канала РЕН ТВ	Перевод студии NovaFilm	Перевод студии LostFilm
Yeah, most of my babysitters sucked	У меня няни были просто ужасные...	А у меня мерзкие няньки были...	Я как вспомню своих нянек, так вздрогну...

Приведем пример ономастической реалии: “*Damn right, they're flawed. But a lot of them try to do better, to forgive. And you should see the Spearmint Rhino*”. – «Ты прав, они порочны. Но многие из них стараются стать лучше, учатся прощать. А если бы ты видел их стриптиз-клубы». В данном случае упоминается название известной сети стриптиз-клубов «Мятный Носорог», большинству русскоязычных зрителей это название не знакомо, поэтому переводчики используют прием генерализации, заменяя конкретное название родовым понятием.

Анализ приемов передачи стилистически сниженной и сленговой лексики. Сленговые и сниженные лексемы представляют определенную сложность при переводе и требуют глубоко знания как современного языка, так и культурных особенностей аудитории, а также погружения в созданную авторами кинотекста реальность и атмосферу. В противном случае возможны ситуации непонимания. Так, например, в одной из сцен главный герой Дин, стоя под окном, кричит: “*Uncle!*” В версии официального канала эта реплика так и переведена: «Дядя!», что не вяжется с событиями, происходящими на экране: Дин пришел сообщить, что согласен на заведомо невыгодную сделку. Если учесть, что Дин в своей речи часто используют сленговые выражения североамериканского варианта языка, то эту реплику следовало перевести как «Сдаюсь!» или «Твоя взяла!» (the exclamation “*Uncle!*” is an indication of submission – analogous to “*I give up!*” – or it may be a cry for mercy, in such a game or match).

Следует отметить, что степень преобразований сниженной лексики трех студий разнится, но во всех трех русскоязычных версиях очевиден процесс цензурирования. В следующей реплике слово *dick* (vulgar slang: a man's penis) переведено с использованием приема лексической и стилистической замены, все три студии постарались избежать вулгаризма.

Оригинал	Перевод официального канала РЕН ТВ	Перевод студии NovaFilm	Перевод студии LostFilm
Your frat brothers are bigger dicks than I thought	Твои братья подлее, чем я считал	Твои кореша еще те козлы, оказывается	Твои братья сволочнее, чем я думал

При переводе сленговых выражений переводчики чаще всего стараются подобрать синонимичный перевод и сохранить общую тональность реплики. Так, в следующем примере наиболее удачная версия перевода сохраняет сленговое слово «мозгоправ» вместо «психоаналитик» и использует грамматическую замену в конструкции *lucky me*, передавая конструкцию просторечным выражением *свезло мне*:

“– *You’re my shrink? Well, lucky me. – And you’re my paranoid schizophrenic with narcissistic personality disorder and religious psychosis. Lucky me*”.

«– Так значит, вы мой мозгоправ? Вот уж мне свезло. – А вы мой параноидальный шизофреник, страдающий нарциссизмом и религиозным психозом... свезло мне».

Следует заметить, что и здесь наблюдаются случаи стилистической замены, когда авторы заменяют нейтральные слова оригинала стилистически окрашенной лексикой. Так, например, нейтральный глагол «happen» переводится как *шандорахнуть*: “*What happened to you? Life*”. – «*Что тебя так шандорахнуло? Жизнь!*».

В следующем примере мы видим также прием стилистической замены. В оригинальной фразе используется нейтральный глагол “talk” (‘*говорить, выразить мысли в устной форме*’): “*Mostly, it was the way you talked about Armageddon*”. В переводе двух студий глагол «talked» переводится словарным соответствием: «*А уж как ты говорил об Армагеддоне*». В оригинале эмоциональность передается видеорядом: жестами и мимикой героя, в переводе экспрессивность выражается через разговорное: «*А уж как...*». В переводе студии LostFilm эмоциональность передана заменой нейтрального глагола на стилистически окрашенный «*растинался*», что точнее отражает раздражение главного героя.

Анализ приемов передачи идиом. В исследуемом сериале главные герои – это современные молодые люди, их речь живая и эмоционально окрашенная, диалоги характеризуются разговорным стилем, изобилуют сленгом и жаргонизмами. В случаях передачи фразеологизмов мы наблюдаем явление рефразеологизации, или дефразеологизации. Приведем пример дефразеологизации. В данном случае, помимо приема дефразеологизации, мы видим и стилистическую замену: сленговая идиома “*to smote the crap out (to beat the shit out of smb.)*” передается общеупотребительной лексикой.

Оригинал	Перевод официального канала РЕН ТВ	Перевод студии NovaFilm	Перевод студии LostFilm
The archangel smote the crap out of him	Архангел разметал его прах	Архангелы его подчистую спалили	Архангел из него все потроха вытряс

В следующем примере официальный канал переводит фразу максимально близко к оригиналу, сохраняя значение глагола “pop” (‘*вытаскивать, высовывать*’), и заменяет в переводе только слово “box” (‘*ящик*’) на слово «клетка», поскольку в процессе перевода всего сезона использовалось именно это слово. Однако две другие студии пошли по пути практически полной замены. Так, студия NovaFilm обращается к приему идеоматизации и использует устойчивое выражение «*выпустить черта из табакерки*», а студия LostFilm применяет антонимический перевод.

Оригинал	Перевод официального канала РЕН ТВ	Перевод студии NovaFilm	Перевод студии LostFilm
Who popped Lucifer out of the box, hmm?	Кто выпустил Люцифера из клетки?	Кто выпустил черта из табакерки?	Кто Люцифера вытаскил на божий свет?

Анализ приемов передачи характеров персонажей. Сюжет сериала включает в себя не только идею борьбы со злом и спасения мира, но и развитие самих персонажей и их взаимоотношений. Речевая партия героев имеет большое значение для понимания характера персонажа, его поведения и действий. Особенности воспитания, образования и внутреннего мира главных героев влияют на выбор языковых средств. Следует отметить разный подход в выборе приемов адаптации речи героев, к которым прибегают три студии. Это особенно заметно в речи Кастиэля и Дина. Кастиэль – ангел, который служит на благо Господа, в оригинальном тексте его речь предсказуемо правильная и прямолинейная. Но в некоторых версиях можно увидеть трансформации добавления и замены. Так, во всех версиях при переводе речи Кастиэля авторы используют возвышенную лексику и архаизмы. Например, в фразе *“Now, put these boys back together and go”* глагол *“to put back together”* максимально приближенно к словарному переводу был передан официальным каналом РЕН ТВ: *«А теперь приведи их в порядок и уходи»*. Две другие студии использовали лексическую и стилистическую замены, применяя глагол *«исцелять»* с отсылкой к религиозной тематике: *«А теперь исцели ребят и прочь!»* Хотя с точки зрения самой мизансцены, когда Захария насылает на героев болезни с целью силой заставить их принять предложение, перевод РЕН ТВ более точен.

Студии LostFilm чаще других использует прием стилистической замены, их ангел говорит стихотворными рифмами, его речь изобилует церковной лексикой и архаизмами. В следующем примере оригинальная реплика: *“The voice says I’m almost out of minutes”* была передана максимально близко к оригиналу студиями РЕН ТВ и NovaFilm: *«Голос говорит, что мои минуты кончатся (время на исходе)»*, переводчики РЕН ТВ используют прием генерализации и заменяют слово *«минуты»* на более широкое – *«время»*. В версии LostFilm: *«Мне глас изрек – мои минуты на исходе»*, нейтральные слова *«voice»* и *«say»* заменяются возвышенными *глас* и *изрек*.

Особого внимания заслуживает речь главного героя сериала Дина Винчестера. С детства вовлеченный в «семейный бизнес» по поиску паранормальных явлений, не получивший нормального образования, он рано стал взрослым и привык выглядеть «крутым». Речь персонажа изобилует сленговыми словечками, жаргонизмами, стилистически сниженной лексикой и т. д. При переводе его реплик переводчики не просто старались сохранить его самобытность, но часто усиливали экспрессивность реплик. Так, в речи персонажа появился окказионализм *«очешуеть»*, впоследствии ставший интернет-мемом. Чаще всего подобным образом переводится наречие *«awesome»* (*Очешуенно!*). В версии другой студии Дин в подобных ситуациях говорит: *«Чудненько»*.

Оригинал	Перевод официального канала РЕН ТВ	Перевод студии NovaFilm	Перевод студии LostFilm
Wow	Да	Чудненько!	Очешуеть!

В переводе LostFilm Дин – это «свой парень», в его речи часто присутствуют слова-паразиты, например, слово *«хрень»*, которое заменяет собой множество служебных слов, например, указательное местоимение *that*: *“What the hell was that?”* – *«А это что еще за хрень?»*.

Все студии озвучания (хотя и в разной степени) адаптировали речь персонажей для российского зрителя, добавляя элементы отечественного культурного кода. Особого внимания заслуживает речевая партия главного героя – Дина, поскольку для этого

персонажа свойственно использование не только элементов разговорного живого языка, но и большого количества стилистических приемов: игры слов, иронии, сарказма, эпитетов и т. д. Ярким примером подобных стилистических замен служит момент начала одного из сезонов. Неожиданно воскреснув после пребывания в аду, Дин приходит к Бобби. Первая фраза, которую он говорит – “*Surprise!*”, эмоциональность сцены передана больше выражением лиц актеров. Однако в версии перевода от студии LostFilm («*Нежданчик!*») заложена большая экспрессия, как будто герой хочет показать, что он все такой же, его не сломало то, что он пережил, он способен все также шутить. Именно в переводе LostFilm речь главного героя насыщена разговорными словечками и шутками, привычными для русскоязычной публики: «*Фиг с тобой, золотая рыбка*» (ориг. “*Whatever it means*”), “*Возьми с полки пирожок*» (ориг. “*What do you want, a Pulitzer?*”).

В следующей сцене переводчики применяют прием окказиональной замены: “*Dean: You weren’t followed, were you? Bobby: You mean by angels, demons, or Sam’s new superfan? Sam: You heard. Bobby: I heard, Romeo*”. – «Дин: За тобой нет хвоста? Бобби: Ты кого имеешь в виду: ангелов, демонов или новую фанатку Сэма? Сэм: Уже доложили. Бобби: Слухами земля полнится, Ромео». В данном контексте подобные замены оправданы: Дин выпускает Бобби в дом, оглядывается и быстро закрывает дверь, т. е. ведет себя как шпион. Применение идиомы «привести за собой хвост» вполне оправдано. Сэм не просто констатирует факт, что Бобби слышал о последних событиях, а намекает, что Бобби мог получить информацию только от Дина. В свою очередь Бобби иронизирует, что он не просто слышал, а информация о влюбленной фанатке Сэма стала достоянием широкой общественности.

Иногда преобразования-замены, хотя и делают речь персонажа крайне эмоциональной и максимально адаптированной для русскоязычной публики, абсолютно уходят от оригинала, что наглядно показано в следующих примерах.

Оригинал	Перевод официального канала РЕН ТВ	Перевод студии NovaFilm	Перевод студии LostFilm
Do not order off the menu	Не заказывай того, чего нет в меню	Никаких дополнительных услуг	Камасутра нам не по карману
Suit yourself	Как хочешь	Как хочешь	Ну, как говорится, наше дело предложить

Следует сказать, что разнообразие переводческих стратегий студий озвучания находит отклик у зрителей и становится предметом споров и обсуждений на многочисленных фан-сайтах. Часть зрителей предпочитает максимально приближенный к оригиналу (прозрачный) перевод, однако стратегия максимальной адаптации сериала также имеет многочисленных фанатов.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что переводы могут не только адекватно передавать содержание кинотекста, но и делать исходный текст более ярким и эмоциональным, адаптируя и интерпретируя понятия лингвокультуры текста-оригинала к культурным кодам аудитории реципиентов, обеспечивая тем самым гармоничное межкультурное взаимодействие. Следует отметить, что разнообразие каналов просмотра кинематографического контента обеспечивает возможность выбора студии озвучания иноязычных фильмов. Варианты перевода каждой студии демонстрируют разнообразные подходы к выбору как традиционных переводческих техник, так и сти-

листических преобразований. Общим для всех студий является использование приемов лингвокультурной адаптации в случаях очевидной разницы фоновых знаний носителей языка текста оригинала и русскоязычной аудитории. К таким случаям, прежде всего, следует отнести передачу аллюзий, национальных реалий, безэквивалентных идиом и сленговых выражений. Для альтернативных студий характерно также использование широкого спектра приемов стилистических трансформаций, направленных не просто на достижение адекватного восприятия иноязычного контента, но и на сохранение коммуникативного эффекта, заложенного автором. Переводчики практически создают новое произведение, сохраняющее все идеи и особенности текста-оригинала.

Список литературы

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994.
2. Гавриленко Н.Н. Теория и методика обучения переводу в сфере профессиональной коммуникации. М., 2009. Кн. 1.
3. Гамбье И. Перевод и переводоведение на перекрестке цифровых технологий // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2016. Вып. 4. С. 56–74.
4. Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. М., 2004.
5. Горшкова В.Е. Перевод в кино: монография. Иркутск, 2006.
6. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М., 1990.
7. Кристева Ю. Избранные труды: разрушение поэтики. М., 2004.
8. Латышев Л.К. Технология перевода. М., 2005.
9. Слышкин Г.Г., Ефремова М.А. Кинотекст: опыт лингвокультурологического анализа: монография. М., 2004.
10. Федоров А.В. Терминология медиаобразования // Искусство и образование. 2000. № 2. С. 33–38.
11. Щетинкин В.Е. Пособие по переводу с французского языка на русский. М., 1987.
12. Cambridge Dictionary Online [Electronic resource]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 19.04.2023).
13. Supernatural [Electronic resource]. URL: <https://supernatural-lostfilm.net/1-lostfilm/5-season/1-episode> (дата обращения 30.01.2024).
14. Supernatural [Electronic resource]. URL: <https://ww16.0123movie.net/movie/supernatural/> (дата обращения 30.01.2024).
15. Urban Dictionary Online [Electronic resource]. URL: <https://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 19.01.2024).

* * *

1. Bart R. Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika. M., 1994.
2. Gavrilenko N.N. Teoriya i metodika obucheniya perevodu v sfere professional'noj kommunikacii. M., 2009. Kn. 1.
3. Gamb'e I. Perevod i perevodovedenie na perekrestke cifrovyyh tekhnologiy // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura. 2016. Vyp. 4. S. 56–74.
4. Garbovskij N.K. Teoriya perevoda: uchebnik. M., 2004.
5. Gorshkova V.E. Perevod v kino: monografiya. Irkutsk, 2006.
6. Komissarov V.N. Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty). M., 1990.
7. Kristeva Yu. Izbrannye trudy: razrushenie poetiki. M., 2004.
8. Latyshev L.K. Tekhnologiya perevoda. M., 2005.
9. Slyshkin G.G., Efremova M.A. Kinotekst: opyt lingvokul'turologicheskogo analiza: monografiya. M., 2004.
10. Fedorov A.V. Terminologiya mediaobrazovaniya // Iskusstvo i obrazovanie. 2000. № 2. S. 33–38.
11. Shchetinkin V.E. Posobie po perevodu s francuzskogo yazyka na russkij. M., 1987.

Linguocultural adaptation of film text in the context of the interpretative theory of translation (on the basis of the English-language series)

The article deals with the study of the specifics of the translation techniques in the process of transferring the culture-specific lexical units in the film text. There are considered the different approaches while choosing the strategies of the adaptation of the foreign language films for the Russian-language audience.

Key words: *film text, translation strategy, linguocultural adaptation, culture-specific vocabulary, stylistic transformations.*

(Статья поступила в редакцию 01.02.2024)

**Ж.С. БУДАРИНА
А.М. ШЕЙКО
Волгоград**

**ОШИБКА ИЛИ ОПЫТ? К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ОШИБОК
В ПИСЬМЕННОМ ПЕРЕВОДЕ**

Рассматривается природа переводческой ошибки и описывается опыт классификации ошибок в письменном переводе. Проанализированы ошибки студентов-лингвистов на уровне искажения смысла, выбора стилистических средств, нарушения нормы и узуса переводящего языка. Описаны закономерности совершения ошибок и выявлены потребности в развитии у будущих переводчиков таких навыков, как самокритика и саморедактирование.

Ключевые слова: *перевод, письменный перевод, профессиональная переводческая компетентность, классификация переводческих ошибок, рекламный текст, нарушение узуса переводящего языка.*

В современном многополярном мире спектр отраслей и сфер, в которых требуется письменный перевод, постоянно растет. Это обусловлено многими внешнеэкономическими и политическими причинами, а также траекторией развития Российской Федерации как государства. Н.Н. Гавриленко считает, что с точки зрения состава профессиональной деятельности переводчика письменный перевод относится к специальной компетентности, отвечающей за «профессиональные действия переводчика, т. е. знания и умения в области перевода и переводоведения» [4, с. 72]. Рассматривая процесс обучения переводу с позиции лингводидактики, нельзя не отметить, что важнейшим аспектом является эрратология, рассматривающая и анализирующая ошибки в переводческой де-

тельности [13, с. 36–44]. По мнению О.В. Максютиной, в обучении переводу роль преподавателя перевода сводится к поиску и исправлению ошибок и занимает центральное место в учебном процессе, что имеет последующий негативный фактор – стресс у студентов [6, с. 49]. Следствием стресса закономерно является снижение мотивации к обучению, что, безусловно, сводится к единственному результату – снижению качества перевода. Оценка качества перевода является ключевым вопросом переводоведения и представляет собой отступление от нормативных категорий эквивалентности и адекватности; в свою очередь, в аспекте лингводидактики термин «ошибка» рассматривается как «отклонение от правильного употребления языковых единиц и форм, являющееся результатом ошибочного действия учащегося» [1, с. 182].

Придерживаясь вышеуказанных определений ошибки, ключевым моментом в обучении переводу мы видим их классификацию для последующего прогнозирования и устранения. В статье Е.В. Тетерлевой и Ю.К. Поповой «Типы переводческих ошибок» насчитывается более семи классификаций переводческих ошибок:

- классификация ошибок с точки зрения языка (Н. Ralfsteinbach);
- классификация ошибок по степени дезинформирующего воздействия (Л.К. Латышев);
- классификация ошибок по этапам перевода, на которых они возникают (Н.К. Гарбовский, А.Б. Шевнин);
- классификация ошибок с учетом прагматики текста (В.В. Сдобников);
- классификация ошибок по принципу логичности (Д.М. Бузаджи);
- классификация ошибок по принципу мотивированности/немотивированности (М. Дебрени) [11, с. 68–70].

Данные классификации в полном объеме описывают природу ошибок с позиции переводоведения, однако если в процессе обучения мы будем рассматривать каждый учебный текст, исходя из всех возможных вариантов, то процесс будет не только весьма утомительным, но и долгосрочным, поэтому наиболее оптимальным подходом к категоризации переводческих ошибок (в рамках данного исследования) мы видим в их соотношении с определенным уровнем, как предлагается в работе Д.М. Бузаджи, В.В. Гусева, В.К. Ланчикова и Д.В. Псурцева «Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок». Авторы выделяют следующие нарушения [7; 8]:

1) при передаче смысла, связанного с денотативным содержанием текста: эта категория включает опущение, добавление, замену и неточную передачу фактической/релятивной информации;

2) при передаче стилистических характеристик оригинала: к данной категории относятся калькирование оригинала, нарушение узуса и нарушения в передаче функционально-стилевых или жанровых особенностей текста оригинала;

3) при передаче авторской оценки: сюда включена неточная передача экспрессивного фона оригинала/авторской оценки);

4) нормы и узуса переводящего языка: здесь идет речь о нарушении орфографии и пунктуации; неверной передаче имен собственных/транскрибируемых иностранных слов; нарушениях стилистических норм и требований оформления, предъявляемых к данному типу текста [7].

Отметим, что ошибки перечислены по убыванию «веса» или степени серьезности. Таким образом, ошибки первой категории самые значимые («весомые»), т. к. связаны с нарушениями при передаче смысла и, по мнению авторов классификации, могут свидетельствовать о «пробелах в базовой языковой подготовке (неумении правильно интерпретировать текст), о невнимательности, нежелании или неспособности понимать предметную действительность, стоящую за текстом» [7, с. 35], а также о недостаточной переводческой компетентности.

Для выявления закономерности появления данных нарушений в переводах обучающимся был предложен следующий текст. Принимая во внимание замечание Я.И. Рецкера о том, что «соизмеримость результатов эксперимента в значительной мере зависит от степени однородности состава выполняющих перевод» [10, с. 31], в качестве исполнителей была выбрана аудитория одинакового уровня знаний и навыков – студенты выпускного курса переводческого отделения, которые изучают английский в качестве первого иностранного языка. Студенты выпускного курса были выбраны в связи с тем, что «профессиональный и качественный перевод является видом не только речемыслительной деятельности, но и межкультурной коммуникации, а также требует особой подготовки» [2, с. 73], определенный уровень которой достигается к моменту окончания освоения программы бакалавриата и свидетельствует о «наличии у обучающихся базовой языковой подготовки (владение языковой нормой), стремления постоянно развивать умения рецептивных видов речевой деятельности, грамотности и общекультурных познаний» [Там же].

Для перевода студентам был предложен рекламный текст из каталога производителя теннисной экипировки.

Рекламный текст как особый вид текста, использующего «апеллятивный язык», был выбран для перевода не случайно. Перевод маркетингового текста призван воздействовать на эмоции и чувства получателя/потребителя, и для переводчика в этом может заключаться самая коварная ловушка. Чаще всего «прямой перевод маркетингового текста на русский язык неуместен, так как при дословном переводе стилистические приемы английского языка теряют образность – именно по этой причине при переводе рекламного текста точная передача смысла возможна только при изменении языковой формы» [14, с. 149]. Как справедливо отмечает М.Б. Раренко, «в процессе перевода рекламного текста перед начинающим переводчиком может возникнуть соблазн воспользоваться языковыми средствами того же системного уровня, что и в оригинале» [9, с. 86]. Одновременно с этим переводчику «следует сохранить в переводном тексте все виды информации в их сложном переплетении, не в одинаковой степени поддающиеся переводу» [Там же], что потребует от исполнителя безукоризненного владения родным языком и высокого уровня грамотности. Похожей точки зрения придерживается Д.М. Бузаджи, отмечая, что «умение переводчика выстраивать и реализовывать переводческую стратегию, оптимальную для текста, <...> можно считать интегральным переводческим умением, важнейшим сводным показателем теоретической и практической подготовки переводчика» [7, с. 74].

Отметим, что для исключения влияния стресса и волнения на конечный результат работы, оценивание перевода не предполагалось.

We set the standard. It's our commitment to the athlete. To create innovative products. To win. It all comes down to our passion and commitment to elevate the game of tennis for millions of players everywhere. And you can't argue with results. Our innovations have helped Wilson lead on tour with more Grand Slams being won with a Wilson racket than any other brand. Our future is built on the foundation of grassroots and fuels the next generation of tennis players. This is more than just a game. This is who we are [5].

Жирным шрифтом мы отметили потенциально сложные для перевода на русский язык обороты, которые включают согласование однородных членов, относящихся к одному глаголу, в сочетании с инфинитивной конструкцией; фразовый глагол, пассивный залог и, конечно, стилистические фигуры. При этом можно отметить, что с точки зрения содержания и лексики текст довольно прост.

При подготовке данного текста несколько вариантов его перевода было найдено в свободном доступе в сети Интернет на форуме для переводчиков в системе Multitran [12]:

Вариант 1.

Мы задаем стандарт. Это наше обязательство перед спортсменом. Создавать инновационную продукцию. Побеждать. В основе этого лежит наш энтузиазм и стремление сделать теннис доступнее для миллионов людей во всем мире. И вы не поспорите с результатами. Ракетки xxx, созданные на основе наших инновационных разработок, помогли xxx одержать больше побед в турнирах «Большого шлема», чем любые другие ракетки. <пропуск> Это больше, чем просто игра. Это мы.

Очевидно, что в тексте допущены ошибки первых трех уровней, включая ошибку содержательного плана, обладающую самым высоким «весом» (пропуск предложения: *Our future is built on the **foundation of grassroots and fuels the next generation** of tennis players*).

Студенты, желающие воспользоваться помощью коллег с переводческого форума и использовать готовый перевод, могут допустить серьезный просчет, не оценив низкое качество исполнения работы.

Вариант 2.

Мы задаем стандарт. Это наше обязательство перед спортсменом. Создавать инновационную продукцию. Побеждать. В основе этого лежит наш энтузиазм и стремление сделать теннис доступнее для миллионов людей во всем мире. И вы не поспорите с результатами: именно с ракетками Wilson, созданными с применением наших инновационных технологий, РФ <Роджер Федерер> стал первой ракеткой мира и выиграл рекордное количество турниров Большого Шлема. <пропуск> Это больше, чем просто игра. Это мы.

Следующий переводчик (в этой же ветке обсуждения на форуме) решил помочь коллегам, но, исправляя одну ошибку, допустил другую (более серьезную): немотивированное добавление информации о теннисисте Роджере Федерере ситуацию только ухудшило, дополнив копилку еще одним «весомым» нарушением при передаче смысла. В тексте также присутствуют нарушения лексического и стилистического характера (ошибки второго, третьего, четвертого уровней). Отметим, что в данном варианте пропущенное предложение (*Our future is built on the **foundation of grassroots and fuels the next generation of tennis players***) так и осталось непереведенным. Выигрышными эти варианты перевода не назовешь.

С учетом того, что в версии, размещенной в системе *Multitran*, на месте компании *Wilson* в тексте появились значки ***, можно предположить, что отрывок использовался в качестве тестового задания для отбора переводчиков (и один из соискателей, не долго ломая голову, обратился «за помощью к залу»). В размещении текста в сети Интернет мы увидели положительный момент, т. к. это, безусловно, повышает не только методическую ценность текста, но и служит своеобразным критерием его пригодности для оценки компетенций будущих выпускников в том виде, в каком их будет оценивать потенциальный работодатель.

Прокомментируем переводы, выполненные студентами.

№ 1.

Мы устанавливаем стандарты. Наша обязанность – создать инновационный продукт, который приведет спортсмена к победе. Мы стремимся сделать игру в теннис доступнее для каждого во всем мире. Результаты спортсменов лишь подтверждают нашу усердную работу. Число победителей в Большом шлеме, которые играли ракетками *Wilson*, растет. Наше будущее на прямую зависит от новых, заряженных на победу игроков. Это не просто игра. Это стиль жизнь, который выбираешь именно ты.

Помимо того, что в тексте допущена ошибка первого уровня (*Our innovations have helped Wilson lead on tour with more Grand Slams **being won with a Wilson racket than any other brand*** – Число победителей в Большом шлеме, которые играли нашими ракетками, растет), приводящая к смысловому искажению, теряется логика изложения темы, текст рассыпается на элементы, абсолютно утрачивая общую концепцию, ритмику, яркость и образность, что свидетельствует о нарушениях второго и третьего уров-

ней. Текст перегружен придаточными конструкциями и причастными оборотами, искажающими его стилистику, есть ошибки четвертого уровня (орфографические).

№ 2.

Мы и есть стандарт. Наша обязанность перед спортсменами – создавать и помогать побеждать. Мы делаем всевозможное, чтобы улучшить качество игры в теннис для миллионов спортсменов по всему миру, а результаты покупателей только подтверждают этот факт. Наши инновационные разработки настолько эффективны, что пользователи ракеток Wilson одерживают наибольшее количество побед на турнирах Большого шлема. Причина такого успеха кроется в сочетании старых традиций и новых технологий, вдохновляющих новое поколение теннисных игроков на победы. Это больше, чем просто игра. Это жизнь.

Общая лексическая неуклюжесть перевода, логическое противоречие в предложении *мы делаем всевозможное, чтобы улучшить качество игры <...>, а результаты покупателей только подтверждают этот факт*, смысловая небрежность в предложении *пользователи ракеток Wilson одерживают наибольшее количество побед на турнирах Большого шлема* вкупе с грамматическими ошибками не добавляют тексту перевода положительных характеристик. Общий замысел автора разбивается о неумение строить фразы на родном языке. Мы видим нарушения всех четырех уровней, что заставляет задуматься об ответственности исполнителя при выполнении работы.

№ 3.

Мы устанавливаем стандарты качества. Мы обязаны соответствовать высоким требованиям спортсменов. Они выбирают наши инновационные товары. Они нацелены на победу. Мы стремимся предоставить товары лучшего качества игрокам по всему миру. Результаты говорят сами за себя. С нашими разработками Wilson выиграл большее количество матчей чем теннисисты с ракетками других фирм. Мы строим будущее тенниса опираясь на прошлый опыт и поддерживаем интерес следующих поколений игроков. Это не просто игра, это образ жизни.

Этот перевод также не лишен пунктуационных ошибок, нарушены анафорические связи, наблюдается лексическое однообразие (повтор лексемы *товары*), постановка компании *Wilson* на место подлежащего приводит к смысловому нарушению (*Wilson выиграл большее количество матчей чем теннисисты*), что в общем и целом не позволяет характеризовать работу как высококачественную. В переводе отмечены нарушения всех четырех уровней, не позволяющие высоко оценить качество перевода.

№ 4.

Мы устанавливаем новые стандарты. Наше главное обязательство перед спортсменами заключается в создании инновационной продукции, которая поможет им одержать победу. Мы активно стремимся поднять игру в теннис на новый уровень для миллионов людей по всему миру. И достигнутые результаты говорят о многом. Благодаря ракеткам Wilson спортсмены завоевали первенство по количеству побед в Турнире Большого шлема. Наше будущее здесь – на теннисном корте среди нового поколения воодушевленных игроков. Это больше, чем просто игра. Это жизнь.

Этот перевод по стилистике уже приближается к рекламному тексту, тяжеловесные конструкции исполнитель постарался не использовать (или убрал в процессе редактирования текста, что говорит о развитой самокритике). Отсутствуют смысловые нарушения первого уровня, но избежать нарушений второго, третьего и четвертого уровней переводчику, к сожалению, не удалось (*активно стремимся, поднять игру на новый уровень для миллионов людей, новое поколение воодушевленных игроков*). В переводе отсутствуют пунктуационные ошибки (ошибки четвертого уровня).

№ 5.

Мы задаем новую планку игры. Наши ракетки – это синоним новых технологий, спортивных рекордов, побед. Мы преданы своему делу, мы улучшаем качество игры в теннис для миллионов спортсменов. Это доказывают многочисленные победы. Выбирая Wilson из всех ракеток

на рынке, вы достигнете небывалых высот. Спортсмены, доверяющие нам, одержали больше всего побед на турнирах «Большого шлема». Мы чтим традиции, но в то же время уверенно используем новые технологии. Так появляется новое поколение игроков в теннис. Это больше, чем игра. Это страсть.

№ 6.

Мы устанавливаем новые стандарты игры. Наше обязательство перед спортсменом – создавать инновационную продукцию. Работать на победу. Мы преданы своему стремлению повысить качество игры в теннис для миллионов людей во всем мире. Результаты говорят сами за себя. Наши инновационные разработки сделали ракетки Wilson лидером по количеству выигранных турниров Большого шлема в сравнении с ракетками других брендов. Мы движемся вперед, сохраняя традиции, навстречу новому поколению теннисных игроков. Это больше, чем просто игра. Это философия.

С учетом некоторых нарушений четвертого уровня в переводе № 5 обе работы в наибольшей степени приближены по функциональности к рекламному тексту, общая тональность и экспрессивность сохранены. Предложения связаны между собой, логическая последовательность не нарушена. Переводчики умело применили трансформации, разнообразив текст лексически и синтаксически и используя стилистические фигуры.

Подведем кратко итоги. Проведенный эксперимент наглядно продемонстрировал необходимость развития у студентов навыков саморедактирования и самокритики: повторное прочтение текста перед сдачей преподавателю позволило бы избежать орфографических, пунктуационных и грамматических ошибок (мы нарочно списываем такие ошибки на невнимательность, потому что отсутствие грамотности у студентов лингвистического направления само по себе вызывает недоумение). Нарушение языковых норм, потеря логической связности текста, отсутствие необходимых синтаксических перестроений, лексическая бедность и несоблюдение стилевых особенностей текста оригинала при переводе студентами выпускного курса говорит о недостаточном уровне их подготовки и необходимости развития переводческих навыков, переводческой компетентности и «осмысленного и творческого подхода к работе» [3, с. 2].

Список литературы

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М., 2009.
2. Бударина Ж.С. Письменный перевод в структуре профессиональной подготовки студентов-лингвистов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2023. № 9(182). С. 72–78.
3. Бузаджи Д.М. Разбор одной контрольной // Мосты. Журнал переводчиков. 2009. № 1(21). С. 61–73.
4. Гавриленко Н.Н. Попытка систематизации переводческих компетенций // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2015. № 2. С. 70–77.
5. Каталог “2013 Wilson Tennis” [Электронный ресурс]. URL: <https://www.yumpu.com/en/document/view/40612571/2013-wilson-tennis> (дата обращения: 31.01.2024).
6. Максютин О.В. Переводческая ошибка в методике обучения переводу // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 1(91). С. 49–52.
7. Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок / Д.М. Бузаджи, В.В. Гусев, В.К. Ланчиков, Д.В. Псурцев. М., 2009.
8. Письменный перевод. Рекомендации переводчику и заказчику. Приложение 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.russian-translators.ru/projects/metodologicheskie-rekomendatsii/01/> (дата обращения: 31.01.2024).
9. Раренко М.Б. Об особенностях перевода рекламы // Рекламная коммуникация: Лингвокультурный аспект: Сб. обзоров / Отв. ред. Н.Н. Трошина. М., 2011. С. 83–103.
10. Рецкер Я.И. О переводческом эксперименте // Тетради переводчика. 1974. № 11. С. 31–40.
11. Тетерлева Е.В. Типы переводческих ошибок // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2009. № 7. С. 64–71.

12. Форум Мультитран [Электронный ресурс]. URL: <https://www.multitrans.com/c/m.exe?a=4&MessNum=278813&l1=1&l2=2> (дата обращения: 31.01.2024).
13. Шевнин А.Б. Эрратология и межъязыковая коммуникация // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2004. № 2. С. 36–44.
14. Шейко А.М. Перевод маркетинговых текстов: сложности и особенности // НОМО ЛОКУЕНС (Вопросы лингвистики и транслятологии): сб. статей. Волгоград, 2016. Т. 9. С. 147–157.

* * *

1. Azimov E.G., Shchukin A.N. Novyj slovar' metodicheskikh terminov i ponyatij (teoriya i praktika obucheniya yazykam). M., 2009.
2. Budarina Zh.S. Pis'mennyj perevod v strukture professional'noj podgotovki studentov-lingvistov // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2023. № 9(182). S. 72–78.
3. Buzadzi D.M. Razbor odnoj kontrol'noj // Mosty. Zhurnal perevodchikov. 2009. № 1(21). S. 61–73.
4. Gavrilenko N.N. Popytka sistematizacii perevodcheskikh kompetencij // Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki. 2015. № 2. S. 70–77.
5. Katalog "2013 Wilson Tennis" [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.yumpu.com/en/document/view/40612571/2013-wilson-tennis> (дата обращения: 31.01.2024).
6. Maksyutina O.V. Perevodcheskaya oshibka v metodike obucheniya perevodu // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2010. № 1(91). S. 49–52.
7. Novyj vzglyad na klassifikaciyu perevodcheskikh oshibok / D.M. Buzadzi, V.V. Gusev, V.K. Lanchikov, D.V. Psurcev. M., 2009.
8. Pis'mennyj perevod – Rekomendacij perevodchiku, zakazchiku i redaktoru. Prilozhenie 4 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.russian-translators.ru/projects/metodologicheskie-rekomendatsii/01/> (дата обращения: 31.01.2024).
9. Rarenko M.B. Ob osobennostyah perevoda reklamy // Reklamnaya kommunikaciya: Lingvokul'turnyj aspekt: Sb. obzorov / Otv. red. N.N. Troshina. M., 2011. S. 83–103.
10. Recker Ya.I. O perevodcheskom eksperimente // Tetradi perevodchika. 1974. № 11. S. 31–40.
11. Teterleva E.V. Tipy perevodcheskikh oshibok // Problemy romano-germanskoj filologii, pedagogiki i metodiki prepodavaniya inostrannyh yazykov. 2009. № 7. S. 64–71.
12. Forum Mul'titran [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.multitrans.com/c/m.exe?a=4&MessNum=278813&l1=1&l2=2> (дата обращения: 31.01.2024).
13. Shevnin A.B. Erratologiya i mezhъязыkovaya kommunikaciya // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. 2004. № 2. S. 36–44.
14. Shejko A.M. Perevod marketingovyh tekstov: slozhnosti i osobennosti // НОМО ЛОКУЕНС (Вопросы лингвистики и транслятологии): сб. статей. Волгоград, 2016. Т. 9. С. 147–157.

Errors or experience? Considering the issue of the classification of errors

The article deals with the nature of the translation errors and the description of the experience of the errors' classification in the written translation. There are analyzed the errors of the linguists' students at the level of the distortion, the choice of the stylistic means, the violation of the norm and usage of the target language. The authors describe the regularities of committing errors and reveal the requirements of the development of such skills as self-criticism and self-correction of the future translators.

Key word: *translation, written translation, professional translation competence, classification of translation errors, advertising text, violation of usage of target language.*

(Статья поступила в редакцию 02.02.2024)

РОЛЬ МИНОРИТАРНОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В VUCA-МИРЕ

Посвящена роли миноритарных языков в мире нестабильности, неопределенности, сложности и неоднозначности (VUCA-мир). В эпоху цивилизационного слома становится все сложнее сохранить нематериальное культурное наследие, в частности, язык. Многие миноритарные языки находятся на грани исчезновения, что, безусловно, вызывает беспокойство лингвистов, культурологов, социологов и ученых других областей. Актуальность темы данной статьи заключается в анализе рисков VUCA-мира по отношению к миноритарным языкам.

Ключевые слова: миноритарные языки, родной язык, VUCA-мир, цивилизационный слом, глобализация, языковое разнообразие.

Что является самым сложным для человеческого мозга? Ученые разных научных областей утверждают, что именно неопределенность. Социологический термин, обозначающий непредсказуемый мир ближайшего будущего, который характеризуется нестабильностью и исчезновением прежних ориентиров, является одним из наиболее важных, но в то же время неизученных феноменов современного цифрового общества. VUCA – это аббревиатура, которая расшифровывается по первым буквам каждой из угроз:

V – volatility (нестабильность).

U – uncertainty (неопределенность).

C – complexity (сложность).

A – ambiguity (неоднозначность) [2].

Остались ли ценности по отношению к сохранению нематериального культурного наследия, к примеру, языку? Какова роль языка и культуры в обществе, где во главе стола – цифра? Относимся ли мы к языку как к наиболее великому открытию человека или же это просто средство коммуникации без утяжеляющей культурно-смысловой нагрузки?

В постоянно изменяющемся мире нужны другие навыки, знания, тип мышления и даже личностные качества. В новых условиях компаниям уже не нужны специалисты, способные работать только по брифу. Эмоциональный интеллект и коэффициент любопытства сейчас важнее условного багажа знаний, а умение решить проблему уступает место умению эту проблему переосмыслить.

Мы полагаем, что на сегодняшний день и язык причастен к термину «VUCA-мир», поскольку он непостоянен. Цифра изменила язык. Изменились способы коммуникации. Если 20–25 лет назад «сеть» имела два-три основных понятия, то на сегодняшний день это слово вбирает в себя большое количество значений, в том числе самое распространенное выражение всего цифрового мира – социальные сети. Любой текст понимает широко не тот, который способен прочесть буквы, а тот, кто способен относиться к тексту как к пестрому ковру, из которого читатель вытягивает разноцветные нити и с их помощью формирует свои рисунки.

Что же делать обычному человеку в эпоху цивилизационного слома и как оставаться самим собой?

Наиболее проблематичным является вопрос о том, как сделать два, казалось бы, противоречивых факта совместимыми: преемственность языкового разнообразия, созданного человечеством через его диаспору во всем мире, и необходимость взаи-

модействия между этими группами лингвистически разнообразных индивидов в новой глокализационной эпохе позитивного воссоединения индивидов из разных культур. Поэтому «действия, репрезентации и дискурсы о языковом разнообразии (культурной идентичности), интеграции и взаимосвязи являются первостепенными, способствуя поиску новых принципов и способов рассмотрения ситуаций языкового контакта» [1].

Глобализация и цифровизация общества усилили проблему потери миноритарных языков, сделав их уязвимыми. Родные языки не используются как средство общения на каждодневной основе. Дети зачастую не владеют родным языком. Соответственно, то поколение, которое должно передавать нематериальное культурное наследие (язык, обычаи, традиции), не является полноценной частью этой культуры ввиду незнания культурных основ народа.

Изменение в парадигме ценностей мышления кажется актуальным, потому что оно, очевидно, согласуется с основными проблемами современных обществ. В эпоху глобализационных процессов современные люди изучают себя генетически, в результате чего приобретают уверенность, что человек является уникальным видом. Возможно, мы можем войти в другую планетарную эру с большей солидарностью между различными культурными группами, с которыми мы разделяем биосферу. Биологически и лингвистически скоро мы должны заглянуть в себя и решить, кем хотим стать. Если мы глубоко заглянем внутрь себя, мы придем к выводу, что искусство может стать мостом, способным создать совместимый язык и глобализацию.

Более половины существующих языков на сегодняшний день подвержено исчезновению уже в следующем веке. Исчезновение языков малых этносов повлияет на языковое общество в целом. Язык играет большую роль в формировании идентичности, и потеря языка имеет значительные последствия для его носителей. Языковые сообщества, находящиеся под угрозой исчезновения, также могут потерять ценные культурные практики, такие как фольклор, традиционные песни и поэзия, а также другие виды искусства, которые связаны с языком. Лингвистика с этой точки зрения рискует потерять половину исследуемых вопросов. Изучение лингвистики, наряду с другими академическими дисциплинами, может извлекать выгоду из информации, найденной в языках малочисленных этносов. Наоборот, языковые сообщества, находящиеся под угрозой исчезновения, могут извлечь пользу из опыта лингвистов, особенно в отношении усилий по ревитализации языка. Цели лингвистов, однако, не всегда совпадают с целями самих носителей языка, находящихся под угрозой исчезновения. В результате академическая культура и традиционная культура могут конфликтовать, вызывая напряженность между лингвистами и сообществами. В то время как могут быть случайные конфликты между интересами лингвистов и носителями языков, находящихся под угрозой исчезновения, на основе взаимного уважения и осознания существующей языковой проблемы лингвистика и исчезающие языковые сообщества могут извлечь выгоду, исходя из сотрудничества.

В этой связи возникает вопрос: нужно ли сохранять и защищать языки малочисленных этносов?

Переходя к анализу данного вопроса, хочется отметить, что он коррелирует с такими вопросами, как: «Нужно ли сохранять архитектурные памятники или вымирающие виды?», «В природе умирает все – и языки, и дома, и культуры. Вопрос в том, хотим мы об этом помнить или нет?», «Можно ли, теряя культуру, идти вперед?». В конечном итоге необходимость сохранения прошлого – вопрос совести культуры человечества и каждого человека в отдельности.

Следующий актуальный вопрос: «Как создать эффективные условия обучения языкам малочисленных народов?»

В разное время ученые выдвигали гипотезы о методах сохранения языков, находящихся под угрозой исчезновения. Ими были предложены разные идеи для восстановления языков и предприняты усилия, для того чтобы представители коренных малочисленных этносов использовали родной язык в естественной коммуникации, как, например, приоритетный для общения в семье. И в настоящее время находятся индивиды, предлагающие разные методы, техники, подходы в отношении изучения языка.

Существуют теоретические подходы для ревитализации языка:

- ревитализация по Фишману [3, с. 39–40];
- агентивность языковой политики [5, с. 9];
- микроуровень языкового планирования;
- языковая политика в семье [6, с. 17];
- новые говорящие [4, с. 41].

Еще не так давно у людей было сформировано четкое представление о том, что родному языку учат только в семье. Позднее, когда произошло внедрение родных языков в качестве учебной дисциплины, родные языки изучались в школе. Некоторое время спустя родными языками стали заниматься на уровне государства, создавая культурные центры, общественные организации, где большое внимание уделялось изучению родных языков.

В представленных временных периодах есть принципиальные различия, на наш взгляд, по меньшей мере в отношении языков малочисленных этносов. В период, когда родному языку обучали только в семье, основной упор делался только на говорение, поскольку обучающие (прародители, родители) не владели письменной речью как таковой и уровень безграмотности был достаточно высок. Когда разработали алфавиты, изучили грамматические и лексические структуры языков, посвятили различные научные труды и ввели изучение того или иного языка малочисленного этноса как родного в образовательном учреждении, появилась другая проблема. Она коррелировала с тем фактом, что у большинства родителей было большое желание обучить детей государственному языку для его дальнейшего полноценного использования в жизни. С изучением государственного языка родители, которые сами не обладали его знанием, связывали будущий успех своих детей (получение высшего образования, а далее – профессии). В этой связи изучение родного языка уходило на второй план и уступало государственному языку свои лидерские позиции. Позднее представители малочисленных этносов стали свидетелями процесса, где уровень людей, которые могут использовать родной язык в естественной коммуникации, резко сократился. Это было связано с двумя основными причинами. Первопричина: желание родителей в недавнем прошлом усилить изучение государственного языка, не контролируя при этом состояние родного языка. Соответственно, баланс между изучением и использованием государственного и родного языков был нарушен. Вторая причина носит наиболее глубокий и сложный характер и связана с глобализационными процессами, которые быстрыми темпами стирают материальное и нематериальное культурное наследие малочисленных этносов. В век высоких технологий человечество втянуто в онлайн-коммуникацию, где вытеснено реальное общение. Как следствие этого процесса – в родном языке не заинтересованы ни родители, ни дети, что ведет к исчезновению языка. Однако стоит отметить при этом и положительные стороны технического прогресса. При помощи технологий, как показала новая цифровая реальность, у людей появились неожиданные возможности изучения и использования языков.

Хочется подчеркнуть, что во все времена находилась группа энтузиастов, для которых было важно сохранить материальное и нематериальное культурное наследие того или иного этноса. На сегодняшний день мы также видим многих активистов, которые

предпринимают меры и делают все возможное для сохранения языка. Именно для таких людей важен контекст национализма и регионализма.

Итак, VUCA-мир, эпоха прогрессирующих глобализационных процессов, цифровизация общества привели к грани исчезновения многих миноритарных языков. В этой связи ученым разных научных областей следует сконцентрироваться на проблеме уязвимых языков и разработать стратегии для сохранения нематериального культурного наследия миноритарных языков.

Список литературы

1. Скрипичникова Н.С., Литвяк О.В., Кысылбайкова М.И. Филология в системе межкультурной коммуникации и современного гуманитарного знания. Симферополь, 2023.
2. Словарь маркетолога [Электронный ресурс]. URL: <https://roistat.com/> (дата обращения: 23.01.2024).
3. Fishman J.A. Reversing language shift. Clevedon, 1991.
4. Ortega A. Linguistic identity among new speakers of Basque [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/282284092_Linguistic_identity_among_new_speakers_of_Basque (дата обращения: 23.01.2024).
5. Ricento Thomas. Historical and Theoretical Perspectives in Language Policy and Planning. San Antonio, 2000.
6. Schwartz M. Family language policy: Core issues of an emerging field [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/232173308_Family_language_policy_Core_issues_of_an_emerging_field (дата обращения: 23.01.2024).

* * *

1. Skripichnikova N.S., Litvyak O.V., Kysylbaikova M.I. Filologiya v sisteme mezhkul'turnoj kommunikacii i sovremennogo gumanitarnogo znaniya. Simferopol', 2023.
2. Slovar' marketologa [Elektronnyj resurs]. URL: <https://roistat.com/> (data obrashcheniya: 23.01.2024).

Role of minority language and culture in VUCA-world

The article deals with the role of the minority languages in the world of volatility, uncertainty, complexity and ambiguity (VUCA-world). In the period of the civilizational scrapping it is difficult to save the intangible cultural heritage, including the language. Many minority languages are at the limit of vanishing, that is a concern of linguists, culturologists, sociologists and other scientists. The urgency of the theme is to analyze the risks of VUCA-world towards the minority languages.

Key words: *minority languages, mother tongue, VUCA-world, civilizational scrapping, globalization, linguistic diversity.*

(Статья поступила в редакцию 30.01.2024)

Э.В. ШУЛЯТЕВА
Волгоград

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЕХИ СТАНОВЛЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ ИСПАНИИ

Описываются важные исторические события в политической жизни Испании, которые повлияли на актуальную языковую ситуацию в стране. Автор проводит анализ исторического развития языковой политики и ее влияния на распределение языковых ресурсов и прав в Испании. Анализируются законы и нормативные акты, принятые в Испании, такие как Конституция 1978 г. и Хартия о региональных языках или языках меньшинств. Особое внимание уделяется рассмотрению официального статуса каталонского, баскского и галисийского региональных языков, а также вопросам их использования в образовательной системе, правоохранных органах и средствах массовой информации.

Ключевые слова: языковая политика, языковой конфликт, франкизм, региональные языки, языки меньшинства.

Актуальная языковая ситуация в современной Испании является результатом многовекового становления языковой политики.

Со времен прероманских и латинских языков в Испании сложилась ситуация, которая вызывает интерес лингвистического сообщества из-за богатого культурного и языкового наследия страны.

В период диктатуры Франсиско Франко испанский язык был единственным официально признанным языком в Испании. Однако с 70-х гг. XX в. модель языковой политики существенно изменилась. Так, в Испании официальными языками являются кастильский, каталонский, галисийский и баскский языки. Это изменение политики языков отражает стремление учитывать и сохранять многообразие и культурное наследие регионов страны. Сегодня в автономных областях, где функционирует два официальных языка, весь документооборот осуществляется на обоих языках, служащие в государственных учреждениях используют оба языка, образование проводится на двух языках и т. д. Такая ситуация благоприятствует развитию языков, принадлежащих меньшинствам.

На испанском языке, который является преобладающим языком на большей части территории страны, говорит около 98,9% населения. Однако на определенных территориях каталонский, галисийский и баскский языки позволяют более чем 10 миллионам гражданам жить в двуязычной среде, причем степень двуязычия может изменяться в зависимости от местоположения и социально-экономического статуса региона. Опрос, проведенный исследовательским центром Pew Research Center в 2019 г., показал, что 81% испанцев дома говорят на кастильском языке, 8% – на каталонском, 4% – на валенсийском, 3% – на галисийском, 1% – на баскском, а оставшийся процент на других языках [18].

Данная статья ставит своей целью рассмотрение исторических событий, оказавших влияние на формирование актуальной языковой ситуации в Испании.

Испанское государство всегда отличалось языковым разнообразием, поскольку Пиренейский полуостров не был объединен до 1469 г., когда король Фердинанд Арагонский и Изабелла Кастильская заключили брак [23]. Объединение региона под властью католических монархов и проведение языковой политики подавления миноритарных языков на полуострове привели к последствиям, которые можно увидеть даже сегодня, а именно превосходству кастильского языка и языковому конфликту на территории государства.

После того как Испания стала нацией, линия правления королей Габсбургов закончилась Карлом II [23]. Смена власти в 1700 г. повлекла за собой войну за престолонаследие, которая закончилась тем, что Филипп Бурбонский стал королем Испании под именем Филиппа V. Целью новой монархии стала централизация правительства, что привело к использованию кастильского языка во всех общественных сферах и, как следствие, Филипп V запретил каталонский язык на территории Испании [Там же]. Таким образом, каждый последующий монарх придерживался политики централизации правительства, выражающейся в признании одного официального языка государства.

Анализируя период Второй Испанской Республики в 1931–1939 гг., можно отметить, что в лингвистической сфере проводились прогрессивные реформы. Обретенная свобода автономных сообществ способствовала принятию законов, в соответствии с которыми каталонский язык имел приоритет в культурно-образовательной и административной сферах. Кроме того, региональные языки восстановили свой статус за короткий период времени [Там же].

Одним из ярких эпизодов в истории языковой политики, который повлиял на становление актуальной языковой ситуации в Испании, является период правления Франсиско Франко (1939–1975 гг.). Отечественные и зарубежные лингвисты, историки и политологи посвятили множество научных трудов изучению данного вопроса. Многие испанские лингвисты считают, что самая репрессивная языковая политика проводилась именно при диктатуре Франко. Так, Хосе Игнасио Хуальде отмечает, что политика Франсиско Франко характеризуется подавлением языковых меньшинств и их соответствующих культур [10]. Схожего мнения придерживается Роберт Ванн, который подчеркивает, что правительство того времени пыталось контролировать языковую политику и продвигать кастильский язык под предлогом укрепления национального единства страны [27].

Испанская языковая политика рассматриваемого периода была нацелена на укрепление испанского (кастильского) языка и подавление других языков, функционирующих на территории государства. Франко пропагандировал националистические убеждения, вследствие чего испанский язык был провозглашен единственным официальным языком страны. Каталонские историки и лингвисты, занимающиеся вопросами языковой политики, утверждают, что правительство Мадрида всегда стремилось подавить язык Каталонского государства. Сепаратисты, выступающие против доминирования кастильского языка, рассматривают этот период как наивысшую точку притеснения каталонского языка. Президент Женералитета Ж. Пухол (1980–2003 гг.), идеолог современного каталонского национализма, выступающий против диктаторской политики Франко, отмечал, что в Каталонии гонения на культуру принимали форму самого настоящего вандализма [21]. А. Мас, избранный президентом Женералитета в период с 2010 по 2016 г., также не поддерживал проводимую во времена Франко языковую политику. Он высказывал убеждение, что провинция Каталония и ее язык были подвергнуты репрессиям и ущемлению прав во время диктатуры Франко. По словам А. Маса, Каталония на протяжении многих лет была вынуждена бороться за свою культурную идентичность и функционирование каталонского языка [11].

Действительно, франксистский период характеризуется запретом публичного использования других национальных языков Испании. Это означало, что документы и договоры, составленные на других языках, признавались недействительными. Кроме того, с 1938 г. было запрещено использование некастильских имен для новорожденных, за исключением иностранцев. В качестве примеров притеснения каталонского языка рассматриваются также запрет издания каталоноязычной прессы после 1939 г., действия цензоров, разрешающих использовать каталонский язык только в личной корреспонденции во время Гражданской войны, замена ряда каталонских топонимов соответствующими кастильскими вариантами. Режим того времени был настолько суровым, что даже наи-

менование географического объекта *Каталония* было заменено на *Северо-Восточный регион*, а такой культурный обычай, как танец каталонской сарданы, попал под полный запрет. Свобода прессы и свобода слова были отменены, что крайне ограничивало использование родного языка. К тому же в общественных местах были размещены плакаты с призывами: *No ladres. Habla el idioma del Imperio* (Не лай. Говори на языке Империи) (Здесь и далее перевод наш. – Э.Ш) или *Si eres español, habla español* (Если ты испанец, говори по-испански). Испанский культуролог Ж. Бенет резко высказывался по поводу данной ситуации, утверждая, что франкистское правительство несет полную ответственность за попытку культурного геноцида [5].

Если труд Ж. Бенета является популярным изданием, ориентированным на широкую аудиторию, то работа Ф. Феррера-и-Жирунеса претендует на звание фундаментального аналитического исследования в области изучения языковой политики испанского государства. Автор данного исследования проводит параллель между развязыванием Гражданской войны и желанием некоторых слоев испанского общества ограничить автономию Каталонии и остановить развитие каталонского языка [9]. Согласно Ф. Ферреру-и-Жирунесу, «во время диктатуры генерала Франко (1939–1975 гг.) каталонский язык был запрещен во всех сферах, в которых использовался ранее. Его уничтожение сродни геноциду» [9, с. 270]. Зарубежный исследователь Д. Конверси, придерживаясь подобного мнения, описывает политику Франко в отношении каталонского языка и культуры и характеризует ее как жестокую репрессию [6].

В трудах российских ученых также присутствуют категоричные оценки, касающиеся языковой политики в Испании в период с 1939 по 1975 гг. Так, Н.С. Авилова отмечает, что «основной целью франкизма было уничтожение Каталонии как национального меньшинства в составе испанского государства, ее языкового и культурного наследия, резкое ограничение области использования каталонского языка, сводя его к диалекту» [1, с. 5]. Е.В. Астахова выражает аналогичное мнение относительно языковой ситуации в Каталонии, подчеркивая тот факт, что после Гражданской войны каталонский язык «был полностью запрещен для использования в общественной жизни» [2, с. 2]. Отечественный лингвист Д.В. Разумихина утверждает, что в данный период каталонский язык утратил свой официальный статус, и его использование было приостановлено во всех общественных сферах. Письменный язык стал изолированным, а устная речь, лишенная возможности полноценного использования, подвергалась влиянию испанского языка, становилась жертвой калькирования, отдаляясь все дальше от письменной нормы [4].

Стоит подчеркнуть, что некоторые отечественные языковеды занимают нейтральную позицию в отношении языковой политики времен правления Франко. Так, например, Б.П. Нарумов указывает, что во время Ф. Франко каталонский язык был исключен из сферы массовой коммуникации, но при этом не существовало никаких законов, ограничивающих его использование. Однако язык региона продолжал функционировать в печатных СМИ, на радио, телевидении и в образовательной сфере [3].

После смерти Франко в 1975 г. произошли радикальные перемены в языковой политике испанского государства, которые были обусловлены принятием Конституции 1978 г.

Конституция способствовала созданию 17 автономных сообществ в составе Испании. Первыми в конце 1970-х – начале 1980-х гг. статус автономных получили Каталония, Страна Басков и Галисия [26], а в Конституцию Испании были внесены следующие изменения, касающиеся статей 2 и 3:

1. Статья 2 устанавливает принцип автономии для регионов Испании, признавая и гарантируя их право на самоуправление в определенных областях.
2. Статья 3 разрешает совместное использование официальных языков в определенных регионах.

Эти изменения способствуют сохранению и защите языкового многообразия и культурных прав в Испании [26]. Несмотря на то что статья 3 подтверждает статус испанского языка как официального и обязательного для всех граждан, а также признание права на его использование, она также содержит положение о защите языкового разнообразия в автономных сообществах. Это означает, что нация обязуется поддерживать и сохранять языковое разнообразие в различных регионах Испании, где функционируют и другие языки помимо испанского языка. Такое положение позволяет каждому автономному сообществу защищать и продвигать свой собственный язык и сохранять культурное наследие [Там же]. В результате вышеуказанных реформ каталонский язык стал официальным языком Каталонии, Валенсии и Балеарских островов, галисийский язык стал официальным в Галисии, а баскский язык – в Баскском автономном сообществе.

Несмотря на внесенные в Конституцию изменения, оказавшие положительное влияние на развитие региональных языков, кастильский язык по-прежнему имел больше возможностей и преимуществ [15]. Меры, предпринятые в Каталонии в рамках лингвистической нормализации, значительно укрепили положение каталонского языка в различных сферах, таких как образование, администрация и средства массовой информации [27]. Эти реформы стали возможны благодаря статье 14 Конституции Испании, которая гарантирует равноправие и защиту всех граждан от языковой или любой другой формы дискриминации. Однако представители языковых меньшинств полагают, что их языковые права не получили должного признания, а доминирование кастильского языка противоречит Конституции.

Зарубежный социолингвист Клэр Мар-Молинеро отмечает, что языковые меньшинства нуждаются в признании и защите своих прав для обеспечения равных возможностей и искоренения языковой дискриминации [15]. Несмотря на то что Конституция имеет свои недостатки и не полностью исключает возможность языкового притеснения, она играет важную роль в обеспечении прав представителей языковых меньшинств в Испании.

Помимо национального законодательства поправки и изменения коснулись также законов на уровне автономных сообществ. Принятие Устава автономии Каталонии и Страны Басков в 1979 г., а позже Галисии в 1981 г. предоставило автономным сообществам широкий спектр полномочий в различных сферах, включая образование, здравоохранение и культуру. В 1981 г. был принят Статут Галисии, который официально признал галисийский и кастильский языки. Согласно этому Статуту, все граждане имеют право изучать и использовать в общении оба языка [12]. В соответствии со Статьей 6 Статута Валенсийского сообщества, принятого 10 июля 1982 г., кастильский и валенсийский языки признаются официальными в данном регионе [13]. В 2006 г., после принятия новой версии Статута об автономии Каталонии, Аранская долина, входящая в состав данного региона, получила особый юридический статус как территория с уникальной языковой идентичностью. В этом контексте окситанский язык, известный в Аранской долине как аранский, стал официальным языком региона и получил статус официального языка наряду с другими языками.

Закон о языковой нормализации, принятый в 1983 г., был еще одним важным шагом в укреплении статуса языков меньшинств. Эти реформы были направлены на поддержку и развитие разнообразных языковых сообществ в регионах [16].

Особое внимание было уделено сфере образования, где закон о языковой стандартизации предусматривал владение как каталонским, так и кастильским языками [27]. Это привело к радикальным изменениям в образовательных программах. Так, в январе 2022 г. Верховный суд Каталонии подтвердил свое прежнее решение, принятое 16 декабря 2020 г., о гарантированном преподавании на кастильском (испанском) языке не менее 25% учебных предметов в образовательных учреждениях Каталонии [19].

Таким образом, на сегодняшний день каждый регион Испании активно поддерживает идею большей автономии, особенно в отношении использования языков меньшинств. Подобные шаги способствуют не только укреплению положения языков меньшинств, но и развитию многообразия и культурного наследия каждого региона.

В 1986 г. Испания присоединилась к Европейскому союзу, что также повлекло за собой значительные изменения [15]. Важным аспектом этого членства было признание каталонского языка официальным языком Европейского союза в 2005 г. [23]. Европейское сообщество взяло на себя обязательство поддерживать языки меньшинств, известные как «менее используемые языки» [15]. Эта поддержка включала в себя инициативы, направленные на продвижение миноритарных языков в различных странах [15]. В результате этих изменений Испания стала более прогрессивной нацией, внедряющей серьезные законодательные реформы в области языкового регулирования в течение последней четверти XX в.

В 2001 г. Испания утверждает Европейскую хартию региональных языков или языков меньшинств, демонстрируя свою готовность и обязательства предпринять меры для соблюдения всех правил и принципов [8]. В соответствии с требованиями Хартии был составлен перечень языков национальных меньшинств, среди которых фигурируют языки пяти автономных сообществ (галисийский, каталонский, баскский, астурийский и арагонский), а также языки без территориального определения, включая аранский. В Хартии также говорится, что каждое государство обязано представить не менее 35 мер, касающихся разных сфер, таких как образование, административные органы власти, судебная система, государственная служба, культура, средства массовой информации, экономика и социальная жизнь.

Согласно ежегодной статистике Института Сервантеса «Español en el mundo» о статусе языка в 2023 г., испанский язык является третьим наиболее часто используемым языком в сети Интернет после английского и китайского языков. В отчете, подготовленном Давидом Фернандесом Виторесом под руководством и координацией Академического управления Института Сервантеса, говорится, что 76 миллионов европейцев в Европейском Союзе могут общаться на испанском языке с разной степенью владения этим языком. За пределами Испании более миллиона европейских граждан говорят по-испански, а в институциональной сфере Европейского Союза испанский язык занимает четвертое место, уступая английскому, французскому и немецкому языкам. Следует также отметить статус региональных языков в других автономных сообществах. Так, по данным 2023 г., на своем региональном языке говорят 89% галисийцев, 85% каталонцев, 63,1% жителей Балеарских островов, 5,1% басков, 21,7% жителей Наварры [7].

Подведем некоторые итоги.

Проблемы, связанные с языковой политикой в Испании, имеют социолингвистические последствия, которые проявляются в современных взглядах, политике и поведении, связанных с языком. Идея создания единого языка основывается на доминировании одного языка и культуры над другими, что представляет собой разрушительную идеологию для языковых и культурных меньшинств. Благодаря недавним политическим изменениям в жизни Испании достигнут прогресс в вопросе защиты языкового разнообразия, однако конфликты, связанные с языковой политикой, продолжают существовать.

Сложным и противоречивым остается вопрос о доминировании языков в конкретных регионах. Угнетение миноритарных языков и продвижение испанского языка можно рассматривать как проявление культурной гегемонии, в которой властвующий класс определяет нормы, несмотря на культурное многообразие в стране. Кроме того, власть долгое время пропагандировала культурную идеологию Франко, признающую испанский язык единственным престижным языком страны и повлиявшую на текущую языковую ситуацию в Испании.

Список литературы

1. Авилова Н.С. Языковая политика в Каталонии в период диктатуры Франко // Иберо-романистика в современном мире. Научная парадигма и актуальные задачи: тезисы V международной конференции. М., 2010. С. 5–6.
2. Астахова Е.В. Манифест в защиту испанского языка – политическое и языковое измерение [Электронный ресурс] // Филологические науки в МГИМО. 2009. № 36(51). URL: <http://www.old.mgimo.ru/files/128544/128544.pdf> (дата обращения: 21.11.2023).
3. Нарумов Б.П. Каталонский язык // Романские языки. М., 2001. С. 492–517.
4. Разумихина Д.В. Процессы нормализации каталанского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 1991.
5. Benet J. Catalunya sota el règim franquista. Barcelona, 1978.
6. Conversi D. Ideological fragmentation, cultural nationalism and state violence. Euskadi and Catalonia (1939–1968) // Canadian Review of Studies in Nationalism. 1999. № XXVI. P. 37–51.
7. El español en el mundo [Electronic resource]. URL: <https://www.exteriores.gob.es/es/PoliticaExterior/Paginas/ElEspanolEnElMundo.aspx> (дата обращения: 20.11.2023).
8. ETS No. 148 Carta Europea de Lenguas Regionales o Minoritarias (1992, Mayo 11). Tratado abierto a la firma de los Estados miembros ya la adhesión de los Estados no miembros [Electronic resource]. URL: <https://www.coe.int/en/web/portal/home> (дата обращения: 21.11.2023).
9. Ferrer i Gironès F. La persecució política de la llengua catalana. Història de les mesures preses contra el seu ús des de la Nova Planta fins avui. Barcelona, 1985.
10. Hualde J.I., Olarrea A., Escobar A.M., Travis C.E., & Sanz C. Introducción a la lingüística hispánica. Cambridge, 2020.
11. La Voluntat Dun Poble. Artur Mas [Electronic resource]. URL: <https://archive.ph/20121227161547/http://www.arturmas.cat/> (дата обращения: 20.11.2023).
12. Ley Orgánica 1/1981, de 6 de abril, de Estatuto de Autonomía para Galicia [Electronic resource]. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1981-9564> (дата обращения: 20.11.2023).
13. Ley Orgánica 5/1982, de 1 de julio, de Estatuto de Autonomía de la Comunidad Valenciana. BOE. núm. 164, de 10/07/1982 [Electronic resource]. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1981-9564> (дата обращения: 20.11.2023).
14. Lynch A. Spain's Minoritized Languages in Brief Sociolinguistic Perspective // Romance Notes. 2011. № 51(1). P. 15–24.
15. Mar-Molinero C. The Spanish-Speaking World. A Practical Introduction to Sociolinguistic Issues. Routledge, 1997.
16. Miller H., Miller K. Language Policy and Identity: the case of Catalonia // International Studies in Sociology of Education. 1996. № 6:1, P. 113–128.
17. Muñoa Barredo I. Pragmatic functions of code-switching among Basque-Spanish bilinguals // Simposio Internacional Sobre o Bilingüismo. 1997.
18. Pew Research Center [Electronic resource]. URL: <https://www.pewresearch.org> (дата обращения: 20.11.2023).
19. Planas P. La nueva ley contra el 25% de español se tramita como las «leyes» del golpe de Estado separatista // Libertad Digital. 2022. [Electronic resource]. URL: <https://www.libertaddigital.com/espana/2022-05-25/la-nueva-ley-contra-el-25-de-espanol-se-tramita-como-las-leyes-del-golpe-de-estado-separatista-6900426/> (дата обращения: 20.11.2023).
20. Portero Molino J. El estado de las autonomías en tiempo de reformas // J.M. Vidal Beltrán & M.A. García Herrera (Eds.). El estado autonómico: Integración, solidaridad, diversidad. 2005. P. 39–63.
21. Pujol J. Us presentem el general Franco. Barcelona, 1960. [Electronic resource]. URL: <http://flicxcat.blogspot.ru/2010/05/us-presentem-el-general-franco.html> (дата обращения: 20.11.2023).
22. Ramallo F. Linguistic diversity in Spain // W. Ayres-Bennett & J. Carruthers (Eds.). Manual of romance sociolinguistics. Berlin, 2018. P. 462–493.
23. Rees E. Spain's Linguistic Normalization Laws: The Catalan Controversy // Hispania. 1996. № 79(2). P. 313–321.
24. Shabad G., Gunther R. Language, Nationalism, and Political Conflict in Spain // Comparative Politics. 1982. № 14(4). P. 443–477.
25. Siguan M. España plurilingüe. Alianza, 1992.
26. Spanish constitution. Boletín Oficial del Estado, No 311. Madrid, 1978.

27. Vann R. Language exposure in Catalonia: An example of indoctrinating linguistic ideology // WORD. 1999. № 50:2. P. 191–209.

* * *

1. Avilova N.S. Yazykovaya politika v Katalonii v period diktatury Franko // Ibero-romanistika v sovremennom mire. Nauchnaya paradigma i aktual'nye zadachi: tezisy V mezhdunarodnoj konferencii. M., 2010. S. 5–6.

2. Astahova E.V. Manifest v zashchitu ispanskogo yazyka – politicheskoe i yazykovoe izmerenie [Elektronnyj resurs] // Filologicheskie nauki v MGIMO. 2009. № 36(51). URL: <http://www.old.mgimo.ru/files/128544/128544.pdf> (data obrashcheniya: 21.11.2023).

3. Narumov B.P. Katalanskij yazyk // Romanskie yazyki. M., 2001. S. 492–517.

4. Razumihina D.V. Processy normalizacii katalanskogo yazyka: dis. ... kand. filol. nauk. M., 1991.

Milestones of establishment of language policy in Spain

The article deals with the description of the important historical events in the political life of Spain, having influence on the current linguistic situation in the country. The author conducts the analysis of the historical development of the language policy and its influence on the distribution of the language resources and rights in Spain. There are analyzed the laws and regulatory acts of Spain, such as the Spanish Constitution of 1978 and the Charter for Regional and Minority Languages. The author emphasizes the consideration of the official status of the Catalanian, Basque and Galician regional languages and the issues of their usage in the educational system, the law enforcement bodies and the mass communication media.

Key words: *language policy, linguistic conflict, francoism, regional languages, minority languages.*

(Статья поступила в редакцию 20.01.2024)

В.П. МОСКВИН
Волгоград

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СПЕКТАКЛЯ К.Г. ТРЕПЛЕВА КАК СОСТАВНОЙ
ЧАСТИ ПЬЕСЫ А.П. ЧЕХОВА «ЧАЙКА»

Критически проанализированы существующие разноречивые трактовки спектакля и личности К.Г. Треплева, уточнена функция данного спектакля как стилистически и концептуально инородного фрагмента в пьесе А.П. Чехова «Чайка».

Ключевые слова: *стилистический анализ, идиостиль, речевая ошибка, пародия, комическая стилизация.*

Несостоявшийся спектакль К.Г. Треплева составляет инициальный фрагмент пьесы А.П. Чехова «Чайка». Научная литература об этой пьесе практически необозрима, однако работы, посвященной стилистическому разбору данного спектакля (а он этого, как показано ниже, в полной мере заслуживает), мы до сих пор не имеем: есть лишь отдельные разноречивые заметки, разбросанные по источникам разных лет. «Чайка» представляет собой текст, знаковый для русской культуры и вместе с тем исключительно сложный для анализа. Написан он в технике символизма, новой для читающей публики той эпохи. В качестве основы символизма нам видятся два приема:

1. Незамкнутая, т. е. лишенная опорного контекста, метафора, ср.: *Каждый вечер по легким и зыбким мостам Мы выходим друг другу навстречу* (М. Цветаева. Не гони мою память! Лазурны края..., 1910). Мосты сновидений? Грез? Мечты? Памяти? В подобных случаях «поэтический образ досоздается – каждым» [2, с. 433], т. е. адресатом (читателем, зрителем).

2. Эпитроп [греч. *ἐπιτροπή* ‘поворот’, перен. ‘намеки’] – указание таких фактов и деталей, которые склоняют адресата к определенному выводу относительно характеризуемого предмета. Ср.: «“Чайка” целиком построена на том особом творческом приеме, когда автор ничего не доказывает, даже ничего не изображает, а пользуется всем – и словами и положениями, и всей совокупностью драматической концепции, – чтобы навеять на зрителя хотя бы часть той атмосферы, которой дышит сам» [14, с. 31].

Символизм появился в России в последнее десятилетие XIX в. Напомним год написания пьесы (1895, в начале 1896 вносились правки) и ее сценическую судьбу: провал осенью 1896 в петербургском Александринском театре и шумный успех позже в московском Художественном театре (дек. 1898), когда и эксперты, указывавшие в 1896 г. на то, что «“символизм”, вернее “ибсенизм” <...>, проходящий красною нитью через всю пьесу, действует неприятно», что «[э]то туманно, дико, но на сцене еще более туманно и дико» [см. обзор: 13, с. 364–373], и публика, «воспитанная на театре Островского и его традиции» [24, с. 309], успели понять и принять приемы этого стиля, суть которого может быть обозначена следующими словами: *Ни о чем не нужно говорить, Ни чему не следует учить* (П. Мандельштам. Ни о чем не нужно говорить..., 1909). После провала «Чайки» Александр Чехов пишет младшему брату: «Не твоя вина, что ты ушел дальше века» [28, с. 334].

Согласно методике К.С. Станиславского, анализ драматического произведения необходимо начинать «с определения исходного события» [20, с. 302]. Таким событием считается «спектакль Треплева» [12, с. 80]. Крайне противоречивые оценки данного спектакля и его автора подразделим на два разряда:

1. С одной стороны, существует мнение, согласно которому «Треплев несомненно талантлив и чуток» [8, с. 410], ср.: «Для Треплева искусство могло стать делом жизни, ибо он талантлив и неудовлетворен» [1, с. 279]; Треплев – «талантливый, но непризнанный драматург, влюбленный в Нину Заречную, страдающий от равнодушия и эгоизма матери» [15, с. 44]; «Пьеса К. Треплева о мировой душе – это итог интеграции сложного ассоциативного ряда, занимавшего важное место в размышлениях Антона Павловича» [7, с. 203], etc. Это мнение согласуется со следующей оценкой (здесь и далее цит. по: [36]):

Дорн. Константин Гаврилович, мне ваша пьеса чрезвычайно понравилась. Странная она какая-то, и конца я не слышал, и все-таки впечатление сильное. Вы талантливый человек, вам надо продолжать.

Треплев крепко жмет ему руку и обнимает порывисто.

2. С другой стороны, в пьесе Треплева видят: а) «пародию на декадентство» [18, с. 103], ср.: «В пьеске Треплева уплощены и оглушены ее истинные прототипы, которые сами были пародиями» [32, с. 259]; б) «несуразность и риторичность» (Мацкин, 1987, с. 295), «пример какографии» [32, с. 264], «нечто среднее между лубком и китчем» [34, с. 120]; об интерпретации образа Треплева В. Мейерхольдом: «Дальше Мейерхольд <в роли Треплева>. Был мягок, трогателен и несомненный дегенерат» [26, с. 125], etc. Это мнение, также имеющее типовой характер, отвечает следующей оценке:

Тригорин (о рассказах Треплева. – В.М.). Ему не везет. Все никак не может попасть в свой настоящий тон. Что-то странное, неопределенное, порой даже похожее на бред. Ни одного живого лица.

Как видим, существует «ряд уже “вечных” вопросов», в частности «как трактовать и ставить пьесу Треплева о мировой душе» и «есть ли у Треплева талант или нет» [10, с. 86]. С литературоведческой точки зрения перспектива их решения пессимистична: «Если Треплев талантлив, то мы должны говорить о трагедии художника, искавшего “новые формы” и не выдержавшего тяжести жизни и судьбы писателя-новатора. Если же Треплев не талантлив, то надо говорить о трагикомедии ущемленного самолюбия. Все наши споры не имеют смысла, ответить на эти вопросы невозможно» [16, с. 46]. Приблизиться к их решению помогут методы лингвистического анализа, посредством которых следует выявить стилевые и конситуативные маркеры, отражающие отношение Чехова к пьесе Треплева. Прочтем пьесу с этой точки зрения:

За эстрадой играют в рожок.

Господа (вм. *дамы и господа**. – В.М.), начало! Прошу внимания!

Пауза.

Я начинаю. (*Стучит палочкой и говорит громко.*) О **вы**, почтенные старые тени, **которые носите** (вм. *носятся*: грубый анаколуф**). – В.М.) в ночную пору над этим озером (олицетворяющие эпитеты *почтенные* и *старые* едва ли совместимы с глаголом *носиться****. – В.М.), **усыпите нас** (ср. *усыпить зрителя, усыпить кошку*: паразитарные ассоциации, ведущие к двусмысли-

* Ср. франц. *mesdames et messieurs*, англ. *ladies and gentlemen*; как известно, «... в соответствии с дореволюционным этикетом нужно говорить: *дамы и господа*» [22, с. 78].

** Анаколуф [греч. *ἀνακολουθία* ‘непоследовательность’] возникает при объединении грамматически несовместимых компонентов, напр.: *Ленин на крест плевал, топтал* (А.И. Солженицын. В круге первом, 1958), ср. в стилизации малограмотной речи: *Ваше Высокоблагородие! Будучи преследуем в жизни многочисленными врагами и пострадал за правду...* (А.П. Чехов. Измайлов, 1898).

*** Совмещение этих понятий (*почтенный старец носится, бежит*) приводит к комическому эффекту, ср.: *На вершине горы жил старик. Он на месте стоять не привык. Вверх и вниз все быстрее В платье тещи своей Удивительный бежал старик* (Э. Лир. На вершине горы жил старик, перев. О. Астафьевой).

це. – В.М.), и пусть нам приснится то, что будет **через двести тысяч лет** (гротескно неправдоподобный срок. – В.М.)!

С о р и н. Через двести тысяч лет **ничего не будет** (ирония как реакция на неправдоподобие. – В.М.).

Т р е п л е в. Так вот пусть изобразят нам это ничего.

А р к а д и н а. Пусть. **Мы спим** (ирония как ответ на реплику *усыпите нас.* – В.М.).

Поднимается занавес; открывается вид на озеро; луна над горизонтом, отражение ее в воде;

на большом камне сидит Нина Заречная, вся в белом.

Н и н а. Люди, львы, орлы и куропатки, **рогатые олени, гуси, пауки** (все рогатые? – В.М.), молчаливые **рыбы, обитавшие в воде** (плеоназм. – В.М.), морские звезды и те, которых нельзя было **видеть глазом** [или *невооруженным глазом?* – В.М.], – словом, **все жизни, все жизни, все жизни** (повтор *ad pauseam.* – В.М.), свершив печальный круг, угасли... Уже тысячи веков, как земля не носит на себе ни одного живого существа, и эта бедная луна напрасно зажигает свой фонарь. **На лугу** уже не просыпаются с криком журавли, и майских жуков не бывает слышно **в липовых рощах** (откуда луга и липовые рощи, если все уничтожено? – В.М.). **Холодно, холодно, холодно. Пусто, пусто, пусто. Страшно, страшно, страшно** (повтор *ad pauseam*; все это автор должен не констатировать, а внушить зрителю*. – В.М.).

Пауза.

Тела живых существ исчезли в **прахе**, и вечная **материя** (или время? – В.М.) обратила их в **камни, в воду, в облака**, а души их всех слились в одну (тела, прах, камни, вода, облака материальны, т. е. представляют собой материю: получается (*ad absurdum*), что материя обратила материю в материю. – В.М.). Общая мировая душа – это я... я... Во мне душа и Александра Великого, и Цезаря, и Шекспира, и Наполеона, и последней **пиявки** (есть ли душа у пиявки? – В.М.). Во мне сознания людей слились с инстинктами животных, и я помню все, все, все, и каждую жизнь в себе самой я переживаю вновь.

Показываются болотные огни.

А р к а д и н а (*тихо*). Это что-то **декадентское**.

Т р е п л е в (*умоляюще и с упреком*). Мама!

Н и н а. Я одинока. Раз в сто лет я открываю уста, чтобы говорить, и мой **голос звучит в этой пустоте** (может ли голос звучать в пустоте? – В.М.) уныло, и никто не слышит... И вы, бледные огни, не слышите меня... Под утро вас рождает гнилое болото, и вы блуждаете до зари, но без мысли, без воли, без трепетания жизни. Боясь, чтобы в вас **не возникла жизнь, отец вечной материи, дьявол** (или Бог? – В.М.), каждое мгновение в вас, как в камнях и в воде, **производит обмен атомов** (описательный предикат, используемый лишь в специальной (т. е. деловой и научной) речи. – В.М.), и вы меняетесь непрерывно (если так, то откуда тогда взялись «луга и липовые рощи»? – В.М.). Во вселенной остается постоянным и неизменным один лишь **дух** (дополнительно к мировой душе? – В.М.).

Пауза.

Как **пленник, брошенный в пустой глубокий колодец** (пленников не держат в колодце. – В.М.), я **не знаю, где я** (пленник, брошенный в колодец, не может не знать о том, что он находится в колодце. – В.М.) и что меня ждет. От меня не скрыто лишь, что **в упорной, жестокой борьбе** (трафарет газетно-ораторского стиля. – В.М.) с дьяволом, **началом материальных сил** (элемент научного стиля. – В.М.), **мне суждено** (кем, если Бога нет, а есть только мировая душа и дьявол? – В.М.) победить, и после того **материя и дух сольются в гармонии прекрасной и наступит царство мировой воли** (элемент научного стиля, причем тезис («наступит царство мировой воли») никак не связан с обоснованием («материя и дух сольются в гармонии прекрасной»), а потому абсурден. – В.М.). Но это будет лишь, когда **мало-помалу** (элемент разговорного стиля, уместнее нейтр. *постепенно.* – В.М.), через длинный, длинный ряд тысячелетий, и **луна** (или Луна? – В.М.), и светлый Сириус, и **земля** (или Земля? – В.М.) обратятся в пыль... А до тех пор **ужас, ужас** (автор должен не констатировать, а внушить эмоцию. – В.М.).

Пауза; на фоне озера показываются две красных точки.

Вот приближается мой могучий противник, дьявол. Я вижу его **страшные** (констатация вместо внушения. – В.М.) багровые глаза...

* Е.Д. Толстая видит здесь «патетичный срыв к прямому называнию этого целого: “Холодно, холодно, холодно. Пусто, пусто, пусто” – вместо построения его из деталей», справедливо называя это «нанизывание повторов» наивным [32, с. 304 и 259].

Аркадина. Серой пахнет. Это так нужно?
 Треплев. Да.
 Аркадина (*смеется*). Да, это эффект.
 Треплев. Мама!
 Нина. Он скучает без человека...
 Полина Андреевна (*Дорну*). Вы сняли шляпу. Наденьте, а то простудитесь.
 Аркадина. Это доктор снял шляпу перед дьяволом (ирония. — В.М.), отцом вечной материи (ирония как ответ на фактическую ошибку «дьявол вм. Бог». — В.М.).
 Треплев (*вспылив, громко*). Пьеса кончена! Довольно! Занавес!
 Аркадина. Что же ты сердисься?
 Треплев. Довольно! Занавес! Подавай занавес! (*Топнув ногой.*) Занавес!
 Занавес опускается.

А.П. Чехов. Чайка.

Комедия в четырех действиях (1995)

Пьеса Треплева предваряется цитатами из трагедии Шекспира «Гамлет». Н.Д. Волков, рассуждая о «композиции обоих (обеих? — В.М.) пьес», видит здесь мышеловку, подготовленную сыном для матери и ее партнера (Гамлетом / Треплевым для Аркадиной / Гертруды и Тригорина / Клавдия) [9, с. 433–434], ср.: *Король. А как называется пьеса? Гамлет. Мышеловка* (У. Шекспир. Гамлет, 1601; перев. А. Кронеберга, 1844). Аналогия представляется в целом верной (гамлетовские аллюзии настраивают на трагедию, каковой в конечном счете и оказывается комедия в четырех действиях), но вместе с тем не вполне точной: цель Треплева — не обличение, а самопрезентация, в мышеловку же (если она есть) попадает читатель, не заметивший в пьесе Треплева анаколуп, алогизмы, фактические ошибки, а также иные ляпсусы и, соответственно, не видящий различий между какографией Треплева и поэтикой Чехова.

Данная пьеса нередко толкуется и пересказывается в русле обозначенного нами выше отношения к Треплеву как «несомненному таланту», напр.: «...тоскующая одинокая Мировая душа; ее могучий противник Дьявол, отец вечной материи...»; по мнению Б.А. Ларина, все это «символика трансцендентальной философии, <...> не лишенная пленительной частоты» [23, с. 16 и 17], между тем дьявол никак не может быть «отцом вечной материи»: здесь уместнее говорить «о Едином Творце всего сущего — Боге», поскольку «сатана лишен созидательного начала» [34, с. 120].

Исследователь «Чайки» отмечает: «Терминологическая и идейная неясность монолога вызывает такое впечатление, что восхваляемые “новые формы” К. Треплева — это не что иное, как речевые штампы» [39, с. 154]. Штампы действительно есть, напр.: а) деловой/научный: *произвести обмен*; б) ораторский: *в упорной, жестокой борьбе*, ср.: *Величайшим торжеством и практическим подтверждением истинности и научности диалектического материализма является осуществление, в упорной и жестокой борьбе против всех врагов социализма, партией Ленина и Сталина социалистического общества в СССР* (М. Петросова. О материализме Фейербаха, 1937); *Каждый шаг осуществляемого самочинно контроля сопровождался жестокой и упорной борьбой с предпринимателями, с меньшевиками и эсерами* (М. Мительман. Борьба партии большевиков за упрочение советской власти, 1940); *В упорной и жестокой борьбе с идеями коммунизма буржуазия не стесняется в выборе средств* (Ф.М. Леонидов. Классовая борьба: современные проблемы и особенности, 1970) и др. Точнее было бы сказать, что Треплев, стремясь уйти от штампов и создать «новые формы», невольно нарушает правила сочетаемости (*почтенные старые тени у него носят*), допускает фактические ошибки (*наделяя пиявку душой и объявляя дьявола отцом вечной материи*), двусмыслицу (*усыпите нас*), логические промахи (*чтобы не возникла жизнь, дьявол каждое мгновение производит обмен атомов*, но, несмотря на это, существуют *луга и липовые рожи*); стремясь к оригинальности суждений, приходит к абсурду, ср.: *материя и дух сольются в гармонии прекрасной и наступит царство мировой воли*. Поясним:

понятие конца мира ('Апокалипсис') принадлежит Иоанну Богослову*, понятие «мировой души» – Ф. Шеллингу, понятие мировой воли (или «мира как воли») – А. Шопенгауэру, ср.: «...этот мир, в котором мы живем и пребываем, в своей сущности есть всецело воля и в то же время всецело представление...» [38, с. 168]. Мир в концепции Шопенгауэра есть представление воспринимающего субъекта, но если наступил конец мира и все живое исчезло, то воспринимать мир будет уже некому. Вряд ли пьеса Треплева является «пародией на определенный тип западного философствования от Гегеля и Шопенгауэра до Ницше», «философской пародией» [40, с. 145 и 147]: ведь объектом высмеивания со стороны Чехова выступает не «западная философия», а философские потуги Треплева. Если бы Треплев писал по шаблонам, с использованием проверенных форм, его текст, возможно, получился бы более гладкий.

Е.Д. Толстая в стилистической рассогласованности пьесы Треплева не без основания видит установку Чехова на комизм: «Комизм достигает здесь апогея: “в упорной, жестокой борьбе” – радикальная журналистика, “с началом материальных сил” – учебник, “сольются в гармонии прекрасной” (по инерции – с инверсией) – гегельянство 1840-х, “царство мировой воли” – Шопенгауэр. Все это, в одной упряжке с “дьяволом”, создает поистине взрывной эффект» [32, с. 275], однако, называя ее «справочником типичных ошибок прозаика» [32, с. 311], фиксирует лишь наиболее очевидное – стилистическую рассогласованность.

Указанные нами при разборе недочеты, такие как анаколүф, паразитарная двусмыслица, фактические ошибки, алогизмы, отсутствие стилистического единства (в частности, срывы в прозу на фоне высокого стиля, зачастую переходящего в бомбаст), плеоназм и осложненные обильными повторами длинноты, чуждые чеховской поэтике, свидетельствуют о том, что прерванный спектакль Треплева, в частности монолог Нины Заречной, представляют собой (уже со стороны Чехова как создателя этих двух образов) комическую стилизацию декадентского пустословия, соотносимую со следующими стихами:

Мандрагоры имманентные
Зашуршали в камышах,
А шершаво-декадентные
Вирши в вянущих ушах.

В. Соловьев. Пародии на русских символистов (1895)

Название и содержание этого стихотворения перекликаются с приведенной выше репликой И.Н. Аркадиной («Это что-то декадентское»), а год написания совпадает с временем появления «Чайки», что свидетельствует об общественном консенсусе в оценке опусов, подобных пьесе Треплева.

Как известно, поэтика А.П. Чехова тяготеет к говорящим фамилиям. Пустословие/многословие как характеристика пьесы Треплева отвечает деривационной ассоциации «Треплев ~ трепать языком, трепаться», ср.: – *И этот подонок... это ничтожество... жалкий актеришка... паршивый Треплев... трепло... Он вполз как змея в мою семью... изображал из себя нищего гения...* (В. Катаев. Алмазный мой венец, 1978); [Т. Доронина:] *Я играю Аркадину, бывшую Треплеву, в девичестве Сорину, и пытаюсь соединить эти фамилии, три конкретных понятия – «Аркадия», «трепло» и «сор» – в живой и узнаваемый образ* (Н. Гореславская. Татьяна Доронина. Еще раз про любовь, 2022); *Треп и трепет – вот откуда фамилия Треплев. Треплев, – трепач, трепло, но трéпетен* (А. Кириллов. Облдрама, 2016) и др. Противоположностью Треплева в пьесе выступает Тригорин как писатель, фамилия которого имеет отношение к Тригорскому, Пушкину, а значит, и к таланту, ср.: *Смешная писательская фамилия: Три-*

* Едва ли следует, вслед за М.Б. Ямпольским, применять принадлежащее Г. Гегелю понятие «конца истории» к пьесе Треплева [40, с. 146], поскольку Гегель имеет в виду не конец мира, а конец социальной истории [см. разбор: 31].

горин, Тригорское, три горы, три сосны, три сестры (С. Ваксман. Путеводитель по Юрятину, 2005); *Я на крыльце барского дома из строптивости читаю не Пушкина – Чехова. Тригорин и Тригорское. Тригорин, Тригорское* (А. Верин. Target, 2018).

Смысловым центром пьесы Треплева является понятие мировой души (*die Weltseele*), популярное в немецкой философии конца XVIII–XIX вв. [см. 37]. Типовой образец: «In der Ideenwelt find alle Dinge mit einander vereinigt. Indem die Weltseele in alle Dinge Seele legt, können sie herausgehen aus sich um in andern» (‘В мире идей все вещи оказываются связанными друг с другом. Поскольку мировая душа вкладывает душу во все вещи, они могут выходить из себя и превращаться в других’) [42, с. 344]. Связь данного понятия с брошюрой Л. Толстого «Одна душа на всех» [34, с. 119], вышедшей *post mortem* в 1911 г., т. е. спустя 16 лет после появления «Чайки», сомнительна; скорее всего, и Толстой, и Чехов заимствуют это понятие из общего источника, каковыми являются немецкая философия и диалог «Тимей» Платона, ср.: «Итак, <...> следует признать, что наш космос есть живое существо, наделенное душой и умом, и родился он поистине с помощью божественного провидения» [29, с. 434]. В пьесе вместо действующих лиц фигурируют абстракция (мировая душа) и олицетворенное зло (дьявол), что технически сближает пьесу со средневековым жанром моралите [франц. *Moralité* < лат. *moralis* ‘нравственный’] – аллегорической пьесой дидактического характера, персонажами которой выступали этические абстракции и обобщенные поведенческие типы: Бог и Дьявол, Душа и Человек, Добродетель (Жалость, Упорство, Милосердие, Воздержание, Великодушие, Целомудрие, Разум и Воля, ведомые Мудростью) и Порок (Искушение, Зло, Лень, Распутство) и др. Исследователь данного жанра, не выдержавшего испытания временем, отмечает, что для того, чтобы не стать безжизненной, аллегория «должна быть сравнительно простой, не связанной с отдаленными от действительности и непривычными идеями», ее «подразумеваемое содержание должно восприниматься читателем легко, на уровне подсознания»; при этих условиях она «заинтересует его и не оттолкнет своей сложностью» [41, с. 260 & 263]. Пьеса Треплева в этом плане слишком усложнена, слишком удалена от реальной жизни, ср.: «Декадентская пьеса Треплева лишена смысла, она абсурдна, но самое главное – в ней нет жизни» [19, с. 28]. В силу этих причин сценической постановке она не поддается:

Н и н а . В вашей пьесе трудно играть. В ней нет живых лиц.

Т р е п л е в . Живые лица! Надо изображать жизнь не такую, как она есть, и не такую, как должна быть, а такую, как она представляется в мечтах.

Н и н а . В вашей пьесе мало действия, одна только читка.

В пьесе два актера, две аллегии, два символа, опредмечивающих абстрактные идеи: Нина Заречная как аллегория мировой души и (предположительно) работник Яков как аллегория дьявола. Иных аллегорий (в значении ‘опредмечивающий символ’) нет. Как аллегорезис* необходимо оценить многочисленные интерпретации следующего типа: «“...открывается вид на озеро; луна над горизонтом, отражение ее в воде; на большом камне сидит Нина Заречная, вся в белом”. Здесь все полно особого смысла, все есть Символ: Луна – символ универсального становления, духовного аспекта света во тьме. Камень – символ бытия, скульптура высшего движения и окаменелая музыка творения; в христианстве камень – это надежное основание» [17, с. 84], etc.

Общее настроение пьесы Треплева – мировая скорбь. Едва ли мог претендовать на свежесть и новизну этот мотив, который в 1-й трети XIX в. был востребован при характеристике байронических настроений, ср.: «Его [Байрона] беспокойная мятущаяся

* Аллегорезис – интерпретация выражения как содержащего метафору, в частности аллегию: *Вход с трагической надписью: «Выхода нет»* (Б. Слуцкий. Дальний автобус, 1989); на мотив «Снесла курочка...»: *вот метафора сказочно точная: // его били-били – не разбили // дед и баба // (т. е. всякие объективные // социально-политические // и социокультурные // тяготы и лишения)* (Т. Кибиров. Шалтай-Болтай, 2002).

душа, как бы составляющая часть мировой души, вмещает в себя всю скорбь и боль человечества (“мировая скорбь”)) [33, с. 69], но с течением времени превратился в лирический штамп, высмеянный уже в середине XIX в.: «Козьма Прутков не упускает ни одного из стандартов романтизма. Прежде всего, конечно, разочарования, мировой скорби, презрения к толпе, гордого обособления. Подобно всем ходовым байроническим героям, байронический герой Козьмы Пруткова – человек с неведомой биографией, с непонятными целями и с мучительными, но нераскрываемыми тайнами. <...> Козьма Прутков любит накинуть чайльд-гарольдов плащ, “обнять грозное страданье”, порисоваться презрительно-спокойным видом, скрывающим измученное, увядшее сердце» [6, с. 31]. В настоящее время данное понятие вызывает лишь иронию, напр.: *Впрочем, видимых следов неизбывной тоски и мировой скорби на собачьей физиономии не наблюдалось* (Е. Логунова. Снегурка быстрой заморозки, 2008).

Чехов дает не только стилистические, но и конситуативные подсказки относительно культурного уровня пьесы Тrepлева и ее жанра:

1. Едва ли мог написать нечто стоящее внимания просвещенной публики недоучившийся студент, *киевский мещанин*, ср.: «Тrepлев. <...> Кто я? Что я? Вышел из третьего курса университета по обстоятельствам, как говорится, от редакции не зависящим, никаких талантов, денег ни гроша, а по паспорту я – киевский мещанин». Об этом фразеологизме: «Рядом с передовой научной и артистической интеллигенцией в Киеве существовал и благоденствовал злой и пронырливый обыватель. Выражение “киевский мещанин” было широко распространено и стало нарицательным. Оно вошло даже в чеховскую “Чайку”. “Киевский мещанин” был совершенно особым типом обывателя – чем-то средним между чванным и глуповатым польским шляхтичем и <конторщиком> Епиходовым» [27, с. 131], ср.: Епиходов. *Я развитый человек, читаю разные замечательные книги, но никак не могу понять направления, чего мне собственно хочется, жить мне или застрелиться, собственно говоря...* (А.П. Чехов. Вишневы сад, 1903). В пьесе читаем:

Тrepлев. Отправляйся в свой милый театр и играй там в жалких, бездарных пьесах!

Аркадина. Никогда я не играла в таких пьесах. Оставь меня! Ты и жалкого водевиля написать не в состоянии. Киевский мещанин! Приживал!

В свете этой реплики Аркадиной, а также предпринятого выше стилистического разбора пьесы Тrepлева ближе становится мысль С.А. Бердяева (брата великого философа): «Чехову удалось ярко и рельефно изобразить в реальном образе происхождение и психологию современных декадентов» [11, с. 559], т. е. уловить сущность новатора от искусства (что, если вспомнить смелые творческие интерпретации, переделки и сиквелы «Чайки» последних лет, более чем актуально и сейчас): «образованный некультурный Тrepлев» [9, с. 432], т. е. знающий Шекспира, но при этом пишущий с анаколуфами, серыми штампами, мозаикой недопонятых заимствований и длиннотами («дублями»).

2. Вряд ли девица, выросшая в захолустье, без соответствующей выучки и, как позже выясняется, лишенная артистического таланта, могла хорошо сыграть свою роль в пьесе Тrepлева, ср.:

«Тrepлев. Дебютировала она (Нина Заречная. – В.М.) под Москвой в дачном театре, потом уехала в провинцию. <...> Бралась она все за большие роли, но играла грубо, безвкусно, с завываниями, с резкими жестами».

Фамилия Нины Заречной считается говорящей. Существующие трактовки гласят: а) «...фамилия во многом совпадает с жизнью героини. Заречная – живущая за рекой. Нина действительно живет на другом конце озера» [35, с. 72]; ср.: «Главной героиней засценического пространства является Нина Заречная. Это находит отражение в ее

гидронимической фамилии: она из-за озера, с того берега, где усадьба ее покойной матери» [21, с. 41], однако внутренняя форма антропонима *Заречная* связана не с озером и не с водой, а с местностью, в том числе частью города, находящейся за рекой, с *заречьем*; б) «Имя героини – Нина Заречная – значит, что она не отсюда, не такая, как все, “нездешняя”, “из дальней дали”» [30, с. 201], однако человека, проживающего в заречье, трудно признать «не таким, как все». Обратим внимание: *Заречье* – старое название *Замоскворечья*, применяемое и в наши дни. Напр.: «одноэтажное Заречье» (Л. Колодный. Москва в улицах и лицах: авторский путеводитель. Китай-город Замоскворечье, 2003); «В 1970-х власти решили, что Заречье не представляет особой исторической ценности» (О. Рассохин. Москва пешком, 2013). В XIX в. Заречье/Замоскворечье было заселено купцами (именно с них списаны герои А.Н. Островского, жившего на Малой Ордынке), мастеровыми, фабричными рабочими и крестьянами, приехавшими на заработки. Типовой портрет жителя этой части Москвы: «московский обитатель Замоскворечья или Козихи (где он и жил в собственном домике), вряд ли имеющий что-нибудь общее с миром искусства» [4, с. 267]. Замоскворечье считалось захолустной стороной Москвы: «Квартира моя за Москвой-рекой (на Большой Якиманке, западной части Замоскворечья. – В.М.), а здесь настоящая провинция: чисто, тихо, дешево и... глуповато» (А.П. Чехов. Письмо Н.А. Лейкину, 1885); «События такого рода случались и случаются, но не в высшем кругу какого бы то ни было общества (приезжий г. Вельтмана производит суматоху в лучшем московском обществе), а где-нибудь в захолустье Замоскворечья, на Петербургской стороне, на Песках...» [25, с. 322]. И.А. Бунин писал: «Раневская, Нина Заречная... Даже и это: подобные фамилии придумывают себе провинциальные актрисы» [5, с. 90].

3. В 4-м действии находим самооценку Треплева, убеждающую, что «проза его избилует штампами, слова вялы, образы пошлы» [34, с. 124]:

Треплев (*собирается писать; пробегает то, что уже написано*). Я так много говорил о новых формах, а теперь чувствую, что сам мало-помалу сползаю к рутине. (*Читает.*) «Афиша на заборе гласила... Бледное лицо, обрамленное темными волосами...» Гласила, обрамленное... **Это бездарно.** (*Зачеркивает.*) Начну с того, как героя разбудил шум дождя, а остальное все вон. Описание лунного вечера длинно и изысканно. Тригорин выработал себе приемы, ему легко... У него на плотине блестит горлышко разбитой бутылки и чернеет тень от мельничного колеса – вот и лунная ночь готова, а у меня и трепещущий свет, и тихое мерцание звезд, и далекие звуки рояля, замирающие в тихом ароматном воздухе... Это мучительно.

Треплев осознал, что бездарен; здесь, видимо, появляется основание свести счеты с жизнью. Вдруг появляется Нина Заречная; он, как утопающий за соломинку, хватается за возможность возвратить ее, происходит объяснение, она уходит окончательно, хвататься больше не за что.

4. В финале пьесы Треплев кончает жизнь самоубийством:

Треплев (*после паузы*). Нехорошо, если кто-нибудь встретит ее [Нину] в саду и потом скажет маме. Это может огорчить маму...

В продолжение двух минут молча **рвет все свои рукописи и бросает под стол**, потом отпирает правую дверь и уходит.

Далее: «Направо за сценой выстрел; все вздрагивают». Треплев осознал свою бездарность, это, видимо, и явилось основной причиной его поступка. Композиционное кольцо замкнуто: провалившаяся, прерванная пьеса в начале и порванные, брошенные под стол рукописи в конце. Существуют и такие объяснения самоубийства: 1. «И Треплев, и Нина Заречная равно несчастны: он и она сполна познали горечь неразделенной любви. Но Нина выстояла, а Треплев не выдержал испытания и ушел из жизни. Почему? Потому что в его жизни ничего не было, кроме этой любви» [3, с. 369]. Но у Треплева были и амбиции, и мечты о карьере писателя; пока эти амбиции и мечты имели

под собой основание, он жил и продолжал работать. Едва ли логично утверждать, что, кроме любви к Нине, «в его жизни ничего не было»: если бы это было действительно так, то Треплев свел бы счеты с жизнью гораздо раньше – еще тогда, когда Нина ушла от него к Тригорину. 2. «Треплев кончает самоубийством не потому, что неудачна его любовь к Нине, а потому, что вся окружающая жизнь восстала против него, “наследного принца” нового искусства и новой мысли, и погубила его» [9, с. 434]. Но Треплев не может быть «“наследным принцем” нового искусства», поскольку он малокультурен.

Судя по реплике Нины Заречной, пьеса Треплева лаконична:

Нина. <...> Через **полчаса** я уеду, надо спешить. Нельзя, нельзя, бога ради не удерживайте. Отец не знает, что я здесь.

Судя по следующей реплике, пьеса анонсирована как комическая:

Аркадина. Он сам предупреждал, что это **шутка**...

Видимо, пьеса Треплева была объявлена как комическая миниатюра. Значит, и пьеса Треплева, и пьеса Чехова (см. подзаголовок) рассчитаны на эффект обманутого ожидания: в обоих случаях комедия обернулась трагедией.

Пьесу («шутку») Треплева вполне можно представить себе как самостоятельное произведение – нарочито незавершенный рассказ в жанре комической стилизации, написанный от имени «молодого дарования», с концовкой (уже от имени Чехова) «и так далее в том же духе»; в контексте пьесы «Чайка» этот опус служит подсказкой к оценке речевой и интеллектуальной компетенции его автора, а возможно, и мышеловкой для легковверного читателя.

Список литературы

1. Астангов М. Статьи и воспоминания. М., 1971.
2. Бѣлый А. Магія словъ // Бѣлый А. Символизмъ. Книга статей. М., 1910. С. 429–448.
3. Бердников Г.П. Чехов. М., 1978.
4. Боборыкин П.Д. Воспоминания: В 2 т. М., 1965. Т. 1.
5. Бунин И.А. Автобиографические заметки // Бунин И.А. Под серпом и молотом: сборник рассказов и воспоминаний / Под ред. Л.М. Сурица. М.; Берлин, 2016. С. 87–132.
6. Бухштаб Б.Я. Козьма Прутков // Козьма Прутков. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1965 [1949]. С. 5–52.
7. Бычков Ю.А. Лучший из людей: Мелиховские годы Чехова, 1892–1899. М., 2004.
8. Бялый Г.А. Чехов // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1956. С. 345–432. Т. IX. Ч. 2.
9. Волков Н.Д. Шекспировская пьеса Чехова // Волков Н.Д. Театральные вечера. М., 1966. С. 431–435.
10. Волчек М. Зачем театру «Чайка»? // Сцена. 2021. № 1(129). С. 85–96.
11. Гитович Н.И. Примечания // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М., 1978. С. 369–662. Т. 6.
12. Горбачев И.Н. Игра в прятки. Драматургические механизмы в «Чайке» Чехова // Философия и культура. 2023. № 8. С. 70–98.
13. Гродская Н.С., Паперный З.С., Полоцкая Э.А., Твердохлебова И.Ю., Чудаков А.П. Примечания // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М., 1978. С. 335–518. Т. 13.
14. Гурлянд И.Я. Московские письма // Театр и искусство. 1899. № 2. С. 30–32.
15. Дмитриевская И.В., Портнов А.Н., Смирнов Д.Г. Ноосферные исследования. Ноосферная динамика России: философские и культурологические проблемы (Часть вторая). Иваново, 2002. Вып. 2.

16. Долженков П.Н. Чехов и позитивизм / Науч. ред. В.Б. Катаев. М., 1998.
17. Едошина И.А. Человек в пространстве культуры. Кострома, 1999.
18. Ермилов В.В. Драматургия Чехова. М., 1954 [1948].
19. Камедина Л.В. Обретая смысл заново (опыт прочтения русской литературы в начале третьего тысячелетия): Учеб. пособие. Чита, 2003.
20. Кнебель М.О. Поэзия педагогики. М., 1976.
21. Козлова С.М. Сценическая архитектура «Чайки» А.П. Чехова и смысл // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 36–50.
22. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2007.
23. Ларин Б.А. «Чайка» А.П. Чехова (стилистический этюд) // Исследования по эстетике слова и стилистике художественной литературы. Л., 1964. С. 11–24.
24. Минералов Ю.И., Минералова И.Г. История русской литературы. 1870–1890-е годы. М., 2016.
25. Некрасов Н.А. Взгляд на главные явления русской литературы в 1843 году // Некрасов Н.А. Литературная критика 1841–1846 гг. М., 2012. С. 307–342.
26. Немирович-Данченко В.И. Из прошлого. М., 2019 [1936].
27. Паустовский К.Г. Булгаков и театр // Паустовский К.Г. Собр. соч.: В 8 т. М., 1970. С. 131–142. Т. 8.
28. Письма А.П. Чехову его брата Александра Чехова. М., 1939.
29. Платон. Тимей / Перев. С.С. Аверинцева // Платон. Собр. соч.: В 4 т. / Общ. ред. А.Ф. Loseva, С.К. Апта, А.А. Тахо-Годи. М., 1994. С. 421–500. Т. 3.
30. Приходько И.С. Формы лиризма в драматургии Чехова и Блока // Образ Чехова и чеховской России в современном мире: К 150-летию со дня рождения А.П. Чехова. Сб. статей / Сост. В.Б. Катаев и С.А. Кибальник. СПб., 2010. С. 196–205.
31. Рапопорт Е.В. Проблема конца истории в свете гегелевской диалектики раба и господина // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2011. № 15. С. 79–86.
32. Толстая Е.Д. Поэтика раздражения: Чехов в конце 1880 – начале 1890-х годов. М., 2002.
33. Ромм А.С. Байрон // История зарубежной литературы XIX века / Под ред. Я.Н. Засурского, С.В. Тураева. М., 1982. С. 67–84.
34. Чадаева А. Пьеса Константина Треплева // Мелихово: Альманах. Очерки, архивные изыскания, пьесы, статьи, эссе, обзоры, воспоминания, хроника. М., 2005. С. 118–128.
35. Черевиченко Д.В. Судьба, отраженная в имени (по пьесе А.П. Чехова «Чайка» // Вехи Таганрога. 2010. № 41-42. С. 71–72.
36. Чехов А.П. Чайка: Комедия в четырех действиях // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М., 1978. С. 3–60. Т. 13.
37. Шеллинг Ф.В.Й. О мировой душе [1797] // Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения: В 2 т. М., 1987. С. 89–181. Т. 1.
38. Шопенгауэр А. Миръ какъ воля и представлѣніе [1819] / Перев. Ю.И. Айхенвальда // О четвероякомъ корнѣ закона достаточнаго основанія. Философское разсужденіе Артура Шопенгауэра. М., 1900. С. 1–427.
39. Шюманн Д. Реминисценции эволюционного учения в пьесах Чехова «Чайка» и «Дядя Ваня» // Чехов и время: Сб. статей / Ред. Е.Г. Новикова. Томск, 2011. С. 150–165.
40. Ямпольский М.Б. Демон и лабиринт: диаграммы, деформации, мимесис. М., 1996.
41. Mackenzie W.R. The English moralities from the point of view of allegory. Boston, 1914.
42. Ritter H. Geschichte der christlichen Philosophie. Erster Theil. Hamburg, 1850 [1830].

* * *

1. Astangov M. Stat'i i vospominaniya. M., 1971.
2. Bblyj A. Magiya slov» // Bblyj A. Simvolizm». Kniga statej. M., 1910. S. 429–448.
3. Berdnikov G.P. Chekhov. M., 1978.
4. Boborykin P.D. Vospominaniya: V 2 t. M., 1965. T. 1.
5. Bunin I.A. Avtobiograficheskie zametki // Bunin I.A. Pod serpom i molotom: sbornik rasskazov i vospominanij / Pod red. L.M. Surisa. M.; Berlin, 2016. S. 87–132.

6. Buhshstab B.Ya. Koz'ma Prutkov // Koz'ma Prutkov. Polnoe sobranie sochinenij. M.; L., 1965 [1949]. S. 5–52.
7. Bychkov Yu.A. Luchshij iz lyudej: Melihovskie gody Chekhova, 1892–1899. M., 2004.
8. Byalyj G.A. Chekhov // Istoriya russkoj literatury: V 10 t. M.; L., 1956. S. 345–432. T. IX. Ch. 2.
9. Volkov N.D. Shekspirovskaya p'esa Chekhova // Volkov N.D. Teatral'nye vechera. M., 1966. S. 431–435.
10. Volchkevich M. Zachem teatru «Chajka»? // Scena. 2021. № 1(129). S. 85–96.
11. Gitovich N.I. Primechaniya // Chekhov A.P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. M., 1978. S. 369–662. T. 6.
12. Gorbachev I.N. Igra v pryatki. Dramaturgicheskie mekhanizmy v «Chajke» Chekhova // Filosofiya i kul'tura. 2023. № 8. S. 70–98.
13. Grodskaya N.S., Papernyj Z.S., Polockaya E.A., Tverdohlebova I.Yu., Chudakov A.P. Primechaniya // Chekhov A.P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. M., 1978. S. 335–518. T. 13.
14. Gurlyand I.Ya. Moskovskie pis'ma // Teatr i iskusstvo. 1899. № 2. S. 30–32.
15. Dmitrevskaya I.V., Portnov A.N., Smirnov D.G. Noosfernye issledovaniya. Noosfernaya dinamika Rossii: filosofskie i kul'turologicheskie problemy (Chast' vtoraya). Ivanovo, 2002. Vyp. 2.
16. Dolzhenkov P.N. Chekhov i pozitivizm / Nauch. red. V.B. Kataev. M., 1998.
17. Edoshina I.A. Chelovek v prostranstve kul'tury. Kostroma, 1999.
18. Ermilov V.V. Dramaturgiya Chekhova. M., 1954 [1948].
19. Kamedina L.V. Obretaya smysl zanovo (opyt prochteniya russkoj literatury v nachale tret'ego tysyacheletiya): Ucheb. posobie. Chita, 2003.
20. Knebel' M.O. Poeziya pedagogiki. M., 1976.
21. Kozlova S.M. Scenicheskaya arhitektonika «Chajki» A.P. Chekhova i smysl // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2002. № 1. S. 36–50.
22. Krongauz M.A. Russkij yazyk na grani nervnogo sryva. M., 2007.
23. Larin B.A. «Chajka» A.P. Chekhova (stilisticheskij etjud) // Issledovaniya po estetike slova i stilistike hudozhestvennoj literatury. L., 1964. S. 11–24.
24. Mineralov Yu.I., Mineralova I.G. Istoriya russkoj literatury. 1870–1890-e gody. M., 2016.
25. Nekrasov N.A. Vzgljad na glavnejshie yavleniya russkoj literatury v 1843 godu // Nekrasov N.A. Literaturnaya kritika 1841–1846 gg. M., 2012. S. 307–342.
26. Nemirovich-Danchenko V.I. Iz proshlogo. M., 2019 [1936].
27. Paustovskij K.G. Bulgakov i teatr // Paustovskij K.G. Sobr. soch.: V 8 t. M., 1970. S. 131–142. T. 8.
28. Pis'ma A.P. Chekhovu ego brata Aleksandra Chekhova. M., 1939.
29. Platon. Timej / Perv. S.S. Averinceva // Platon. Sobr. soch.: V 4 t. / Obshch. red. A.F. Loseva, S.K. Apta, A.A. Taho-Godi. M., 1994. S. 421–500. T. 3.
30. Prihod'ko I.S. Formy lirizma v dramaturgii Chekhova i Bloka // Obraz Chekhova i chekhovskoj Rossii v sovremennom mire: K 150-letiyu so dnya rozhdeniya A.P. Chekhova. Sb. statej / Sost. V.B. Kataev i S.A. Kibal'nik. SPb., 2010. S. 196–205.
31. Rapoport E.V. Problema konca istorii v svete gegelevskoj dialektiki raba i gospodina // Vestnik RGGU. Seriya «Filosofiya. Sociologiya. Iskuststvedenie». 2011. № 15. S. 79–86.
32. Tolstaya E.D. Poetika razdrasheniya: Chekhov v konce 1880 – nachale 1890-h godov. M., 2002.
33. Romm A.S. Bajron // Istoriya zarubezhnoj literatury XIX veka / Pod red. Ya.N. Zasurskogo, S.V. Turaeva. M., 1982. S. 67–84.
34. Chadaeva A. P'esa Konstantina Trepleva // Melihovo: Al'manah. Ocherki, arhivnye izyskaniya, p'esy, stat'i, esse, obzory, vospominaniya, hronika. M., 2005. S. 118–128.
35. Cherevichenko D.V. Sud'ba, otrazhennaya v imeni (po p'ese A.P. Chekhova «Chajka») // Vekhi Taganroga. 2010. № 41–42. S. 71–72.
36. Chekhov A.P. Chajka: Komediya v chetyrekh dejstviyah // Chekhov A.P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. M., 1978. S. 3–60. T. 13.
37. Shelling F.V.J. O mirovoj dushe [1797] // Shelling F.V.J. Sochineniya: V 2 t. M., 1987. S. 89–181. T. 1.
38. Shopengauer A. Mir kak volya i predstavlenie [1819] / Perv. Yu.I. Ajhenval'da // O chetveroyakom korn' zakona dostatochnago osnovaniya. Filosofskoe razsuzhdenie Artura Shopengauera. M., 1900. S. 1–427.
39. Shyumann D. Reminiscencii evolyucionnogo ucheniya v p'esah Chekhova «Chajka» i «Dyadya Vanya» // Chekhov i vremya: Sb. statej / Red. E.G. Novikova. Tomsk, 2011. S. 150–165.
40. Yampol'skij M.B. Demon i labirint: diagrammy, deformacii, mimesis. M., 1996.

The stylistic analysis of the performance by K.G. Treplev as the component of the play "The Seagull" (Chayka) by A.P. Chehov

The article deals with the critical analysis of the current contradictory treatments of the performance and the personality of K.G. Treplev. There is specified the function of the performance as a stylistically and conceptually irrelevant fragment in the play "The Seagull" (Chayka) by A.P. Chehov.

Key words: *stylistic analysis, individual style, speech error, parody, comedy stylization.*

(Статья поступила в редакцию 24.01.2024)

М. ИСКАНДАРИ
Тегеран, Иран

«ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА» Д.Н. УШАКОВА В ИРАНЕ

Посвящена рассмотрению места и роли «Толкового словаря русского языка» Д.Н. Ушакова при обучении персоговорящих студентов русскому языку. 176 учащихся отвечали на вопросы.

Опрос проводился на русском и персидском языках. Проведенный опрос показывает, что больше 89% респондентов знают этот словарь. По результатам опроса можно утверждать, что Ушаковский словарь для персоязычных студентов играет роль вспомогательного учебного пособия по русскому языку.

Ключевые слова: *словарь Д.Н. Ушакова, опрос, респонденты, одноязычные словари, двуязычные словари.*

«Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова, «в составлении которого принимали участие такие крупные ученые, как В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский», вышел в свет в 1935–1940 гг. [3, с. 78], а составление его началось в 1921 г. Для начала создали комиссию, которой был подготовлен «Проект организации работ по составлению “Словаря русского языка”» [7, с. 346–349], согласно которому было создано организационное бюро. Затем был сформирован специальный редакционный комитет, ему выделили помещение, сотрудникам назначили пайки, что было немаловажным в то трудное время. К концу 1922 г. составителями было подготовлено около 200 тысяч карточек со словарными материалами. В этой работе участвовали отмеченные выше ученые. Но в 1923 г. из-за нехватки средств решением коллегии Наркомпроса РСФСР редакционный комитет был расформирован, его сотрудники были переведены в другие подразделения

Главнауки – управления в составе Наркомпроса, координирующего научные исследования теоретического профиля и пропаганду науки и культуры в стране. Картотека была заброшена. Дмитрий Николаевич Ушаков долго добивался продолжения работы. В конце концов работа над словарем была возобновлена. В 1934 г. вышел первый том, он был издан незначительным тиражом, в настоящее время является библиографической редкостью [8, с. 53]. В 1935 г. первый том вышел вторично. В декабре 1935 г. в Ленинграде в Институте языка и мышления АН СССР произошла дискуссия, в ходе которой известный пропагандист Нового учения о языке Н.Я. Марра Валериан Борисович Аптекарь (1899–1937) обрушился с критикой на словарь, говоря «о вредительстве и политической преступности ряда определений», «о поповском и мещанском идеологическом базисе» [Там же, с. 53]. Участвующий в дискуссии Б.А. Ларин писал: «Победителями нас никак назвать нельзя, хотя противник и был сильно побит и обесчещен» (см.: [10, с. 84]).

В работе над словарем первоначально активно участвовал Виктор Владимирович Виноградов (1895–1969), однако в 1934 г. он оказался в ссылке, поэтому в первом томе его фамилия среди составителей отсутствует. Из ссылки ученый вернулся 1 мая 1936 г. [1], в работе над словарем больше не участвовал, но его фамилия значится среди составителей в последующих томах [13].

Первоначально предполагалось, что словарь будет трехтомным [12]. В работе над словарем участвовал также советский политический деятель Б.М. Волин (И.Е. Фрадкин), назначенный для контроля за деятельностью лингвистов (он стал соредактором Д.Н. Ушакова со второго тома) [13].

Составители определили цели и содержание словаря: «Новый словарь – толковый словарь современного русского языка. Основная масса в нем – слова нашей классической литературы от Пушкина до Горького и общепринятого научного, делового и книжного языка, сложившегося в течение 19 века. Но в него включены также и новые слова, вошедшие во всеобщее употребление, в частности сложносокращенные слова типа: колхоз, зарплата, слова из разных областей техники – новые или прежде малоизвестные, а в наше время получившие широкое распространение в связи с все более и более развертывающимся социалистическим строительством, а также слова из области общественно-политической терминологии. Составители старались придать словарю характер образцового, в том смысле, чтобы он помогал усвоить образцовый, правильный язык, а именно, большое внимание обращено в нем на нормативную сторону: правописание, произношение, ударение слов, грамматические указания, полезные для русских и нерусских, указания на сферу употребления слов, имеющие практическое значение для ищущих стилистического руководства...» [12, с. 5.].

О.В. Никитин так пишет о словаре Д.Н. Ушакова: «При всей жесткости политики в области языкознания в 1930-е гг. “Ушаковский словарь” показал подлинные ориентиры современной лексикографии: нормативность, литературный язык, грамотность в отборе и толковании лексических единиц, широкий общефилологический и культурный кругозор. Даже в условиях сильного идеологического давления он смог противостоять марровским позициям в науке, сохранить четкие академические традиции в теории и практике создания толковых словарей и поныне является ориентиром в подготовке нормативных тезаурусов XXI века» [9, с. 39].

«Толковый словарь русского языка» Д.Н. Ушакова приобрел большую популярность среди преподавателей русского языка и персоговорящих студентов, изучающих русский язык в Иране. С появлением электронной версии этого словаря доступ к нему для них стал проще.

Преподаватели русского языка в иранских вузах хорошо знакомы со словарем Д.Н. Ушакова. На своих занятиях и в своих статьях они регулярно обращаются к нему. Например, иранские ученые М. Мохаммади в статье «Персидские заимствованные сло-

ва в русском языке и их лексико-тематическая классификация» (2016), С.Х. Захраи в статье «Под грифом или с грифом: к вопросу о факторах, влияющих на употребление близких по значению предложно-падежных синтаксем» (2011), Х. Борджиян в своей работе «Составление словарей в Таджикистане» (2000) и другие исследователи ссылались на этот толковый словарь. К «Толковому словарю русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова обращаются иранские исследователи в своих диссертациях [5, с. 57].

Отметим, что в Иране русский язык преподается в университетах с 1934 г. Именно тогда был основан Тегеранский университет, в котором открылась кафедра русского языка и литературы всего лишь с тремя студентами. Сначала кафедра была при факультете гуманитарных наук. В 1988 г. в этом университете, называемом матерью всех университетов Ирана, открылся факультет иностранных языков, где продолжила свою деятельность кафедра русского языка и литературы. После победы исламской революции в Иране было начато преподавание русского языка в Азадском университете (Тегеранском открытом университете). Постепенно кафедры русского языка появились в провинциальных вузах: 2001 г. – Мазандранский университет в городе Баболсар, 2002 г. – Мешхедский университет в провинции Хорасан, 2006 г. – Гилянский университет в городе Решт. В 2011 г. кафедра русского языка была открыта в университете Аль Зохра в Тегеране. Русский язык преподается также в других вузах Ирана. В сентябре 2001 г. в Тегеранском университете начата подготовка филологов в магистратуре по специальности «Методика преподавания русского языка», с 2004 г. – по специальности «Русская литература». В 2012 г. в Тегеранском университете была открыта аспирантура по специальности «Русский язык». В 2013 г. в университеты Ирана на бакалавриат поступило около 180 студентов, в магистратуру – 20 человек [6].

В XXI в. произошел всплеск лексикографической деятельности в Иране, были изданы многие дву- и трехязычные словари: Русско-персидский словарь М. Мохаммед-Наги, содержащий 10 тысяч слов (2003), Русско-персидский словарь пословиц и поговорок Ф. Сафар-Али и Л. Ежовой (2005), Англо-русско-персидский авиационный словарь О. Фатоллаха (2005), Русско-персидский и персидско-русский словарь терминов ислама Г. Хосейна (2006) и др. [14, с. 93].

Ступенчатый опрос студентов

Мы провели ступенчатый опрос 176 персоговорящих студентов, изучающих русский язык на всех этапах обучения в иранских университетах с целью проверки своей гипотезы об известности, популярности, использовании и актуальности словаря Д.Н. Ушакова среди студентов, изучающих русский язык в нашей стране.

В первой анкете мы просили респондентов ответить на вопрос об одноязычных и двуязычных словарях и их эффективности в процессе обучения языку и перевода. При проведении первого и второго опросов мы не упомянули названия ни одного из русских словарей, чтобы не нацеливать респондентов на определенный, как бы подсказанный ответ. Во вторую анкету мы включили вопрос о русских толковых словарях. И только в ходе третьего опроса респонденты должны были ответить на вопросы именно об Ушаковском словаре и его характеристиках, преимуществах или возможных недостатках.

Студентам при проведении опроса запретили пользоваться мобильными телефонами, поскольку мы хотели, чтобы они сами, без помощи Интернета, ответили на наши вопросы. Таким образом, можно сказать, что полученные результаты достаточно надежны.

Анкетирование мы проводили на русском и персидском языках, чтобы респонденты могли точно понимать суть наших вопросов. Персидские варианты ответов мы перевели на русский язык.

Мы не отбирали студентов (респондентов) по каким-либо особым критериям. Они были выбраны случайным образом из разных университетов Ирана, в том числе из университета имени Алламе Табатабаи, Тегеранского университета, университета имени

Фирдоуси, Азадского университета, Университета Боджнорд, Университета Гонбад-э-Кавус и др. Мы считаем, что этих студентов можем рассматривать как представителей всех иранских студентов-русистов и результаты опроса можно распространить на всех студентов, изучающих русский язык в Иране.

Первый опрос

Вопрос 1: Что такое одноязычный словарь?

На этот вопрос 167 студентов ответили правильно. 6 студентов написали «Не знаю», а 3 студента вообще не отвечали на этот вопрос.

Вопрос 2: Что такое двуязычный словарь?

На этот вопрос также 167 студентов ответили правильно. Остальные либо ничего не написали, либо написали: «Не знаю».

Вопрос 3: По вашему мнению, какие словари (одноязычные или двуязычные) помогают студентам лучше изучать русский язык и переводить тексты с русского языка на персидский язык?

50 респондентов написали «одноязычные словари», 49 респондентов были уверены в том, что надо использовать как одноязычные, так и двуязычные словари при изучении иностранных языков. 68 студентов написали «двуязычные», один студент написал «ни то, ни другое», 3 студента не отвечали на этот вопрос, 5 студентов написали «Не знаю».

Вопрос 4: Вы используете одноязычные или двуязычные словари при переводе с русского языка на персидский язык и наоборот?

38 студентов сказали, что используют одноязычные словари, 40 студентов написали об использовании двуязычных и одноязычных словарей по необходимости, 45 студентов написали, что используют одноязычные или онлайн-одноязычные словари, 53 респондента ответили, что используют двуязычные словари, из них 13 человек так объяснили свое решение: «Знаю, что одноязычные словари лучше, чем двуязычные, но мне трудно использовать одноязычные словари».

Вопрос 5: С какой целью вы обращаетесь к словарю?

160 респондентов написали, что хотят найти значение слов, 63 из них, наряду с значением лексем, указали на правильное произношение слов, 42 респондента указали не только понимание значения слов, но и еще определение грамматических замечаний, 35 человек хотят знать значение лексических единиц и найти примеры употребления новых слов, 10 респондентов написали, что хотят найти значение и этимологию слов. 16 респондентов или ничего не написали, или не ответили на этот вопрос.

Вопрос 6: Почему вы предпочитаете использовать одноязычный или двуязычный словарь?

Причины использования одноязычных словарей:

- Я очень люблю русский язык и в одноязычных словарях могу больше погружаться в этот язык.
- Они полезны для запоминания новых слов.
- С помощью этих словарей пополняется моя речь и речь иностранных учащихся.
- Стилистические особенности слов указываются в толковых словарях.

Причины использования двуязычных словарей:

- Мне трудно понять, о чем идет речь в одноязычных словарях, и поэтому использую двуязычные русско-персидские словари.
- Использование двуязычных словарей проще, чем использование одноязычных словарей.
- Я быстро могу переводить тексты с помощью двуязычных словарей.

Некоторые респонденты написали, что одноязычные словари полезны, но не всегда. Когда у нас нет времени или много дел, мы используем двуязычные словари, чтобы сэкономить время.

Второй опрос

Как было сказано выше, в первом и втором опросах мы не упомянули названия словарей, чтобы респонденты сами подумали и ответили на вопросы и чтобы мы не подсказали им готовый ответ. Во втором опросе речь уже идет конкретно о толковых словарях.

Вопрос 1: Какие русские толковые словари вы знаете?

98 респондентов упомянули название как словаря Ушакова, так и словаря Ожегова. 22 студента написали, что знакомы только со словарем Ожегова. 26 студентов были знакомы только со словарем Ушакова, 12 студентов назвали словарь Даля, и 18 респондентов или ничего не написали, или написали «Не помню название словаря».

Вопрос 2: Если вы знаете какой-то толковый словарь, напишите о его характеристиках.

49 респондентов не ответили на этот вопрос или написали «Не знаю», «Точно не знаю». Остальные дали разные ответы на этот вопрос.

Словарь Ушакова.

14 человек написали «Не знаю», 8 студентов не ответили на этот вопрос. Остальные написали о характеристиках этого словаря следующее:

- В этом словаре указывается произношение слов, где это необходимо.
- Примеры употребления слов есть в каждой словарной статье.
- Очень хорошие грамматические указания имеются в этом словаре.
- Для меня это не словарь, а учебник русского языка.

Словарь Ожегова.

13 студентов написали «Не знаю», 7 человек ничего не написали. Другие респонденты так ответили на этот вопрос:

- Это однотомный толковый словарь.
- Произношение слов есть в этом словаре.
- Стилистические значения слов указываются в нем.

Словарь Даля.

7 человек написали «Не знаю», один респондент так ответил на этот вопрос: «Не знаю, почему никто из наших преподавателей не рассказал нам о словаре Даля».

Вопрос 3: Где вы слышали название толкового словаря, который вы знаете?

143 респондента написали, что на занятиях от преподавателей слышали название толкового словаря, 23 человек написали «Не помню», 10 человек написали «Сам (сама) нашел(ла) его в библиотеке или в Интернете».

Вопрос 4: Какой толковый словарь вы используете при переводе или изучении русского языка?

На этот вопрос респонденты ответили следующим образом:

Не использую толковый словарь	Словарь Ушакова	Словарь Ожегова	Словарь Даля	Не помню название словаря
53 респондента	57 респондентов	42 респондента	6 респондентов	18 респондентов

Третий опрос

Этот опрос мы проводили после двух предыдущих анкетирований. У нас уже были проанализированы ответы на предыдущие опросы, респонденты не могли их изменить под влиянием новой анкеты. В этом опросе мы просили студентов рассказать конкретно о толковом словаре Д.Н. Ушакова.

Вопрос 1: Вы знаете «Толковый словарь русского языка» Д.Н. Ушакова?

157 респондентов ответили «Да», а 19 написали «Нет».

Вопрос 2: Вы используете этот словарь при переводе с русского языка на персидский язык или нет?

70 респондентов написали, что используют толковый словарь Д.Н. Ушакова. 53 человека вообще не используют одноязычные словари, 49 респондентов написали об использовании толкового словаря С.И. Ожегова и 4 человека используют словарь В.И. Даля.

Вопрос 3: Вы можете рассказать нам о преимуществах и возможных недостатках этого словаря?

Ответы были следующими:

1. При использовании этого словаря мы изучаем правила употребления слов, а не только их значения.

2. В словаре Ушакова я вижу употребление слов в контексте, таким образом в моей памяти фиксируются правильные употребления новых слов.

3. Этот словарь для меня не просто словарь, а учебник русского языка.

4. Спряжение глаголов могу легко найти в этом словаре.

5. Род имен существительных и их число встречаются в словарных статьях словаря Ушакова.

6. Если у существительного нет формы единственного или множественного числа, в словаре это указывается.

7. Переносные значения слов встречаются в этом словаре.

8. Часть речи, к которой принадлежит слово, указывается в словаре Ушакова.

9. Этимологию слов я видела в этом словаре.

10. Фразеологические значения и устойчивые сочетания слов я могу найти в этом словаре.

11. Мне интересно, что в словаре Ушакова указывается на стилистическое употребление слов и разновидности письменной и устной речи.

12. Происхождение слов очень важно для меня, и в этом словаре я могу найти его.

13. Мне трудно изучать русские глаголы, и в этом словаре указываются вид глаголов и еще их спряжение.

14. В словаре есть указание на другой вид указанного глагола.

15. Глагольное управление отмечается в словарных статьях, и это сопровождается примерами.

16. Иногда мне трудно найти основную форму слова, когда оно употребляется не в именительном падеже или не в форме инфинитива. Я заметила, что если формы слов отличаются основами от своих заглавных слов, то в словаре дается ссылка на заглавное слово.

17. Произношение слов, в которых происходят фонетические процессы, помогает мне.

18. Общий род существительных показывается пометой м. и ж. в словаре.

19. Существительные *singularia tantum* и *pluralia tantum* могу найти в этом словаре.

20. Сведения о произношении слов рассматриваются в словаре.

21. Краткая форма прилагательных найдется в словаре Ушакова.

22. Наш преподаватель учил нас его использованию, и думаю, что его использование легко для иностранных, и в том числе персоязычных, студентов.

23. Много грамматических помет в этом словаре, это дает мне возможность не только познакомиться со значением новых слов, но и с грамматическими правилами употребления этих слов.

Недостатки:

1. Не вижу недостатков в этом словаре.

2. В словаре не указывается на полное склонение существительных.

3. Не могу его принести на занятия по переводу, поскольку это словарь в четырех томах, но наш преподаватель разрешает студентам использовать онлайн-версию этого словаря.

4. Когда быстро хочу переводить тексты, не могу работать с этим словарем.

5. Комментарии в этом словаре не сопровождаются иллюстрациями.

Вопрос 4: Удовлетворяются ли ваши потребности, которые вы указали в первом опросе, при обращении к словарю Ушакова?

Все, кроме 7 человек, на этот вопрос ответили «Да».

Результаты ступенчатого опроса

Этот ступенчатый опрос, о характеристиках которого речь шла выше, позволяет нам сделать следующие выводы:

1. 94,88% респондентов были знакомы с одноязычными и двуязычными словарями.

2. 89,20% респондентов были знакомы с «Толковым словарем русского языка» Д.Н. Ушакова. Это количество говорит об известности этого словаря среди персоговорящих студентов, изучающих русский язык, и о том, что этот словарь самый популярный в Иране по сравнению с другими толковыми словарями.

3. 39,77% используют «Толковый словарь русского языка Д.Н. Ушакова». Поскольку 30,11% вообще не используют толковые словари, это представляет собой значительное количество.

4. Ответы на третий вопрос третьего опроса (Вы можете рассказать нам о преимуществах и возможных недостатках этого словаря?), говорят о том, что персоязычные студенты хорошо знакомы со словарем Д.Н. Ушакова и используют его или использовали ранее при изучении русского языка.

5. Роль преподавателей в знакомстве студентов с разными словарями, в том числе со словарем Д.Н. Ушакова, велика.

6. Некоторые студенты убеждены в том, что «Толковый словарь русского языка» Д.Н. Ушакова для них не просто словарь, как другие подобные лексикографические издания, а учебник русского языка, при помощи которого они могут узнать многое о русском языке. Во введении к первому тому словаря написано: «Хотя словарь не может заменить учебников грамматики, стилистики и орфоэпии, однако он ставит себе и нормативные задачи: служить некоторым пособием 1) к правильному употреблению слов, 2) к правильному образованию форм слов и 3) к правильному произношению» [13, т. 1, стб. XXII].

7. Цели обращения к словарю у персоязычных студентов строятся следующим образом (в порядке от высокого к низкому): поиск значений слов, поиск правильного произношения слов, поиск грамматических замечаний, поиск примеров употребления новых слов и поиск этимологии слов. 90% студентов, которые обращаются к словарю Д.Н. Ушакова, написали, что их потребность в изучении русского языка удовлетворяется обращением к этому словарю.

Выводы. Несмотря на то что «Толковый словарь русского языка» был составлен выдающимися российскими учеными В.В. Виноградовым, Г.О. Винокуром, Б.А. Лариным, С.И. Ожеговым и Б.В. Томашевским под редакцией Дмитрия Николаевича Ушакова в 20–30-е гг. XX в. и вышел в свет в 1935–1940 гг., он не утратил свою актуальность и в XXI в. и регулярно используется при обучении русскому языку в иранских университетах. Были опрошены 176 студентов мужского и женского пола с целью выявления роли этого лексикографического издания при освоении русского языка персоязычными учащимися. Чтобы избежать заранее подготовленных ответов, был проведен ступенчатый опрос. На первых двух этапах названия словарей не были упомянуты. В третьем опросе респонденты должны были ответить на вопросы, связанные со словарем под ре-

дакцией Д.Н. Ушакова и его характеристиками. Опрос проводился на русском и персидском языках, чтобы респонденты могли лучше понимать суть вопросов. Персидские варианты ответов переведены на русский язык. Проведенный опрос показывает, что «Толковый словарь русского языка» Д.Н. Ушакова – самый популярный толковый словарь русского языка в Иране. Больше 89% респондентов – представителей всех персоговорящих студентов, изучающих русский язык, знают этот словарь. По результатам этого опроса можно утверждать, что этот словарь играет для персоязычных студентов роль вспомогательного учебного пособия по русскому языку.

Список литературы

1. Аннушкин В.И. Виктор Владимирович Виноградов (1895–1969) // Отечественные лексикографы: XVIII–XX вв. / Под ред. Г.А. Богатовой. М., 2000. С. 253–280.
2. Басовская Е.Н. Чистота языка? Чистота словаря? (Из истории «Толкового словаря русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова) // Филологический класс. 2013. № 3(33). С. 41–45.
3. Горбачевич К.С. Современная нормативная лексикография // Вестник АН СССР. 1982. № 1. С. 77–86.
4. Как пользоваться словарем. I. Задачи, объем и построение словаря // Толковый словарь русского языка / Сост. Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков; под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935. Т. 1. Стб. XXI–LXXVI.
5. Калаши Н. Лингвокультурологический подход в обучении русскому языку иранских студентов (уровни А1–В1): дис. ... канд. пед. наук. М., 2022.
6. Карими-Мотаххар Дж. Изучение русского языка в Иране // Роль русского языка в межкультурном диалоге: Россия и персоязычные страны мира (Афганистан, Иран, Таджикистан): материалы Международной научно-практической конференции. Душанбе, Таджикистан. Душанбе, 2013.
7. Левашов Е.А. Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова // История русской лексикографии / Отв. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб., 1998. С. 346–366.
8. Никитин О.В. Забытые страницы русской лексикографии 1920-х гг.: предыстория «Ушаковского словаря» // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1(7). С. 195–228.
9. Никитин О.В. Отечественная лексикография в 1930-е гг.: борьба идей и идеологий (из истории создания и обсуждения «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова) // Мир русского слова. 2016. № 3. С. 27–40.
10. Никитин О.В. Очерки по истории русской лексикографии первой половины XX века (толковые словари): монография. Славянск-на-Кубани, 2012.
11. Никитин О.В. «Ушаковская эпопея»: Неизвестные страницы знаменитого словаря // Русская речь. 2016. № 3. С. 51–62.
12. От редакции // Толковый словарь русского языка / Сост. Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков; Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935. Т. 1. Стб. V–XII.
13. Толковый словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940.
14. Фаал-Хамеданчи М. Современная лексикографическая деятельность в Иране // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2010. № 1. С. 90–97.

* * *

1. Annushkin V.I. Viktor Vladimirovich Vinogradov (1895–1969) // Otechestvennye leksikografy: XVIII–XX vv. / Pod red. G.A. Bogatovoj. M., 2000. S. 253–280.
2. Basovskaya E.N. Chistota yazyka? Chistota slovarya? (Iz istorii «Tolkovogo slovarya russkogo yazyka» pod red. D.N. Ushakova) // Filologicheskij klass. 2013. № 3(33). S. 41–45.
3. Gorbachevich K.S. Sovremennaya normativnaya leksikografiya // Vestnik AN SSSR. 1982. № 1. S. 77–86.

4. Kak pol'zovat'sya slovar'em. I. Zadachi, ob»em i postroenie slovarya // Tolkovyj slovar' russkogo yazyka / Sost. G.O. Vinokur, B.A. Larin, S.I. Ozhegov, B.V. Tomashevskij, D.N. Ushakov; pod red. D.N. Ushakova. M., 1935. T. 1. Stb. XXI–LXXVI.
5. Kalashi N. Lingvokul'turologicheskiy podhod v obuchenii russkomu yazyku iranskih studentov (urovni A1–V1): dis. ... kand. ped. nauk. M., 2022.
6. Karimi-Motahhar Dzh. Izuchenie russkogo yazyka v Irane // Rol' russkogo yazyka v mezhkul'turnom dialoge: Rossiya i persoyazychnye strany mira (Afganistan, Iran, Tadzhikistan): materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Dushanbe, Tadzhikistan. Dushanbe, 2013.
7. Levashov E.A. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka pod red. D.N. Ushakova // Istoriya russkoj leksikografii / Otv. red. F.P. Sorokoletov. SPb., 1998. S. 346–366.
8. Nikitin O.V. Zabytye stranicy russkoj leksikografii 1920-h gg.: predystoriya «Ushakovskogo slovarya» // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii. 2004. № 1(7). S. 195–228.
9. Nikitin O.V. Otechestvennaya leksikografiya v 1930-e gg.: bor'ba idej i ideologij (iz istorii sozdaniya i obsuzhdeniya «Tolkovogo slovarya russkogo yazyka» pod redakciej D.N. Ushakova) // Mir russkogo slova. 2016. № 3. S. 27–40.
10. Nikitin O.V. Ocherki po istorii russkoj leksikografii pervoj poloviny XX veka (tolkovye slovni): monografiya. Slavyansk-na-Kubani, 2012.
11. Nikitin O.V. «Ushakovskaya epopeya»: Neizvestnye stranicy znamenitogo slovarya // Russkaya rech'. 2016. № 3. S. 51–62.
12. Ot redakcii // Tolkovyj slovar' russkogo yazyka / Sost. G.O. Vinokur, B.A. Larin, S.I. Ozhegov, B.V. Tomashevskij, D.N. Ushakov; Pod red. D.N. Ushakova. M., 1935. T. 1. Stb. V–XII.
13. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. V 4 t. / Pod red. D.N. Ushakova. M., 1935–1940.
14. Faal-Hamedanchi M. Sovremennaya leksikograficheskaya deyatel'nost' v Irane // Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika. 2010. № 1. S. 90–97.

**“The Explanatory Dictionary of the Russian Language”
by D.N. Ushakov in Iran**

The article deals with the consideration of the place and the role of “The Explanatory Dictionary of the Russian Language” by D.N. Ushakov in the process of teaching the Persian-speaking students of the Russian language. 176 students answered the questions. The questionnaire was conducted at the Russian and Persian languages. The conducted questionnaire shows that more than 89% of respondents know this dictionary. The results of the questionnaire demonstrate that “The Explanatory Dictionary of the Russian Language” by D.N. Ushakov is considered by the Persian-speaking students as the auxiliary guide of the Russian language.

Key words: *D.N. Ushakov dictionary, questionnaire, monolingual dictionary, bilingual dictionary.*

(Статья поступила в редакцию 03.12.2023)

А.С. ГОРБАТОВСКИЙ
Краснодар

К ВОПРОСУ О КОМПОЗИЦИОННОЙ ВАРИАТИВНОСТИ НЕМЕЦКИХ ЛЕГЕНД ОБ ОСНОВАНИИ СОБОРОВ (“Dombausagen”)

Рассматриваются особенности композиционной вариативности немецких легенд об основании соборов (“Dombausagen”). В процессе анализа структуры текстов легенд и их компонентов учитывается оппозиция «инвариантное – вариативное», проявляющаяся на уровне сюжетообразующих событий, действующих лиц, а также языковых средств их выражения.

Ключевые слова: *вариативность, композиция, композиционная вариативность, легенда, легенда об основании собора.*

Языковая вариативность все чаще становится предметом современных лингвистических исследований в синхронии и диахронии. Категория вариативности, свойственная различным элементам языковой структуры, неразрывно связана с процессом развития языка, отражая его наиболее актуальные тенденции на определенном историческом этапе [7].

В традиционной лингвистике вариативность принято рассматривать с точки зрения варьирования плана выражения языкового знака с идентичностью (по И.Н. Филипповой «близостью») плана его содержания [6]. Важно отметить, что вариативность при этом служит показателем избыточности языка и его динамики одновременно.

В ходе исследования языковой вариативности в центре нашего внимания находится композиционная структура текста как средство выражения автосемантии. При этом под композицией мы понимаем комплексную формально-содержательную структуру текста, отражающую специфику его построения, связи его содержательных частей и систему образов [1; 3].

Композиционная вариативность является дискурсивно ориентированной структурно-содержательной трансформацией текста в процессе коммуникации. Благодаря включению адресанта и адресата в текстовое пространство текст обладает возможностью постоянной коммуникации, в которой ключевая роль отводится «актуализаторам композиции» [4]. Каждый актуализатор формирует свой композиционный вариант, который находится в оппозиции с другими, что особо четко прослеживается на примере композиционной структуры фольклорных текстов.

Фольклорная вариативность обладает наиболее ярко выраженным характером, который проявляется на разных уровнях текста. Вариативность фольклорных текстов предполагает изменение устойчивых данных, воссоздающих сюжетные линии и мотивы, образы, жанровые особенности, а также языковые единицы, вербализующие обозначенные элементы композиции [5]. Различные вариации фольклорных текстов обусловлены их передачей от одного человека к другому преимущественно в устной форме.

В центре нашего исследования находятся немецкие легенды, сюжетообразующими мотивами которых служат истории о возведении известных соборов или церквей на территории Священной Римской империи, например, Ахенского, Бамбергского, Кельнского и др. Отметим, что отсутствие универсальной классификации не позволяет нам употребить четкий термин при описании данного типа легенд на русском языке, а потому в рамках статьи рассматриваемый нами поджанр обозначен как «легенда об основании собора». С опорой на теорию отечественного литературоведения выделенные нами тексты обладают чертами христианских (религиозные мотивы) и средневековых городских легенд (описание жизнеустройства определенно-го города) [2].

Используемое нами понятие «легенда об основании собора» базируется на переводе двух немецких лексем, употребляемых относительно соответствующих типов текста:

1. “Kirchengründungssage” («легенда об основании церкви») – данный термин использует австрийский филолог и фольклорист Г. Грабер в своем сборнике фольклорных текстов, посвященных легендам Австрии [13].

2. “Dombausage” («легенда о строительстве собора») – более широко распространенная языковая единица, встречающаяся как в сборниках фольклорных текстов [8; 17], так и в других источниках, например, путеводителях [15], городских хрониках [11] и СМИ [18].

Вариативность композиционной структуры фольклорных текстов о немецких соборах предполагает наличие различных интерпретаций, что обуславливает оппозицию «постоянное – вариативное» («инвариантное – вариативное»). В анализируемом нами материале постоянным компонентом композиции является мотив возведения собора, а вариативным – его этапы, действующие лица, сюжетные повороты и т. д.

Анализ исследуемого материала выявил, что композиционная вариативность немецких легенд об основании соборов проявляется на трех уровнях:

- сюжетообразующее событие;
- действующие лица, персонажи;
- языковые средства описания сюжета и персонажей.

Рассмотрим проявления сюжетной вариативности на примере композиционной структуры текстов легенд о строительстве Кельнского собора.

/1/ “Wenn wir der Volkssage glauben, so verdankt dieser gewaltige Plan seinen Ursprung weniger dem tiefen Nachsinnen unseres Albertus als vielmehr einer unmittelbaren Anweisung der allerseligsten Jungfrau” [12]. – «Если верить распространенной легенде, этот грандиозный план обязан своим появлением не столько глубоким размышлениям нашего Альбертуса, сколько прямому указанию Пресвятой Девы» (Здесь и далее перевод примеров наш. – А.Г.).

/2/ “Als der Bau des Doms zu Cöln begann, wollte man gerade auch eine Wasserleitung ausführen. Da vermaß sich der Baumeister und sprach: „eher soll das große Münster vollendet seyn, als der geringe Wasserbau!”” [14, с. 280]. – «Когда началось строительство собора в Кельне, предполагалось построить и водовод. Тогда мастер-строитель осмелился и сказал: “Большой собор будет закончен раньше, чем маленький водовод!”».

/3/ ““Verkauft mir den Plan!”. Der Fremde aber lachte und warf ihm eine handvoll Goldgulden entgegen und sprach grinsend: “Um den Preis nicht”. – “Und wofür denn?” – “Für deine Seele!” war die Antwort des Fremden” [16, с. 139]. – «“Продайте мне план!” Но незнакомец рассмеялся, бросил ему горсть золотых гульденов и с ухмылкой сказал: “Не за такую цену”. – “А за какую же?” – “За твою душу!” – ответил незнакомец».

Приведенные фрагменты текстов описывают три сюжетообразующих события: Альбертус Магнус работает над планом собора («Albertus-Magnus-Sage» – пример /1/), мастер-строитель собирается возвести собор в короткий срок («Wasserleitungssage» – пример /2/), сделка с дьяволом («Teufelssage» – пример /3/).

Отметим, что все три легенды описывают один и тот же процесс, т. е. постоянный элемент композиции (строительство Кельнского собора). В то же время с точки зрения вариативности они находятся в оппозиции относительно друг друга и не являются дополнением или продолжением основной истории, что обусловлено вариативными элементами композиции (различные обстоятельства, при которых был построен Кельнский собор).

Исследование различных версий немецких легенд об основании собора, зафиксированных в письменной форме, также свидетельствует о случаях слияния двух вариантов сюжетобразующего события в одном тексте:

/6/ “Da man begann, den Kölner Dom zu bauen <...> der Teufel nahm <...> Menschengestaltung an, trat mit List zu dem Baumeister und sprach zu ihm: “Du übernimmst ein unausführbar schweres Werk! Was wetttest du, daß ich eher einen Kanal lege von Trier bis nach Köln, ehe du deinen Bau vollendest?”” [9, с. 353]. – «Когда начали строить Кельнский собор, <...> дьявол принял облик человека, хитростью подошел к мастеру-строителю и сказал ему: “Ты берешься за непосильно трудную работу! Что ты скажешь, если я построю канал от Трира до Кельна раньше, чем ты закончишь свое строительство?”».

Контекстуальный анализ фрагмента /4/ способствует выявлению инварианта фольклорного текста (строительство Кельнского собора), а также слияния двух сюжетобразующих событий (сделка с дьяволом и строительство водопровода). Подобные изменения в композиционной структуре фольклорного текста носят жанрообусловленный характер и свидетельствуют о вариативности исследуемых легенд.

В ходе нашего исследования важным представляется тот факт, что композиционная вариативность, проявляющаяся на уровне сюжетобразующего события, наблюдается и в текстах других немецких легенд об основании собора. Рассмотрим в качестве примера фрагменты из разных версий легенды о строительстве Ахенского собора:

/4/ “Da ward dem Rat bange, und er sann auf eine List. Er ließ im Gebirge einen Wolf fangen und diesen an das Haupttor des Domes bringen” [10, с. 355]. – «Тогда совет забеспокоился и придумал хитрость. Он приказал поймать в горах волка и привести его к главным воротам собора».

/5/ “Der Rat zu Aachen hatte just, als der Teufel seine Bedingung machte, eine arme Sünderin in seinem Gewahrsam, die schon zum Tode verurteilt war, und deren Seele verloren gegeben wurde. Diese Verurteilte nun ward in die Kirche hineingestoßen” [10, с. 355–336]. – «Когда дьявол выдвинул свои требования, совет Ахена взял под стражу бедную грешницу, которая уже была приговорена к смерти и чья душа была потеряна. Тогда эту осужденную женщину ввели в церковь».

Анализ примеров /4/ и /5/ определяет возведение Ахенского собора как постоянный элемент композиции, в то время как действующие лица могут быть отнесены к инвариантной (“Teufel” – «дьявол», “Rat zu Aachen” – «совет Ахена») или вариативной (“Wolf” – «волк», “Sünderin” – «грешница») части сюжета.

Принимая во внимание вариативные и постоянные характеристики персонажей анализируемых легенд, обозначим полученный нами в ходе семантического анализа вывод о том, что коннотативное значение лексем, описывающих действующие лица, остается неизменным. Например:

/6/ “Als bald fuhr der Teufel zu und packte mit einem Griff den armen Wolf” [10, с. 355]. – «И тут же дьявол приблизился и в два счета вцепился в бедного волка».

Сравнение примеров /5/ и /6/ подтверждает следующее: несмотря на композиционную вариативность, которая проявляется в системе образов разных версий легенды, коннотативное значение лексемы, обозначающей принесенного в жертву персонажа, является негативным (“eine arme Sünderin” – «бедная грешница», “den armen Wolf” – «бедного волка»). Данное явление, на наш взгляд, актуализирует дихотомию «постоянное – вариативное», где сюжетобразующее событие и часть его этапов, включая раз-

вязку, представляют инвариант. При этом вариативность действующих лиц, выраженных лексемами с одинаковым коннотативным значением, обладает неизменным значением для развития сюжетной линии:

/7/ “Diese Verurteilte nun ward in die Kirche hineingestoßen und ihre Seele vom Teufel in Empfang genommen, der aber deshalb aus Ärger die Tür zuwarf, daß sie borst, weil des Weibes Seele ohnehin schon sein gewesen wäre” [10, с. 356]. – «Тогда эту осужденную женщину ввели в церковь, и ее душа досталась дьяволу, который, однако, в гневе захлопнул дверь так, что она лопнула, потому что душа женщины все равно досталась бы ему».

/8/ “Wie aber der Teufel sah, daß er nur eine schlechte Wolfsseele erlangt hatte, fuhr er mit Gebrüll aus dem Tempel und schlug die ehernen Türpforte so heftiglich zu, daß sie borst und sich spaltete” [10, с. 355]. – «Но когда дьявол увидел, что ему досталась лишь скверная душа волка, он с ревом выскочил из храма и с такой силой хлопнул железной дверью, что она лопнула и раскололась».

Помимо вариативности, идентифицируемой нами на уровне сюжетообразующих событий и действующих лиц, в ходе анализа нами была выделена диафазическая, т. е. стилистическая вариативность.

/9/ “Die vier Meister begannen nun nach Anweisung der heiligen Jungfrau mit der größten Emsigkeit den Plan zu einem majestätischen Kirchenbau zu entwerfen. In hellstrahlenden Linien bildete der Aufriß sich zu einem erhabenen Ganzen fort, wie Albertus nie ein Bauwerk geahnt hatte” [12]. – «Следуя указаниям святой девы, четверо мастеров принялись с величайшим усердием набрасывать план величественного церковного здания. Сияя яркими линиями, набросок превратился в нечто возвышенное, подобного которому Альбертус и представить себе не мог».

/10/ “Die hl. Jungfrau und Gottesmutter winkt den Meistern und sie zeichnen mit geübter Hand einen Plan in strahlenden Linien auf die nackte Wand der Klosterzelle. Die Säulen streben empor, die Bogen wölben sich, und zwei mächtige Thürme wachsen in das Blau des Himmels” [15, с. 137]. – «Пресвятая Дева и Богородица манят мастеров, и они опытной рукой рисуют план в сияющих линиях на голой стене монастырской кельи. Колонны возносятся ввысь, арки сводятся, и две могучие башни устремляются в голубое небо».

Анализ примеров /9/ и /10/ способствует выделению оппозиции «вариативный – инвариантный» на стилистическом уровне. Оба фрагмента содержат эпитеты с положительной коннотацией, что в целом моделирует позитивный образ Кельнского собора, несмотря на различные денотаты описываемых лексем. Сравним коннотативное значение словосочетаний: “mit der größten Emsigkeit” – «с величайшим усердием» и “mit geübter Hand” – «опытной рукой». Помимо эпитетов, анализируемые примеры содержат и другие средства художественной выразительности, конструирующие положительно воспринимаемые элементы сюжета:

- сравнение: “wie Albertus nie ein Bauwerk geahnt hatte” – «подобного которому Альбертус и представить себе не мог»;
- аккумуляция: “Die Säulen streben empor, die Bogen wölben sich, und zwei mächtige Thürme wachsen in das Blau des Himmels” – «Колонны возносятся ввысь, арки сводятся, и две могучие башни устремляются в голубое небо».

Из этого следует, что вариативность, выявленная на уровне языковых средств выражения сюжетно значимых элементов, не влияет на восприятие сюжетообразующего события.

Таким образом, анализ уровней проявления вариативности в текстах легенд об основании соборов позволяет прийти к следующему выводу: принимая во внимание оппозицию «постоянное – вариативное», структурные изменения композиции исследуемых текстов в наибольшей степени выявляются при выделении разных сюжетообразующих событий. Сюжет влияет не только на состав действующих лиц и характер их действий, но и на языковые средства их выражения и стилистические приемы их описания, что также обуславливает композиционную вариативность.

Список литературы

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 2008.
2. Горбатовский А.С. Лингвокультурные особенности композиционной структуры немецких легенд об основании соборов // Язык и литература в синхронии и диахронии: Материалы Международной научной конференции. Краснодар, 2023. С. 62–72.
3. Николина Н.А. Филологический анализ текста. М., 2003.
4. Панченко Н.В. Композиция как традиционный объект филологических исследований: форма и/или содержание [Электронный ресурс] // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 2-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompozitsiya-kak-traditsionnyy-obekt-filologicheskikh-issledovaniy-forma-i-ili-soderzhanie> (дата обращения: 27.01.2024).
5. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб., 1994.
6. Филиппова И.Н. Лингвофилософия холизма в переводе. М., 2019.
7. Ярцева В.Н. Проблемы языкового варьирования: исторический аспект // Языки мира: Проблемы языковой вариативности. М., 1990. С. 4–36.
8. Arin P. Die Dombausage // Der Aachener Dom und seine Umgebung. 2. überarbeitete und ergänzte Auflage. Aachen, 2014. S. 8–9.
9. Bechstein L. Die Kölner Domsage // Deutsche Märchen und Sagen. Berlin; Weimar, 1978. S. 352–353.
10. Bechstein L. Dom zu Aachen // Deutsche Märchen und Sagen. Berlin; Weimar, 1978. S. 354–356.
11. Chronik der Stadt Aachen von 1976 bis 2007 [Electronic resource]. URL: https://www.aachen.de/de/stadt_buerger/aachen_profil/chronik/pdfs_chronik/chronik_aachen_1976_2007.pdf (дата обращения: 27.01.2024).
12. Ennen L. Albertus Magnus. Ein Lebensbild aus dem Mittelalter. Köln, 1856. [Electronic resource]. URL: <https://www.koelner-dom.de/erleben/sagen-und-legenden> (дата обращения: 12.01.2024).
13. Graber G. Sagen aus Kärnten. Wien, 2006.
14. Grimm J., Grimm W. Der Dom zu Cöln // Deutsche Sagen. Bd. 1. Berlin, 1816. S. 280–282.
15. Helmken F.T. Albertus Magnus und der Kölner Dom [Electronic resource] // Der Dom zu Coeln: seine Geschichte und Bauweise, Bildwerke und Kunstschatze. Ein Führer für die Besucher mit Abbildungen. Köln, 1887. S. 136–137. URL: <https://digital.dombibliothek-koeln.de/ddbkhd/content/pageview/164846> (дата обращения: 27.01.2024).
16. Helmken F.T. Der Dombaumeister und der Teufel [Electronic resource] // Der Dom zu Coeln: seine Geschichte und Bauweise, Bildwerke und Kunstschatze. Ein Führer für die Besucher mit Abbildungen. Köln, 1887. S. 138–144. URL: <https://digital.dombibliothek-koeln.de/ddbkhd/content/pageview/164846> (дата обращения: 27.01.2024).
17. Linden J. Die Dombausage [Electronic resource] // Aachener Sagen und Märchen. Aachen, 2017. URL: <https://oecher-platt.de/aachener-sagen-und-maerchen/> (дата обращения: 27.01.2024).
18. Ruszkowski T. Die Aachener Dombausage. 2022. [Electronic resource]. URL: https://www.myheimat.de/essen/c-ratgeber/die-aachener-dombausage_a3386541 (дата обращения: 27.01.2024).

* * *

1. Gal'perin I.R. Tekst kak ob»ekt lingvisticheskogo issledovaniya. M., 2008.
2. Gorbатовskij A.S. Lingvokul'turnye osobennosti kompozicionnoj struktury nemeckih legend ob osnovanii soborov // Yazyk i literatura v sinhronii i diahronii: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Krasnodar, 2023. S. 62–72.
3. Nikolina N.A. Filologicheskij analiz teksta. M., 2003.
4. Panchenko N.V. Kompozitsiya kak tradicionnyj ob»ekt filologicheskikh issledovaniy: forma i/ ili sodержanie [Elektronnyj resurs] // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 2-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompozitsiya-kak-traditsionnyy-obekt-filologicheskikh-issledovaniy-forma-i-ili-soderzhanie> (data obrashcheniya: 27.01.2024).
5. Putilov B.N. Fol'klor i narodnaya kul'tura. SPb., 1994.
6. Filippova I.N. Lingvofilosofiya holizma v perevode. M., 2019.
7. Yarceva V.N. Problemy yazykovogo var'irovaniya: istoricheskij aspekt // Yazyki mira: Problemy yazykovoj variativnosti. M., 1990. S. 4–36.

Considering the issue of the compositional variation of the German legends of the cathedrals foundation ("Dombausagen")

The article deals with the peculiarities of the compositional variation of the German legends of the cathedrals' foundation ("Dombausagen"). In the process of the analysis of the structure of the legends' texts and their components there is taken into consideration the opposition "invariant - variant", appeared at the level of the plot-forming events, the protagonists and the linguistic means of their expression.

Key words: *variation, composition, compositional variation, legend, legend of cathedral foundation.*

(Статья поступила в редакцию 31.01.2024)

И.М. РАЦ
Будапешт, Венгрия

ИЗОБРАЖЕНИЕ ВНУТРЕННЕГО ПРОСТРАНСТВА ИЗМЕНЕННОГО
СОЗНАНИЯ В ПРОЗЕ И.А. БУНИНА

В малой прозе, вводя измененные состояния сознания, Бунин расширяет границы разума лирического субъекта. Развертывание психологических процессов и воспоминаний во внутреннем временном пространстве, равно как и формирование реальности посредством сознания, свидетельствует о влиянии на автора Анри Бергсона и Артура Шопенгауэра. В состоянии между сном и явью могут открыться неизведанные измерения, предстать скрытые в подсознании слои, именно здесь происходит столь чаемое Буниным просветление.

Ключевые слова: И.А. Бунин, ментальное пространство, измененное состояние сознания, сон, память, бессознательное, синхроничность.

Измененное состояние сознания (ИСС) – отличное от нормы ментальное состояние с изменениями в субъективных переживаниях. Спектр ИСС невероятно широк: от обычного сна до близкого к смерти состояния «выхода из тела», причисляемые к ИСС явления можно классифицировать по различным признакам. Сюда относятся разнообразные трансовые, гипнотические и медитативные состояния, галлюцинации и активизация подсознательных образов. Измененное состояние сознания может быть вызвано сильными переживаниями (любовь, горе, ярость), религиозным опытом (молитва, религиозный экстаз), соматическими факторами (голод, сексуальный оргазм, задержка дыхания, недостаток сна), фармакологическими и психоделическими средствами (психоактивные вещества, наркотики, алкоголь). Измененное состояние сознания может возникнуть спонтанно, а также иметь патологический характер. При измененном состоянии сознания переживаемая человеком реальность ограничена пространством внутреннего, субъективного мира. Вместо реального пространства внешнего мира локусом опыта индивидуума становится проекция внутреннего, ментального пространства.

С описанием подобных явлений: изображением пограничных областей сознания и внутреннего пространства измененного сознания – мы встречаемся в рассказах лауреата Нобелевской премии по литературе, писателя русского зарубежья И.А. Бунина. Модель пространства у писателя типична для XX в., Бунин явно выходит за рамки способа изображения, принятого среди реалистов. Пространство соединяется с духовным содержанием и становится носителем конкретного образа жизни, представителем определенной социально-культурной сферы, какой-либо правды или проекцией внутреннего пространства сознания. Художественное изображение состояния транса присутствует уже в ранней прозе Бунина, так, например, в рассказе «Учитель» (1894) внутреннее напряжение, вызванное чувством вины и меланхолией, толкает подвыпившего главного героя к исполнению безумной, дикой виттовой пляски*, однако в целом описание внутреннего пространства измененного сознания присуще скорее зрелому периоду творчества писателя. В одном из важных текстов 1910-х гг., рассказе «Грамматика любви» (1915), главный герой начинает свое движение из внешнего пространства реальности, однако

* Танец и музыка в определенной форме могут служить предпосылкой для измененного состояния сознания.

это пространство постепенно трансформируется. Изображение природы, которое обычно определяет художественный язык Бунина, здесь постепенно отходит на задний план, описываемый пейзаж на глазах становится все более схематичным. Языковое абстрагирование направляет внимание читателя на параллельное движение главного героя Ивлева, который путешествует во внутреннем пространстве своего сознания, в царстве воспоминаний и воображения.

Под влиянием пространственной проекции его воспоминаний и соразмерно им край, прежде неизвестный герою, постепенно становится знакомым ему: «Такого пути Ивлев не знал», – читаем мы в первой части рассказа, вскоре после этого Бунин продолжает: «...и вдруг Ивлев вспомнил места, вспомнил, что не раз ездил тут в молодости верхом...» [1, с. 298, 301]. Художественное пространство сюжета балансирует на тонкой границе сна и яви: рассказчик уже в самом начале произведения подчеркивает ритмичный стук копыт и убаюкивающее воздействие гроыхающих бубенчиков на тарантасе. «Малый», правящий лошадьми, в начале пути недоволен, мрачен, с ним невозможно даже словом перекинуться, потому-то его пассажир и отдается «спокойной и бесцельной наблюдательности» [1, с. 298], а то и дремоте, когда сознание погружается в состояние оцепенения. Смена пространственных и временных линий в рассказе органически связана с тем, что автор позволяет увидеть происходящее одновременно в различных причинно-следственных контекстах, сразу с нескольких временных и ценностных позиций. Путешествие, разворачивающееся в глубине сознания, следует за процессом узнавания и самоосознания у героя, так же как и в двух других рассказах этого периода – «Братья» и «Сны Чанга».

Внутренний структурный ритм «Снов Чанга» определяют постоянное чередование сна (воспоминаний) и реальности, непрерывная пульсация ментальных пространств сознательных и бессознательных психических представлений. Линейный ход времени нарушается, картины настоящего и воспоминаний китайского щенка Чанга о юности и путешествии по Красному морю все время сменяют друг друга. В связи с механизмом восприятия рассказчика и действующих лиц рассказа возникает вопрос об объективности пространства-времени. Время, если рассматривать его в контексте физики, становится относительным, а все дни – одинаковыми, т. е. «что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться» [4], как говорится об этом в интертекстуально фигурирующей в рассказе Книге Екклесиаста. С момента знакомства Чанга и капитана прошло «целых шесть лет», это время «протекло, как песок в корабельных песочных часах», «шесть лет – много это или мало?», «за шесть лет Чанг с капитаном стали стариками, хотя капитану еще и сорока нет» [1, с. 370–371]. На неопределенность восприятия героями пространственно-временных условий указывают степени различных физиологических вариантов одурманенного сознания: опьянение, морская болезнь, а также пограничные состояния сна и бодрствования, сна и памяти. Постоянное чередование временных пластов – настоящего и прошлого – пульсирует в унисон со сдвигами, происходящими в физическом и ментальном пространстве истории. Через проекцию потока сознания щенка Чанга, чье имя фигурирует в названии рассказа, формируется лишенная линейной хронологии фабула, которую можно собрать, как мозаику, из вспыхивающих в памяти картинок. Развертывание психологических процессов и воспоминаний во внутреннем временном пространстве, равно как и формирование реальности посредством сознания, свидетельствует о влиянии на автора Анри Бергсона и Артура Шопенгауэра. Определение абсолютного пространства-времени, характерное для естествознания XIX в., в рассказе Бунина теряет смысл, отсылая к специальной теории относительности Эйнштейна, опубликованной в 1905 г. и вызвавшей бурную реакцию, – согласно этой теории не существует ни абсолютного пространства, ни абсолютного времени, пространство и время зависят от системы отсчета наблюдателя. Ментальные пространства бодрствования и сна в рассказе связаны друг с другом посредством электромагнитных и механических волн опре-

деленных физических энергий (свет, тепло, звук). Теорию о том, что физические энергии реального мира способны воздействовать на человека, преобразовываясь в имманентное пространство произвольных ассоциаций, возникающих в нашем сознании во снах, Бунин делает в «Снах Чанга» одним из важных принципов организации текста.

В рассказе «Грамматика любви» строки одного из любимых поэтов Бунина, Евгения Баратынского из «Последней смерти», описывают промежуточное состояние сознания между «сном» и «бдением», в котором просветление может произойти на границе «здорового рассудка» и «безумия». Цитата из Баратынского может служить поэтическим свидетельством существования такого состояния души на границе рационального и иррационального, в котором душа попадает под притяжение необъяснимых высших сил. В рассказе эти космические силы, независимо от того, в ком или в чем они воплощены, в любовном чувстве или в конкретном женском образе, в той же Лушке, способны превратить в «экстатическое житие» «человеческую жизнь, которой, может, надлежало быть самой обыденной жизнью, не случись какой-то загадочной в своем обаянии Лушки...» [1, с. 304–305]. Семантику этой одержимости, «священного безумия» вместило в себя и то название, которое автор собирался дать рассказу изначально*. В рассказе внешнее, пространственное перемещение обозначает внутренний процесс, протекающий в глубинах сознания и памяти. Вневременной характер этого процесса в результате явных переключек по-фольклорному скомпонованного сюжета уводит в мир волшебных сказок, однако там характеры героев статичны, а изначальная гармония в конце сказки обязательно восстанавливается. В бунинском же рассказе в результате внутренней трансформации главного героя Ивлева изначальная гармония восстановлена быть не может. Осознание правды покойного помещика Хвоцинского означает для героя начало существования иного типа.

В рассказе «Именины» (1924) автор помещает в центр родство и переплетение ментальных пространств сна и памяти: для главного героя давнее празднование именин в старинной дворянской усадьбе возникает одновременно как сон и как воспоминание:

И я тоже в усадьбе, в доме, за обедом, но вместе с тем, я весь этот день, усадьбу, гостей и даже себя самого только вижу: чувствую себя *вне* всего, *вне* жизни. Оказывается, не я один *вне* всего, *вне* жизни: все, окружающие меня, тоже *вне* ее, хотя они и двигаются, пьют, едят, говорят, смеются. И в душе моей растет такая скорбь, что я наконец *разрываю этот сон...*** [2, с. 141].

Фразой «я наконец разрываю этот сон» Бунин подчеркивает, что рассказчик намеренно обрывает нить сновидческого воспоминания, ибо все это парит в промежуточном состоянии между сном и бодрствованием. В наши дни медицина продемонстрировала разницу в паттернах колебаний мозговых волн*** при разных состояниях психики. По мере все более глубокого погружения в состояние релаксации мы достигаем тета-ритма, при котором деятельность мозга замедляется – мы уже почти заснули, но еще не спим. С этой стадией связаны глубокая медитация, интуитивные озарения, творческие процессы, визуализация. При переходе в тета-ритм проявляются воспоминания из прошлого, которые, как нам казалось, были забыты, расширяется сознание, возрастает творческая, созидательная сила мысли. Это состояние описывает Евгений Баратынский в вышеупомянутом стихотворении «Последняя смерть», которое в виде интертекстуального заимствования является одним из центральных мотивов бунинского рассказа «Грамматика любви».

В 1924 г. Бунин опубликовал в парижском эмигрантском журнале «Звено» три коротких рассказа, так называемые «миниатюры» – «Именины», «Музыка» и «Скарабей». В миниатюре «Музыка» рассказчик, находясь в состоянии между сном и явью, анало-

* изначально он собирался назвать текст «Невольник любви».

** Курсив наш. – Р.И.М.

*** Мозговые волны (альфа, бета, гамма, тета), демонстрирующие электрическую активность, различаются между собой по частоте.

гичным образом ощущает себя «извне», обнаруживая в «физическом, эмпирическом существе», т. е. скрытую в самом себе «трансцендентальную субстанцию» [5, с. 183]. Он осознает сокрытое в ментальном пространстве творческое воображение и мощную божественную созидательную силу, которая способна не только вообразить и придумать нечто, как все творцы, «Толстые и Шекспиры», но и создать это нечто: «Кто творил? Я, вот сейчас пишущий эти строки, думающий и сознающий себя? Или же кто-то, сущий во мне помимо меня, тайный даже для меня самого и несказанно более могущественный по сравнению со мною, себя в этой обыденной жизни сознающим?» [2, с. 146]. Рассказчик из третьего текста, «Скарабей», видит себя, наблюдает за собой «извне», на этот раз в Каирском египетском музее Булак. В первом печатном варианте рассказа Бунин говорит о родстве ментальных пространств сна и воспоминания. Исторические реликвии, которым по пять тысяч лет, саркофаги, мумии, королевские скарабеи невидимыми нитями связывают прошедшие исторические эпохи с непосредственно проживаемым настоящим.

Проблема «памяти», «воспоминания» и «времени» лежит в основе художественного мировоззрения Бунина, как неоднократно указывали исследователи его творчества. В рассказе «Сны Чанга» главный герой видит «взором памяти», т. е. связь между Чангом и уже умершим капитаном устанавливается прежде всего посредством магической операции памяти, которая устраняет эмпирическое пространство и время, поскольку вспоминающий оказывается «вне» четырехмерного пространства-времени и находится в энергетической связи с людьми, живущими в его памяти. В произведениях Бунина границы памяти иногда выходят за временные пределы земного существования, и в этом случае в образах, извлеченных из подсознания, оживает память о предыдущих жизнях, существующих согласно учению восточной философии. Указание на это мы видим в проникнутой буддийским духом легенде «Готами» (1919). «Вспомнила тебя душа моя» [2, с. 24] – эти слова как истинную причину чувств, испытываемых к Готами, должен был бы произнести ее возлюбленный. В любовном треугольнике из рассказа «В ночном море» (1923) обманутый и брошенный муж теряет самое священное существо, ту, что «помнила его душа», как вспомнил принц Гаутама Ясодхару, когда искал невесту: «Потому я избрал ее, что играли мы с ней в лесах в давнопрошедшие времена, когда был я сыном охотника, а она девой лесов: вспомнила ее душа моя!» [2, с. 104].

В рассказах Бунина пространство служит частью идейного содержания, пространственное перемещение приводит к дистанцированию во времени, поэтому в его произведениях требуется анализировать слияние пространственно-временных отношений, рассматриваемых в художественном смысле, т. е. хромотопы, если пользоваться терминологией Михаила Бахтина. Рассказ «Готами» (1919) позволяет читателю заглянуть в мифическое безвремя вспоминающей души, которое охватывает различные пространственно-временные измерения. В «Последнем свидании» (1912) прошлое становится активной составляющей настоящего: воспоминания двух героев, Андрея и Веры, «тенью прошлого» омрачают ночь их последней встречи. В событиях настоящего пульсирует прошлое, синхронность двух временных пластов усиливается статичностью пространства (влюбленные встречаются в том же доме за пустыми полями, что и раньше). В «Грамматике любви» (1915) перемещение в пространстве означает путешествие во времени, происходящее на уровне сознания, в котором закодирован процесс узнавания и посвящения, – подобно путешествию на пароходе в «Братьях» (1914) и «Снах Чанга» (1916). Перевернутая хронология «Легкого дыхания» (1916) – художественный инструмент для изображения характера героини, а благодаря резкой смене пространственных и временных плоскостей становится очевидным странный образ жизни Олиной классной дамы, заменяющей действительность фантазиями. Замкнутость изображения пространственно-временных отношений, описывающих полный, сам собою замыкающийся круг, компенсирует и растворяет метафора «легкого дыхания», которая обретает

универсальный смысл в заключительной сцене рассказа. Женский вздох, память о котором хранит классная дама, в момент воспоминания о нем снова и снова «рассеивается в мире», каждое воскресенье, циклически. Цикличность воспоминаний вплетается в вечный круговорот жизни, в непрерывную смену времен года, в цепь неизменного возрождения природы, вводя бунинский рассказ в смысловой контекст мифов о сотворении мира. В физической реальности Оля более не существует, но продолжает жить в памяти и в постоянно возрождающейся природе, с которой слилась физически. В «Легком дыхании» линейное время прекращается, рассказчик словно из середины временного круга одновременно видит его каждую точку, благодаря чему создается эффект, будто мы наблюдаем за всеми событиями одновременно, ведь последовательность событий на самом деле не имеет значения: в космической симультанности сливаются воедино прошлое, настоящее и будущее.

В эпике Бунина поэтический образ *сада* также может быть пространственной проекцией определенного ментального или душевного состояния. Сад – в различных культурах архетипический топос. Райский сад Книги Бытия, волшебная каменная роща из шумерского эпоса о Гильгамеше с плодами карнеола и листьями лазурита, поля Элизия у Гомера, сад Гесперид в греческой мифологии, священное пространство, Рай земной, уменьшенная версия Космоса, метафорическое отображение Золотого века древности. «Образ сада в русском фольклоре может быть символом любви, молодости, счастья, обновления жизни» [7, с. 16]. В рассказе «Чаша жизни» походы Александры Васильевны в кладбищенскую рощу (одна из ипостасей сада) служат метафорой того состояния (любви, молодости, счастья), которое Юнг отождествляет с путем жизни, ведущим вверх [8]. Кульминация этого в жизни героини – лето, когда окруженная поклонниками, одетая в мордовский костюм с большим красным бантом в русых волосах Александра Васильевна действительно могла ощущать себя той «Афродитой Розоперстой», богиней греческих эпосов, которой потом назовет ее Гомер-Яша, когда она, уже будучи низенькой старой женщиной с «пепельно-седыми волосами и грустным взглядом бесцветных глаз», «спотыкаясь, горбясь», бредет домой из кладбищенской рощи.

При рассмотрении того, как в произведениях Бунина даются образы природы и переживания героев, мы не можем говорить о психологическом параллелизме*, ведь картины природы не иллюстрируют и не объясняют чувства персонажей [6, с. 53–57]. У Бунина речь идет о космической синхронности [9], о сближении временных диапазонов психического (внутреннего) и физического (внешнего) миров. Судьбоносные перемены, затрагивающие вопросы жизни и смерти, происходят на уровне энергий прежде, чем могут реализоваться на уровне физической и материальной реальности, который находится под контролем времени. В бунинских рассказах трагизм, как и чувство любви, энергетически присущ самой природе, ибо, как полагает писатель, и человек, и природа – неотъемлемая часть космического целого. В повести «Митина любовь» (1924) главный герой Митя, состояние которого ментально сужается под влиянием глубоких переживаний (любви** и горя***), начинает по-другому воспринимать окружающее его пространство природы. Однажды весной, еще в младенчестве, Митя, находясь в саду с

* В трактовке А. Веселовского при разговоре о психологическом параллелизме «дело идет не об отождествлении человеческой жизни с природною и не о сравнении, предполагающем сознание раздельности сравниваемых предметов, а о сопоставлении по признаку действия, движения» [3, с. 125].

** За нашими чувствами стоят нейрхимические процессы головного мозга. В период влюбленности вырабатывается нейротрансмиттер под названием допамин. В то же время снижается активность других участков мозга (миндалевидного тела, лобных долей коры) и притупляется способность к «трезвым» рассуждениям («розовая пелена»).

*** Серьезные эмоциональные потрясения (например, горе) мозг воспринимает как угрозу для выживания. В таких ситуациях возрастает активность миндалевидного тела, которое расположено в примитивной части мозга, и весь организм переходит в состояние «готовности на случай тревоги» (учащаются дыхание и сердцебиение, и т. д.). Способность рассуждать снова притупляется, а мозг активизирует защитные механизмы (напр., отрицание и диссоциацию).

молодой нянкой, пережил то чувственное озарение, в процессе которого он испытал явление пронизывающей весь мир «Вечной женственности», женского начала. В последующей жизни мальчик сравнивает всех встреченных им женщин с тем первичным чувственным опытом. Важно, что перед знакомством Мити с его возлюбленной, Катей, скоропостижно умирает его отец. Юноша чувствует, что после смерти отца «как-то не так светило солнце», «не так зеленела трава», «не так замирали на весенней, только еще сверху горячей траве бабочки» [2, с. 200]. Однако потом весенний мир наполняется любовью к Кате, она «все живее и живее чувствовалась во всем, на что бы ни взглянул Митя» [2, с. 201]. Образ девушки, запечатленный в памяти, хорошеет по мере того, как деревенская природа расцветает весенними цветами. Сад пестрит от многоцветья, но сладкий запах цветов и цветущих деревьев, жужжание насекомых, теплый весенний ветерок и пьянящее голубое небо напрасно сулят Мите удовлетворение. «Тихая, нежная, совсем бледная луна» [2, с. 212] своим видом вызывает в памяти образ Кати, и Митя понимает, что она окончательно потеряна для него. Меняя цветовую гамму на более темную, Бунин уже намекает на трагический финал любви героя. В момент прибытия прощального письма Кати небо становится темно от туч, исчезают резкие, пестрые цвета и звуки весны. Краски пейзажа, погружающегося в темно-серый и черный, отражаются на посиневших от холода руках Мити, его лиловых губах и смертельно бледном, фиолетового оттенка лице. Бурно и мрачно низвергающийся с небес дождь сливается с потоком митиных слез — он уже не несет ни забвения, ни очищения и не может облегчить невыносимую боль, от которой Митя пытается избавиться, совершая самоубийство. В продолжение композиционных принципов более ранних рассказов в повести «Митина любовь» параллельно с пространственным сюжетным поворотом (главный герой едет из Москвы в родную деревню) перед нами разворачивается путешествие во времени. Однако путешествие не самоцель данного произведения: причины трагической смерти Мити сокрыты в его детских впечатлениях*.

Проявления измененного состояния сознания (сон, гипноз, фантазия, воздействие наркотиков, безумие) вызывали серьезный интерес еще у писателей романтизма — литературное изображение диссоциативных душевных состояний вдохновило их к созданию множества произведений. Современная психология как наука родилась почти в одно время с Буниным**, К.Г. Карус, а также Фрейд и Юнг с их теорией психоанализа оказали большое влияние и на духовную жизнь в России. Хотя вопрос об отношении Ивана Алексеевича к постулатам психоанализа до сих пор в специальной литературе не рассматривался, мы можем предположить, что избежать влияния доминирующего духовного течения своей эпохи он не мог. Фрейд, который, изучая ментальные пространства измененного состояния сознания, двигался от бодрствования ко сну, при применении гипноза впервые столкнулся с фактом существования бессознательных ментальных процессов [10, с. 51]. Техника свободных ассоциаций привела Фрейда к признанию важности снов, в том числе осознанного сна***, явления, которое было известно еще в эпоху античности. В исследованиях измененного состояния сознания большую роль сыграли опыты, проводившиеся на себе Уильямом Джеймсом, благодаря им были сделаны важные шаги в исследовании механизмов воздействия на сознание психоделиков. Научные исследования доказали, что в измененном состоянии сознания раскрываются более глубокие слои человеческого разума, при этом активизируются определенные области головного мозга, а функционирование других, наоборот, ограничивается.

* Об очевидных параллелях между сюжетной структурой повести и научными тезисами современного психоанализа см.: [6, с. 203–207].

** Несмотря на то что основы психологии стары, как человечество, рождение современной психологии как науки датируют с момента основания в 1879 г. в Лейпцигском университете лаборатории психологии Вильгельма Вундта (1832–1920).

*** Спящий человек не только осознано, что спит, но и может влиять на процесс сна.

Иван Алексеевич с помощью языка литературы доносит до читателей научные наблюдения современной психологии. Актуальный подход к освещению в его прозе душевных проявлений стал возможен благодаря повышенному интересу писателя к передаче онейрических состояний. На ментальной границе сна и бодрствования могут открыться неизведанные измерения и скрытые пространства бессознательного, и тогда наступит столь чаемое Буниным просветление. С помощью измененных состояний сознания (опьянение, морская болезнь, галлюцинация, сон, осознанный сон, воспоминания, потеря сознания, любовь, творчество, фантазия, имажинация*) писатель раздвигает в своих рассказах границы сознания лирического «я», увеличивая пространство для художественного изображения механизма функционирования бессознательного разума.

Список литературы

1. Бунин И.А. Собрание сочинений в 9 т. / Под общ. ред. А.С. Мясникова, Б.С. Рюрикова, А.Т. Твардовского. М., 1966. Т. 4.
2. Бунин И.А. Собрание сочинений в 9 т. / Под общ. ред. А.С. Мясникова, Б.С. Рюрикова, А.Т. Твардовского. М., 1966. Т. 5.
3. Веселовский А.Н. Историческая поэтика / Ред., вступ. ст. и примеч. В.М. Жирмунского. М., 2004.
4. Екклесиаст. 1:9.
5. Курляндская Г.Б. Бунин и Тургенев: «Чистый поненельник» и «Дворянское гнездо». Сравнительно-типологическое исследование // Курляндская Г.Б. Литературная срединная Россия (Тургенев, Фет, Лесков, Бунин, Леонид Андреев). Орел, 1996.
6. Рац И.М. Иван Бунин. Таинство любви и бытия. М., 2022.
7. Тропкина Н.Е. Образ сада в русской поэзии конца XX – начала XXI века: фольклорные традиции // Литература в школе. 2016. № 8. С. 16–18.
8. Юнг К.Г. О психологии бессознательного. М., 2021.
9. Jung C.G. Synchronicity: An Acausal Connecting Principle (first Princeton/Bollingen paperback ed.), Princeton, New Jersey, 1973.
10. Szummer Cs., Horváth L. Alom, fantázia és normál tudatállapot Husserlnél, Freudnál és a Daseinanalízisben // Psychologia Hungarica Caroliensis. 2020. № 8(1). P. 45–79.

* * *

1. Bunin I.A. Sbranie sochinenij v 9 t. / Pod obshch. red. A.S. Myasnikova, B.S. Ryurikova, A.T. Tvardovskogo. M., 1966. T. 4.
2. Bunin I.A. Sbranie sochinenij v 9 t. / Pod obshch. red. A.S. Myasnikova, B.S. Ryurikova, A.T. Tvardovskogo. M., 1966. T. 5.
3. Veselovskij A.N. Istoricheskaya poetika / Red., vstup. st. i primech. V.M. Zhirmunskogo. M., 2004.
4. Ekklesiast. 1:9.
5. Kurlyandskaya G.B. Bunin i Turgenev: «Chistyj ponenel'nik» i «Dvoryanskoe gnezdo». Sravnitel'no-tipologicheskoe issledovanie // Kurlyandskaya G.B. Literaturnaya sredinnaya Rossiya (Turgenev, Fet, Leskov, Bunin, Leonid Andreev). Orel, 1996.
6. Rac I.M. Ivan Bunin. Tainstvo lyubvi i bytiya. M., 2022.
7. Tropkina N.E. Obraz sada v russkoj poezii konca XX – nachala XXI veka: fol'klornye tradicii // Literatura v shkole. 2016. № 8. S. 16–18.
8. Yung K.G. O psihologii bessoznatel'nogo. M., 2021.

* Термин Эдмунда Гуссерля, описывающий акт намеренно управляемого воображения.

***The representation of the inner space of the altered state of consciousness
in the prose of I.A. Bunin***

In flash fiction I.A. Bunin expands the boundaries of the mind of the lyric subject, introducing the altered states of consciousness. The development of the psychological processes and recollections in the inner temporal space, as well as the development of the reality by the means of the consciousness, displays the influence of Henri Bergson and Arthur Shopenhauer on the author. In the state between dream and reality the unknown dimensions can be opened, the hidden layers at a subconscious level can be presented, this is the place, where the expected enlightenment by I.A. Bunin is occurred.

Key words: *I.A. Bunin, mental spaces, altered state of consciousness, dream, memory, unconscious, synchronism.*

(Статья поступила в редакцию 20.12.2023)

В.В. КАТЕРМИНА
Краснодар

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Д.Ю. ГУЛИНОВА, О.А. ДМИТРИЕВОЙ «ПИСЬМА СЧАСТЬЯ»: ЭВОЛЮЦИЯ, СТРУКТУРА, ТИПАЖИ

Вышла в свет монография волгоградских лингвистов Д.Ю. Гулинова и О.А. Дмитриевой, продолжателей научных идей талантливого российского ученого проф. В.И. Карасика. В ней расширяется и углубляется тематика многочисленных предыдущих работ авторов, посвященных жанру «письмо счастья» (см. [1, с. 171–176; 2, с. 99–113; 3, с. 175–183; 4, с. 180–185; 5, с. 39–48]).

В монографии обсуждаются вопросы лингвокультурологии, генристики, лингвоаксиологии и лингвоперсонологии. Монография состоит из трех разделов: «История возникновения “писем счастья”», «Лингвистические характеристики “писем счастья”» и «Лингвокультурные типажы “писем счастья”». Авторы последовательно рассматривают структурные характеристики «писем счастья» как жанра, приводят историю и генезис писем, опираясь на многочисленные иноязычные документы, предлагают универсальную структуру «письма счастья», узнаваемую в современном социуме, а также поднимают вопрос манипулятивного воздействия «писем счастья» посредством апелляции к ценностям реципиента, выделяя ценности адресата и адресанта.

Подробный анализ текстов «писем счастья» на русском, французском, английском и немецком языках позволил установить этнокультурное своеобразие текстов письма. Вызывают интерес выделенные авторами лингвокультурные типажы «писем счастья».

Монография рекомендована студентам, магистрантам, аспирантам и специалистам в области лингвосомиотики, лингвокультурологии, когнитивной и аксиологической лингвистики, теории лингвокультурных типажей.

Фактически каждый из нас получал «письма счастья» либо в классическом бумажном формате, либо в виде электронной рассылки. Именно поэтому в качестве материала исследования выступили «письма счастья» на русском, английском, французском и немецком языках, полученные авторами в период с 2020 г. до 2023 г., а также размещенные на тематических сайтах, посвященных мошенничеству в Интернете.

Формат сообщения не имеет никакого значения, поскольку на первый план выходит манипулятивная составляющая письма. Проведенное авторами монографии исследование позволяет заявить о том, что суеверное мировоззрение, несмотря на высочайший уровень развития науки и техники современного социума по сравнению с периодом первобытного общества и доминирования мистического мышления, сохранилось и получило новые формы выражения в соответствии с современными средствами массовой коммуникации. Зафиксированный в 584 г. прототип «письма счастья», содержащий религиозный текст, а именно выражение недовольства епископа Лицианина другому епископу, выражающему доверие к отреченному письму, не потерял своей актуальности и в наши дни, они продолжают свое существование в цифровом формате.

Безусловно, новый формат повлиял на содержание «писем счастья», что позволило авторам предложить типологию писем с опорой на содержание. «Письма счастья» и раньше вызывали интерес лингвистов, однако обзор публикаций, посвященных изучению данного феномена, позволил заявить о многообразии текстов, относимых к этому

типу писем, а также об отсутствии стройной типологии, что привело к разночтению в исследованиях, поскольку корпус «писем счастья» рассматривался исследователями с различных точек зрения и с разной целевой установкой.

Авторы предлагают следующую типологию «писем счастья» по тематическому признаку: религиозные «письма счастья», вирусные «письма счастья», шуточные письма-имитации, письма-челленджи, мошеннические письма, письма удачи и неудачи, письма любви/семьи/дружбы, «лечебные» письма, письма-медитации, обрядовые письма и др.

В первой главе «История возникновения “писем счастья”» приводится анализ словарных дефиниций понятия «письмо счастья», которое определяется как письмо, отправленное нескольким лицам с просьбой о том, чтобы каждый из них направил копии письма равному числу лиц. Выявлены различные номинации «писем счастья» на русском, английском, французском и немецком языках. Установлено, что «письма счастья» имеют универсальную структуру, к которой относятся: повествование какой-либо истории, неожиданность, требование к получателю не удалять письмо, а дочитать его до конца, инструкции содержат жесткий прескриптив, в случае трансмиссии сообщения, выполненной в требуемый период, обещан успех, в противном случае адресата письма ждут несчастья. Многочисленные факты, содержащие ономастикон, указания на даты, входящие в фоновые знания реципиента, приводятся для убеждения в достоверности действия послания.

Иррациональные и необъяснимые страхи перед неизвестным лежат в основе суеверных представлений, не имеющих научного обоснования, по этой причине «письма счастья» не утрачивают своей актуальности. Не контролируя ситуацию, при отсутствии уверенности в моменты кризиса индивид обращается к суевериям. Получая «письма счастья», читатель стоит перед выбором: принять содержание и поступить согласно инструкции; отвергнуть содержание, забыть о письме; принять содержание, но не следовать инструкции; отвергнуть содержание, но поступить согласно инструкции. Выбор полностью зависит от психологических особенностей адресата и степени его суеверности.

Говоря об эмотивной составляющей «писем счастья», авторы указывают на сочетание позитивной и негативной эмотивности, поскольку апеллируют к таким диаметрально противопоставленным ценностным компонентам, как: богатство – нищета, любовь – одиночество, здоровье – смерть и т. д. Подобные эмоциональные качели делают жертву более восприимчивой для манипуляции ее сознанием. Проведенный опрос продемонстрировал амбивалентное отношение к «письмам счастья», многие респонденты отметили неэкологичность и деструктивный характер посланий, описав эмоциональный отклик, сопровождающий ознакомление с содержанием «писем счастья».

Во второй главе содержится описание семиотической структуры «писем счастья», которая характеризуется универсальными и этнокультурными особенностями. Авторы выявили субстанциональные и несубстанциональные фациенты, выступающие системообразующими признаками «писем счастья», и установили типичные черты: анонимность автора или фикциональное имя автора, широкая аудитория адресатов, манипуляции ценностными приоритетами жертвы.

К общим чертам «писем счастья» в исследуемых культурах относятся идентичная структура самих писем, тематика, наличие императивов в инструкциях по рассылке, выделение слов и выражений заглавными буквами и т. д. Различия составляют неравномерное количество наименований понятия «письмо счастья» в сопоставляемых языках, высокая концентрация глаголов долженствования и использование сокращений и сленга в письмах на английском языке. «Письма счастья» на английском языке чаще упоминают в крупных таблоидах и известных Интернет-изданиях, в то время как их французские аналоги встречаются чаще в статьях, размещенных на сайтах различных исследо-

вательских институтов. В современном русском коммуникативно-массовом сознании отмечено активное использование словосочетания «письмо счастья» для номинации официальных писем из ГИБДД и Пенсионного фонда.

В третьей главе «Лингвокультурные типы «писем счастья»» приводится описание основных прототипов, задействованных в создании и распространении «писем счастья» – лингвокультурные типы: «скаммер» и «суеверный человек», представляющие собой адресанта и адресата – «автора-мошенника» и «читателя-жертву».

К несомненным достоинствам монографии можно в первую очередь отнести ее последовательную направленность: авторы рассматривают жанр «письмо счастья», выводят универсальную структуру, выделяют типы «писем счастья», устанавливают этнокультурную специфику, моделируют типизированные языковые личности – лингвокультурные типы, задействованные в создании и распространении «писем счастья».

Теоретические результаты, приведенные в книге, и тонкие языковые наблюдения ее авторов, безусловно, заинтересуют всех лингвистов, занимающихся проблемами лингвокультурологии.

Хочется от всей души поздравить Дмитрия Юрьевича и Ольгу Александровну с публикацией этой книги и пожелать им дальнейших творческих достижений.

Список литературы

1. Гулинов Д.Ю., Дмитриева О.А. Типология «писем счастья» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 10(163). С. 171–176.
2. Дмитриева О.А., Гулинов Д.Ю. «Письма счастья» как системообразующий признак лингвокультурного типажа «скаммер» [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2020. № 3. С. 99–113. URL: <http://www.tverlingua.ru> (17.01.2023).
3. Дмитриева О.А., Гулинов Д.Ю. «Письма счастья»: аксиологическая характеристика в сравнительно-сопоставительном аспекте (на материале русского и французского языков) // Лингвокультурные ценности в сопоставительном аспекте: колл. монография. Волгоград, 2018. С. 175–183.
4. Дмитриева О.А., Гулинов Д.Ю. «Письма счастья»: гипотезы возникновения жанра и этнокультурная специфика // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 5. С. 180–185.
5. Дмитриева О.А., Гулинов Д.Ю. Лингвокультурные характеристики «нигерийских писем» // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 2. С. 39–48.

* * *

1. Gulinov D.Yu., Dmitrieva O.A. Tipologiya «pisem schast'ya» // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2021. № 10(163). S. 171–176.
2. Dmitrieva O.A., Gulinov D.Yu. «Pis'ma schast'ya» kak sistemoobrazuyushchij priznak lingvokul'turnogo tipazha «skammer» [Elektronnyj resurs] // Mir lingvistiki i kommunikacii: elektronnyj nauchnyj zhurnal. 2020. № 3. S. 99–113. URL: <http://www.tverlingua.ru> (17.01.2023).
3. Dmitrieva O.A., Gulinov D.Yu. «Pis'ma schast'ya»: aksiologicheskaya harakteristika v sravnitel'no-sopostavitel'nom aspekte (na materiale russkogo i francuzskogo yazykov) // Lingvokul'turnye cennosti v sopostavitel'nom aspekte: koll. monografiya. Volgograd, 2018. S. 175–183.
4. Dmitrieva O.A., Gulinov D.Yu. «Pis'ma schast'ya»: gipotezy vozniknoveniya zhanra i etnokul'turnaya specifika // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2019. № 5. S. 180–185.
5. Dmitrieva O.A., Gulinov D.Yu. Lingvokul'turnye harakteristiki «nigerijskih pisem» // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2020. № 2. S. 39–48.

Review of the monograph “Letters of Happiness: evolution, structure, types” by D.Yu. Gulinov, O.A. Dmitrieva

(Рецензия поступила в редакцию 20.01.2024)

А.П. СЕДЫХ
Белгород

**ОТ КОЛЛЕКТИВНЫХ К ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИМ КОНЦЕПТОСФЕРАМ:
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВОКОНЦЕПТОЛОГИИ**
(рецензия на книгу: Красавский Н.А. Индивидуально-авторские
концептосферы эмоций Германа Гессе, Стефана Цвейга и Роберта Музиля:
монография. Волгоград: «Перемена», 2023. 225 с.)

Ретроспективный взгляд в историю отечественной лингвистики последней четверти века позволяет отметить когнитивно-коммуникативную парадигму в качестве ее нынешнего приоритетного направления. Экспансия лингвистического знания и антропоцентризм – это очевидные приметы языкознания конца прошлого и начала нынешнего столетия (подробнее см.: [8, с. 4]). Н.А. Красавский в вводной части к монографии верно отмечает значительный вклад антропоцентрического подхода к изучению языка, предполагающего в том числе и исследование пограничных с лингвистикой наук: «<...> антропоцентрически ориентированная лингвистика, изучающая человека в языке и язык в человеке, вне сомнений, содержательно обогатила не только филологию, но и многие сопряженные с ней гуманитарные и социальные науки» (с. 6).

На первых страницах книги автор рассуждает о тесной взаимосвязи компонентов известной триады «язык – сознание – культура», справедливо утверждая, что посредством анализа речевой деятельности homo loquens становится возможным проникновение в мыслительные операции человека, с одной стороны, и в постижение формирования самой культуры – с другой. Трудно не согласиться с Н.А. Красавским, считающим в сформированной в последние два десятилетия лингвоконцептологии понятие «концепт» базовым термином данной научной парадигмы, стремительно развивающейся у нас в стране.

В главе 1 автор дает фундаментальное описание концепту, предлагает рассмотреть различные трактовки этого понятия, отдавая при этом предпочтение культурологическому подходу к его толкованию, предложенному В.И. Карасиком: «концепт – это многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [4, с. 129]. В этой же главе рассмотрены различные многочисленные классификации концептов. Одним из них Н.А. Красавский, основываясь на тематической классификации этого феномена, считает эмоциональный концепт, понимаемый как «этнически, культурно обусловленное, сложное структурно-смысловое, ментальное, как правило, лексически и/или фразеологически вербализованное образование, базирующееся на понятийной основе, включающее в себя помимо понятия образ, культурную ценность и функционально замещающее человеку в процессе рефлексии и коммуникации предметы (в широком смысле слова) мира, вызывающие пристрастное отношение к ним человека» (с. 28).

Автором отмечается факт значительного количества уже основательно исследованных концептов национальных языков (коллективных концептов) в российской лингвистике. Это обстоятельство позволяет Н.А. Красавскому заключить, что одной из ниш в лингвоконцептологии сегодня являются индивидуально-авторские концепты. Это направление им признается приоритетным. В рецензируемой книге называется ряд исследований, авторы которых изучают отдельные концепты наиболее известных отечественных и зарубежных писателей, поэтов – М. Булгакова, В. Набокова [6], С. Есенина [5], М. Цветаевой [3], Р. Бёрнса [2], И.В. Гёте [7] и др. В монографии акцентирована мысль на том, что при описании индивидуально-авторских концептов и в целом индивидуально-авторских концептосфер важно учитывать их ценностную составля-

ющую. По мнению автора, выявление ценностного признака в концепте позволяет определить мировоззренческую позицию индивида.

Интересны рассуждения Н.А. Красавского о критериях выявления ключевых (т. е. главных) эмоциональных концептов в индивидуально-авторской концептосфере: «Исследователь, поставивший перед собой задачу описания концептосферы конкретной языковой личности, столкнется, по нашему мнению, как минимум со сложными вопросами следующего порядка: 1) какова техника, процедура выявления базисных (ключевых) индивидуально-авторских концептов? Можем ли мы полагаться, например, исключительно на количественные показатели вербализации определенного понятия, идеи, которые эксплицируются в авторских текстах? 2) Следует ли учитывать суждения специалистов о творчестве, его идейном содержании того/иного автора? 3) Как быть в ситуации множественности толкования тех/иных идей автора (напр., разные суждения о творчестве философа Ф. Ницше)?» (с. 18). Заслуживают внимания выявленные автором книги критерии определения ключевых концептов: количественные показатели; суждения экспертов (главным образом литературных критиков и в целом литературоведов); тематическая направленность художественного произведения и его сюжет. Как показывает дальнейшее изложение материала, данные критерии оказались валидными.

В последующих главах монографии (2, 3, 4) автор выявляет ключевые эмоциональные концепты в художественных произведениях Г. Гессе, С. Цвейга и Р. Музиля. Часть из них оказалась идентичной, часть – различающейся.

Автор книги ставит перед собой следующие задачи: а) выявление ключевых эмоциональных концептов индивидуально-авторских концептосфер Германа Гессе, Стефана Цвейга и Роберта Музиля; б) установление перцептивно-образных и ценностных признаков их индивидуально-авторских эмоциональных концептов; в) определение основных способов вербализации данного типа концептов в произведениях этих писателей; г) выявление лексических средств речевого воплощения ключевых эмоциональных концептов в художественной картине мира Г. Гессе, С. Цвейга и Р. Музиля (с. 8).

Большой интерес, с нашей точки зрения, представляет решение задачи установления перцептивно-образных признаков описываемых концептов (напр., *любовь, душевные страдания, страх*). Проецируя выявленные перцептивно-образные признаки на результаты ассоциативного эксперимента, зафиксированные в специальном словаре, [1] и обращаясь к многочисленным лексикографическим источникам, Н.А. Красавский определяет специфику данных концептов. Иными словами, посредством анализа достаточно многочисленных перцептивно-образных признаков (ряд из них оригинален, носит явно выраженный индивидуально-авторский характер) Н.А. Красавский обнаруживает особенности эмоционального восприятия мира, специфику его толкования через призму психических переживаний протагонистов. Так, например, в картине мира С. Цвейга перцептивно-образными признаками эмоционального концепта «душевные страдания» являются *дорога-лабиринт, струящаяся из раны кровь*; у эмоционального концепта «одиночество» образная перцепция эксплицирована *слепыми окнами, молчаливым небом, одинокой звездой над лесом, мерцающей слезой*. Полагаем, что при этом в работе автор мог бы в большей степени акцентировать внимание на оценочной составляющей эмоциональных концептов. Можно было бы остановиться, на наш взгляд, более подробно на обсуждении вопроса самой модальности эмоций, которые имеют преимущественно отрицательную направленность.

Успешно решена и задача определения способов вербализации исследуемых концептов. Они, как показывает материал книги, чаще выражаются, чем обозначаются. Установленный факт, равно как и многие другие выводы автора, аргументировано объяснен.

Вышедшая монография Н.А. Красавского найдет широкую читательскую аудиторию, прежде всего, среди ученых, интересующихся вопросами лингвоконцептологии и лингвоперсонологии.

Список литературы

1. Ассоциативные нормы русского и немецкого языков / Н.В. Уфимцева, И.А. Стернин и др. М.; Воронеж, 2004.
2. Выстропова О.С. Индивидуально-авторская концептосфера Роберта Бёрнса: монография. Казань, 2020.
3. Казакова А.А. Концепт «тоска» в поэтическом идиолекте М. Цветаевой // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 5(90). С. 125–131.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
5. Кривошапко С.А. Концепты «время» и «пространство» в лирической поэзии С.А. Есенина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2010.
6. Мухин М.Ю. Лексическая статистика и идиостиль автора: корпусное идеографическое исследование (на материале произведений М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2011.
7. Нойгебауер Т.А. Концепты «слово», «дело», «мысль» в творчестве И.В. Гёте как средство формирования авторской картины мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2013.
8. Седых А.П. Язык, культура, коммуникация: французский мир: монография. Белгород, 2022.

* * *

1. Associativnye normy russkogo i nemeckogo yazykov / N.V. Ufimceva, I.A. Sternin i dr. M.; Voronezh, 2004.
2. Vystropova O.S. Individual'no-avtorskaya konceptosfera Roberta Byornsa: monografiya. Kazan', 2020.
3. Kazakova A.A. Koncept «toska» v poeticheskom idiolekte M. Cvetaevoy // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2014. № 5(90). S. 125–131.
4. Karasik V.I. Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs. Volgograd, 2002.
5. Krivoschapko S.A. Koncepty «vremya» i «prostranstvo» v liricheskoy poezii S.A. Esenina: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Rostov-na-Donu, 2010.
6. Muhin M.Yu. Leksicheskaya statistika i idioshtil' avtora: korpusnoe ideograficheskoe issledovanie (na materiale proizvedenij M. Bulgakova, V. Nabokova, A. Platonova i M. Sholohova): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Ekaterinburg, 2011.
7. Nojgebauer T.A. Koncepty «slovo», «delo», «mysl'» v tvorchestve I.V. Gyote kak sredstvo formirovaniya avtorskoj kartiny mira: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Belgorod, 2013.
8. Sedyh A.P. Yazyk, kul'tura, kommunikaciya: francuzskij mir: monografiya. Belgorod, 2022.

From collective to individual-author spheres of concepts: tendencies of development of modern linguistic conceptology (review of the monograph "Individual-author spheres of concepts of emotions by Hermann Hesse, Stephan Zweig and Robert Musil" by N.A. Krasavsky. Volgograd: Peremena, 2023. 225 p.)

(Рецензия поступила в редакцию 01.02.2024)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Асадуллаева
Арзу Вахабовна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и перевода, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: a.arzu18@yandex.ru
- Бобырева
Екатерина Валерьевна* – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: new_life@mail.ru
- Бударина
Жанна Сергеевна* – старший преподаватель кафедры китайского языка, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: janissimo@inbox.ru
- Буряковская
Валерия Анатольевна* – доктор филологических наук, заведующий кафедрой английской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: vburyakovskaya@yandex.ru
- Горбатовский
Александр Сергеевич* – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Кубанский государственный университет. E-mail: alexgorbatovsky@mail.ru
- Ионова
Татьяна Анатольевна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: Ionowa.tatiana@yandex.ru
- Искандари Махнуш* – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Университет имени Алламе Табатабаи. E-mail: Eskandari.mahnush@gmail.com
- Кармова
Марьяна Ризоновна* – старший преподаватель кафедры английского языка в профессиональной сфере, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. E-mail: mkarmova@fa.ru
- Катермина
Вероника Викторовна* – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Кубанский государственный университет. E-mail: veronika.katermina@yandex.ru
- Коровина
Кристина Геннадьевна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: kristy_life@mail.ru
- Красавский
Николай Алексеевич* – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: nkrasawski@yandex.ru
- Кузнецова
Вилена Владимировна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: v.kouznetsova@inbox.ru

<p><i>Леонтович</i>
<i>Ольга Аркадьевна</i></p>	– доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации и перевода, Волгоградский государственный социально-педагогический университет; главный научный сотрудник Лаборатории филологических исследований департамента научной деятельности, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина. E-mail: olgaleo@list.ru
<p><i>Мансур</i>
<i>Мохаммед Хассан Саммани</i></p>	– кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и литературы, Айн-Шамский государственный университет. E-mail: hassen@bk.ru
<p><i>Михайлин</i>
<i>Иван Алексеевич</i></p>	– аспирант, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: dudelevel932@gmail.com
<p><i>Москвин</i>
<i>Василий Павлович</i></p>	– доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: vasmoskvin@yandex.ru
<p><i>Рац</i>
<i>Ильдико Мария</i></p>	– доктор филологии, Университет Этвоша Лоранда. E-mail: ildiko@raczt.hu
<p><i>Седых</i>
<i>Аркадий Петрович</i></p>	– доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого и французского языков, Белгородский государственный национальный исследовательский университет. E-mail: sedykh@bsu.edu.ru
<p><i>Уваров</i>
<i>Андрей Алексеевич</i></p>	– аспирант кафедры языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: auvarov2008@gmail.com
<p><i>Шейко</i>
<i>Анастасия Михайловна</i></p>	– кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и перевода, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: Sheiko.am@vspu.ru
<p><i>Шулятева</i>
<i>Элеонора Вадимовна</i></p>	– ассистент кафедры романской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: elleshy@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

<i>Aleksandr Gorbatovsky</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of German Philology, Kuban State University, E-mail: alexgorbatovsky@mail.ru
<i>Anastasiya Sheiko</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of Intercultural Communication and Translation, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: Sheiko.am@vspu.ru
<i>Andrey Uvarov</i>	– Post Graduate Student, Department of Language Studies, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: auvarov2008@gmail.com
<i>Arkadiy Sedykh</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Department of German and French Languages, Belgorod State National Research University, E-mail: sedykh@bsu.edu.ru
<i>Arzu Asadullaeva</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of Intercultural Communication and Translation, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: a.arzu18@yandex.ru
<i>Ekaterina Bobyreva</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Department of English Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: new_life@mail.ru
<i>Eleonora Shulyateva</i>	– Assistant, Department of Romance Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: elleshy@mail.ru
<i>Ildiko Maria Rats</i>	– Advanced PhD (Philology), Eotvos Lorand University, E-mail: ildiko@raczt.hu
<i>Ivan Mikhaylin</i>	– Post Graduate Student, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: dudelevel932@gmail.com
<i>Kristina Korovina</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: kristy_life@mail.ru
<i>Mahnush Eskandari</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of Russian Language, Allameh Tabataba'i University, E-mail: Eskandari.mahnush@gmail.com
<i>Maryana Karmova</i>	– Senior Lecturer, Department of English Language in Professional Sphere, Financial University under the Government of the Russian Federation, E-mail: mkarmova@fa.ru
<i>Mohammed Hassan Sammani Mansur</i>	– PhD (Philology), Senior Lecturer, Department of Russian Language and Literature, Ain Shams University, E-mail: hassan@bk.ru
<i>Nikolay Krasavsky</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Department of German Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: nkrasawski@yandex.ru

<i>Olga Leontovich</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Intercultural Communication and Translation, Volgograd State Socio-Pedagogical University; Chief Research Associate, Laboratory of Philological Research of Department of Scientific Activities, Pushkin State Russian Language Institute, E-mail: olgaleo@list.ru
<i>Tatyana Ionova</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of English Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: Ionowa.tatiana@yandex.ru
<i>Valeriya Buryakovskaya</i>	– Advanced PhD (Philology), Head of Department of English Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: vburyakovskaya@yandex.ru
<i>Vasiliy Moskvina</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Russian Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: vasmoskvina@yandex.ru
<i>Veronika Katermina</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Department of English Philology, Kuban State University, E-mail: veronika.katermina@yandex.ru
<i>Vilena Kuznetsova</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of Romance Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: v.kouznetsova@inbox.ru
<i>Zhanna Budarina</i>	– Senior Lecturer, Department of Chinese Language, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: janissimo@inbox.ru

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Н.А. Красавский, д-р филол. наук, проф.

Зам. главного редактора:

К.И. Декатова, д-р филол. наук, доц.

Редакционная коллегия:

Е.В. Брысина, д-р филол. наук, проф.

С.Г. Воркачëв, д-р филол. наук, проф. (Краснодар)

В.В. Дементьев, д-р филол. наук, проф. (Саратов)

А.Х. Гольденберг, д-р филол. наук, проф.

Л.В. Жаравина, д-р филол. наук, проф.

В.И. Карасик, д-р филол. наук, проф. (Москва)

А.А. Кораблев, д-р филол. наук, проф. (Донецк)

Л.П. Крысин, д-р филол. наук, проф. (Москва)

М.Ч. Ларионова, д-р филол. наук, доц. (Ростов-на-Дону)

О.А. Леонтович, д-р филол. наук, проф.

Г.Б. Мадиева, д-р филол. наук, проф. (Алматы, Казахстан)

В.М. Мокиенко, д-р филол. наук, проф. (Санкт-Петербург)

С.А. Мызников, д-р филол. наук, проф. (Санкт-Петербург)

Н.Н. Панченко, д-р филол. наук, проф.

С.В. Перевалова, д-р филол. наук, доц.

Л.Н. Савина, д-р филол. наук, доц.

В.И. Супрун, д-р филол. наук, проф.

Н.Е. Тропкина, д-р филол. наук, проф.

А.А. Фокин, д-р филол. наук, доц. (Ставрополь)

Цзиньлин Ван, д-р филол. наук, проф. (Чанчунь, КНР)

Э.Ф. Шафранская, д-р филол. наук, доц. (Москва)

СОСТАВ НАУЧНО-РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

А.М. Коротков, председатель совета, член-корр. РАО, ректор ВГСПУ, д-р пед. наук, проф.

Н.А. Красавский, д-р филол. наук, проф.

М.В. Великанов, отв. секретарь редколлегии